МАЛЫШ
И
СТРАННИК.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор: Буевич Владимир Вацлавович. Участник боевых действий в Демократической Республике Афганистан -1986-1987 гг

ПОВЕСТЬ О БОЕВОМ ПУТИ, ЖИЗНИ И СМЕРТИ ОТДЕЛЬНОГО РАЗВЕДВЗВОДА Н-ской ОТДЕЛЬНОЙ ГОРНОСТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ В СОСТАВЕ ОГРАНИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАНЕ.

- Малыш и Странник
  - ОТ АВТОРА
  - * * *

Малыш и Странник

Написана в 1990 году от имени третьего лица.

Все события, описанные в данном произведении, основаны на реальных фактах.

Фамилии некоторых героев подлинные, с их согласия, номера воинских частей и подразделений изменены. Любые другие совпадения несут чисто случайный характер и к реально существующим людям никакого отношения не имеют.

ОТ АВТОРА

Меня всегда интересовала история Афганской войны. Все-таки почти десять лет 40-я армия, специально созданная для этого, вела активные боевые действия, но эта деятельность нигде не афишировалась.

Даже изъявив огромное желание познакомиться с литературно изложенными материалами о той войне, вы нигде не найдете их. Ещё не написаны, да и вряд ли будут когда-либо написаны книги о жизни, быте и судьбах советских солдат и офицеров, принимавших участие в тех событиях. Тема Афганской войны уже неактуальна. Даже если кто-то решит выпустить подобную книгу, то вряд ли она будет пользоваться спросом. Сейчас прилавки книжных магазинов забиты низкопробными зарубежными детективами, романами о любовных страстях и другим ширпотребом. А на экранах телевизоров и кинотеатров ведут свои крутые разборки герои совсем других войн и стран.

Художественных фильмов об Афганской войне снято так мало, что хватит пальцев одной руки для их перечисления. А исторические факты их сюжетов такие сказочные и наигранные, что мои знакомые, бывшие воины-афганцы, даже не желают о них слышать. Сами же они очень неразговорчивы и стараются, как можно меньше вспоминать о тех годах своей жизни. По крупицам я собирал свой архив афганских историй. Теперь в нем множество воспоминаний из жизни наших военнослужащих разных званий и родов войск, но они все разрознены и пестры как мозаика. Однажды мне представился счастливый случай наконец-то получить в свое распоряжение полнометражную захватывающую и трагическую историю о целом боевом подразделении. Сначала я был не совсем уверен в правдоподобности изложенной истории, многое услышанное казалось слишком уж надуманным и преувеличенным. Но, проведя своё собственное расследование, я убедился, что все сказанное действительно происходило на самом деле. Встретившись с некоторыми второстепенными участниками тех событий, я получил не только подтверждение правоты слов рассказчика, но и некоторые дополнительные сведения, значительно украсившие первоначальную историю. Немного переработав и дополнив новыми фактами рассказанную историю, я решил вынести ее на суд читателей.

Во избежание, каких либо недоразумений сообщаю: фамилии всех героев повести, за исключением тех, кто дал согласие на использование своих данных в написании сюжета, изменены, и хотя история основана на реальных фактах, любые совпадения с

ныне здравствующими людьми носят только случайный характер. Особую благодарность за публикацию данного произведения нужно высказать: Алексею Панфилову, Мамчуеву Иссе-Али Муссаевичу, Кузнецову Анатолию, Григорию Черепанову(посмертно). *«Сюда ещё добавим фамилии спонсоров».* Без их участия повесть так бы и осталась лежать на полке в шкафу.

* * *

В сентябре 2001 года я ехал в одну из своих частых командировок. Нестесненный в финансовом отношении, позволил себе купить билет в вагон «СВ». Удобное купе на двоих давало возможность спокойно отдохнуть и поработать за время пути. Правда, будучи немного рассеянным и, как говорит моя супруга, летающим где-то в облаках, чуть, было, не опоздал к отправлению поезда. За две минуты до отхода «влетел» в свой вагон и счастливый от самой мысли, что успел, еще немного постоял в коридоре, глядя на удаляющийся вокзал.

Соседом по купе оказался мужчина в возрасте около сорока лет. Аккуратно подстриженные, совершенно седые, вьющиеся волосы обрамляли тронутое глубокой печалью лицо. Одет он был в дорогой спортивный костюм фирмы «Пума», из-под расстегнутого ворота которого виднелся краешек голубой тельняшки. На правой руке, отблескивая циферблатом, красовались часы японской фирмы «Ориент», а на безымянном пальце, как влитое, сидело обручальное кольцо. Во всей манере держаться явно угадывалась армейская выправка и полная уверенность в себе. «Скорее всего, это офицер, едущий в очередной отпуск», — подумал про себя.

Разложив свои вещи, я сел на свое место и решил завести знакомство. «Раз уж нам предстоит вместе ехать четыре дня, то позвольте представиться: Александр Петрович Стечкин, историк, еду в Красноярск, в служебную командировку, — обратился я к нему — для удобства можно просто — Петрович». Мой спутник, дружелюбно пожав протянутую руку, ответил: «Маркевич Владимир Семёнович, можно просто — Володя, председатель Никоновского районного общества ветеранов Афганистана, еду в Новосибирск по личному делу». После соблюдения официальной части, как водится, по-русски выпили за знакомство и принялись болтать о рыбалке, погоде и жизни. Сам факт, что передо мной сидит бывший воин-афганец, не давал мне покоя. Хотелось его расспросить обо всем, но, зная, как трудно идут на прямой

разговор мои знакомые афганцы, я не стал торопить события и начал издалека. — Вот вы говорили, что являетесь председателем общества афганцев. Трудно, небось, с ними работать, по своему опыту я знаю, как они необщительны и часто просто обижены на весь мир. Понимаю, что тяжело жить в обществе, где к вам относятся как к изгоям. Зачастую в кабинетах чиновников разного ранга обычно слышите одну и ту же дежурную фразу: чего вы от меня хотите, я же вас туда не посылал. Володя с пониманием кивнул и ответил:

— Мы пытаемся собрать всех в единый коллектив и сообща бороться с чиновничьим безразличием, своеволием властей и непониманием со стороны простого народа. Стараемся понять каждого отдельного члена нашей организации с его проблемами и горестями. За плечами каждого из нас непростая судьба, многие пережили такое, о чём лучше не говорить.

— Вы правы, Володя. Много лет я по своей личной инициативе занимаюсь изучением афганской войны и собираю истории очевидцев тех событий. Может быть, в скором времени опубликую эти материалы. Не хотите ли вы внести и свой вклад в создание этой «Книги памяти»?

Не мог я даже предположить, каким будет его ответ на моё предложение. Обычно, мои собеседники не очень охотно шли на контакт. Он немного подумал и ответил:

— Ради памяти моих погибших товарищей я вам поведаю историю жизни отдельного разведвзвода, где мне выпала честь служить в должности замкомвзвода, и который героически погиб в одном из ущелий Алихейльского укрепрайона. Я уже давно хотел поведать эту историю людям, но никак не выпадал случай это сделать. Напишите о моих друзьях, пусть память об их жизни и боевых подвигах сохранится на страницах вашей книги. А я хоть немного освобожусь от тяжелого груза на душе. Каждый год, начиная с 1988, я еду к месту погребения одного из моих бывших бойцов, еще семь лет и объеду всех. Мой долг возложить цветы на могилу каждого из них и помолиться за упокой его души. Иногда, по предварительной письменной договоренности, встречаюсь с родителями и, при их желании, рассказываю о том, как жили и воевали их сыновья. Но такие встречи очень редки, видимо, раны на сердце у многих уже затянулись и людям не хочется их вновь открывать. Теперь, благодаря вам, у меня появилась возможность поведать полную историю жизни и гибели нашего разведвзвода. Если вы опубликуете свою книгу, то я постараюсь каждой семье погибшего разведчика отправить по экземпляру. Пусть память об их сыновьях вечно хранится на страницах этой книги, и следующие поколения будут знать, что в их семье были

настоящие герои.

После этих слов он начал свой рассказ, прерываясь лишь на время еды и ночного сна. Мой диктофон работал в режиме полной загрузки…

* * *

«Странник»- позывной для радиосвязи с отдельным разведвзводом, одной из частей Джелалабадского гарнизона в составе «ОКСВА». Это по сути своей странное для Советской Армии подразделение, не укладывающееся в традиционные рамки по методам подбора личного состава и сроков службы. Основным критерием отбора являлось: наличие спортивного разряда, уровень интеллекта, умение работать в команде и самостоятельно, наличие основных понятий о стратегии и тактике современного боя, а также желание всем этим овладеть в совершенстве.

Основным костяком состава разведвзвода 1985-87 годов службы являлись: замкомвзвода сержант Маркевич, комод-1 Савченко, комод-2 Швец, комод-3 Залевский. Все события в основном происходили при их непосредственном участии. Поэтому они и будут являться главными героями повести. Путь каждого из них в разведчики до определённого момента слаживался по-разному. Одно лишь было общее-время призыва на службу: осень 1985 г. Сергей Савченко и Володька Маркевич после призыва были направлены в учебный центр хим. войск Минобороны, который находился в Подмосковье. Здесь они встретились и подружились. Серёга имел спортивный разряд по дзюдо, и Володя начал тренироваться под его чутким руководством, довольно быстро он уже овладел этим искусством на том же уровне, что и его учитель. Шесть месяцев учебной подготовки по специальности командир огнемётных подразделений были полны муштры на строевом плацу, занятий по мат. части огнемётов и тактической подготовке. В одном ребята были разочарованы, сержанты их учебного взвода, да и офицеры-наставники почему-то прилагали максимум усилий для того, чтобы выбить из своих подчиненных дух свободомыслия и сделать из них послушных стадных животных, не имеющих своего мнения. Сопротивляясь этому, друзья нажили себе врагов и твердое обещание командира направить их после окончания курса обучения служить в самые неприглядные места. Швец и Залевский проходили обучение в учебках к.ТУРК.В.О. и твердо знали, что после окончания обучения будут направлены в Афган. Швец получил специальность командира пулемётного расчёта и звание мл-сержант, а Залевский — командира мотострелкового отделения и такое же звание. Судьба свела наших героев в пересыльном лагере на полигоне под Чирчиком. Здесь были собраны команды для акклиматизации и дальнейшей отправки в

Афганистан. Во время, когда Швец и Залевский еще носились по сопкам своих учебных полигонов, Володя и Сергей готовились к сдаче экзаменов. В целом, сдача прошла удачно, Володька все нормативы выполнил на отлично, а Серега немного завалил тактику. В результате Маркевич получил звание сержанта, а Савченко — младшего сержанта. Помня о том, что комвзвод обещал им направление в самые «лучшие» места для прохождения дальнейшей службы, ребята стали интересоваться, куда именно они могут попасть. У Сереги в штабе центра служил земляк Валентин Прокопов, который мог узнать про все назначения. От него Серега и узнал, что им с Володькой светит направление на полигон хим. войск в Нукусе. Условия службы там ужасные, часто после испытаний новых видов химического оружия солдаты, служившие там, возвращаются домой почти калеками. Верный способ избежать подобной участи — написать рапорт на имя командира части с просьбой направить для дальнейшего прохождения службы в Афган. Восемнадцатилетние пацаны еще не осознавали, что там, куда они собрались, идет настоящая война и такие же, как они солдаты, погибают ради никому неведомой цели. Да и откуда им было знать, ведь в газетах и по телевидению тогда было не принято честно освещать те события. Все приукрашалось и подавалось в нужном для тогдашней политики ракурсе. Вот и получалось, что служба в Афгане ничем не отличалась от службы где-нибудь в Монголии или на Кубе. Командование всегда приветствовало добровольцев, ведь всегда легче отправлять на смерть тех, кто сам этого просит.

В один прекрасный день со всего Московского Военного Округа были собраны такие добровольцы и отправлены спец. поездом в город Чирчик. Пять дней этот поезд тащился по всей стране, собирая в разных городах всё новые и новые команды солдат. Наконец, проехав бескрайние степи Средней Азии, они прибыли на свою конечную остановку. Что же ждало ребят в Чирчике: пыльная, голая равнина на окраине города, палаточный городок да две недели «горной подготовки». Бессмысленные марш-броски и тупая по своей сути игра «Сопка ваша — сопка наша», где якобы отрабатывались приёмы ведения боя в горной местности. Здесь ты просто являешься, бездумной игрушкой в руках инструктора, который вместо того, чтобы дать какие либо знания, просто издевается над своими подопечными, получая от этого огромное удовольствие. Объяснял он такое отношение просто: «Меня так гоняли, и я вас точно также гонять буду».

Вечером в лагере появлялись «деды» и «дембеля» из местного

гарнизона и промышляли вымогательством с элементарным разбоем. Выбрав небольшую группу солдат, с помощью грубой силы и запугивания, освобождали последних от денег и ценных вещей. При попытке сопротивления жертвы грубо избивались. Это был очень прибыльный бизнес, ведь за два месяца существования пересылки через неё проходили тысячи солдат и лишь немногие могли похвастаться тем, что избежали встречи с «дембельской командой». Кроме Володьки и Серёги, из их части было отправлено ещё десять ребят. В поезде они договорились держаться одной группой, и теперь занимали две рядом стоящие палатки. В один из вечеров пришла и их очередь платить дань. В палатку вошли пятеро незнакомых солдат и предложили добровольно пожертвовать деньги на «дембельский поезд». Володя с Серегой являлись ядром их маленькой компании, и все остальные ждали от них каких-либо действий. Переглянувшись, они моментально поняли друг друга и, не тратя времени на пустые переговоры, просто пошли в атаку. Остальные поддержали их порыв и драка, начавшаяся внутри палатки, перекинулась на улицу, где нападавших ожидала группа поддержки. Вовчик с Серым валили нападавших как снопы, остальные отбивались, как могли. Первым на шум драки прибежали два инструктора сержанта, они были сослуживцами нападающих, и попытались, пользуясь своей властью, остановить уже не на шутку разошедшихся бойцов. Один из них бросился на Володьку, но, получив серию четких ударов по корпусу, тихо замер на пыльной земле. Второго обработал Серёга и тоже уложил отдыхать в сторонке. Видя, что дело пахнет жаренным, громилы начали отступать и постепенно отходили к окраине городка. Закончить разгром банды ребятам помешал поднятый по тревоге караул. Пришедшие в себя инструктора показали на Володю и Сергея, как на зачинщиков и организаторов драки. Их арестовали и до утра поместили в одну из комнат караулки. Среди ночи, посрамленные инструктора, собрав свою команду, вломились в тесную комнатёнку, дабы отомстить непокорным солдатам. Двое изрядно помятых в первой стычке ребят противостояли шести крепким сержантам второго года службы. Отстаивая свою честь, они уже били не щадя своих соперников. Володя, ударив первого в солнечное сплетение, перебросил второго через себя и, не глядя на результат его падения, взялся за третьего. Тот, что перелетел через Володькину голову, со всего маху упал на деревянные ящики, стоящие у окна и теперь лишь стонал, сидя в углу держась за бок. Третий, получив удар в пах и мастерский удар снизу в челюсть, отключился мгновенно. Добивая пришедшего в себя после удара второго, Вовчик краем глаза проверил, как идут дела

у Серого. Тот, свалив своих противников в кучу, гордо восседал на них, иногда нанося удары особо строптивым. Выскочив в коридор, Володя обезоружил опешившего часового и загнал его в комнату, где ещё недавно сидел сам. Они с Серым заперли этих бедолаг и удалились в свою палатку. Утром весь лагерь был поднят на ура, ещё бы: шестеро инструкторов с обезоруженным часовым были обнаружены запертыми в кладовке караулки, а арестанты исчезли. Ребята добровольно пришли к командиру лагеря, и объяснили все, как было на самом деле. Не желая раздувать скандал, подполковник Смирнов с первой же командой поспешил отправить наших друзей из лагеря. На прощание он лишь пообещал, что направит их туда, где они сдохнут уже через месяц.

Вечером этого же дня их отправили с очередной командой на машинах в Ташкент. Утром следующего дня серебристый, пассажирский лайнер «ТУ-154» принял их на борт и, взревев двигателями, унес в голубое небо. Позади остались все неприятности и невзгоды, а впереди их ждала лишь неизвестность.

Под крылом самолета проплывали в разрывах облаков горные вершины. Монотонный гул турбин и однообразие картин в иллюминаторе быстро утомили Володю, и он заснул. Что он видел во сне, так и не удалось узнать. Скорее всего, он видел любимую девушку, обещавшую его ждать со службы, или картинки из той, гражданской жизни, оставшейся так далеко. Проснулся он от неясного, тревожного гула голосов и странных хлопков за бортом самолета. В иллюминаторе были видны три вертолета, сопровождавшие самолет. Из каких-то приспособлений на их боках одна за другой выстреливались светляки сигнальных ракет. Видя небольшую панику на борту самолета, бортмеханик поспешил объяснить, что вертолеты сопровождают их самолет к месту посадки в аэропорту Кабула, а тепловые ракеты — это защита от душманских зенитных комплексов. Они стреляют ракетами с самонаводящимися тепловыми головками. Для отвода от самолетов таких ракет и служит отстрел из специальных кассет, по бокам вертолета, сигнальными ракетами. Оказывается, тепло, создаваемое при горении сигнальной ракеты в несколько раз больше тепловой струи двигателя самолета. Поэтому тепловые датчики боеголовки уводят ракету в сторону от цели. Зрелище, конечно, очень эффектное и незабываемое.

Посадка тоже была необычной, ведь при посадке на обыкновенный аэродром самолет постепенно снижает скорость и высоту, идя по прямой, а здесь снижение происходит по спирали и, совершив несколько кругов вокруг аэродрома, самолет садится

на взлетную полосу. Спускаясь по трапу, Володя увидел, что навстречу им по взлетке идет неровный строй дембелей. Парадные формы блестят боевыми наградами, в руках у всех одинаковые пластиковые дипломаты с яркими наклейками, роскошные аксельбанты и белые ремни дополняли общую картину. Таких дембельских нарядов никто из ребят еще не видел и они с нескрываемым любопытством разглядывали приближающийся строй.

Когда две команды поравнялись, дембеля стали приветствовать вновь прибывших странными выкриками: «Духи, вешайтесь», «Мы едем в Союз ваших девок трахать», «Служи, солдат, как я служил, а я на службу положил».

Слегка обескураженные таким отношением к себе, ребята доплелись до выхода из взлетного поля, а когда до них донесся звук взлетающего самолета, то все обернулись, провожая взглядом серебряную птицу, улетающую на Родину.

В эту минуту каждый задумался, а сможет ли он по окончании службы точно также вернуться домой. Володя сразу отогнал эту глупую мысль, он был почему-то твердо уверен, что еще вернется на эту взлетку и также гордо взойдет на трап самолета, покидая афганскую землю с чувством выполненного долга.

Так, размышляя каждый о своем, они доплелись до палаток, где им предстояло теперь жить, ожидая распределения. Первым признаком чужой страны была неимоверная жара, после -14 Москвы и +18 Чирчика здешние +38 казались сущим адом. Все спасались от жары в тени палаток, и о знакомстве со здешней территорией не могло быть и речи. Приставленный к ним для присмотра прапорщик Зуев не рекомендовал хождение по

территории во избежание каких-либо недоразумений.

После обеда к группе новичков подошел сержант мед. службы и начал приглашать по два человека в стоящую неподалеку палатку под предлогом проверки здоровья. Вроде бы ничего необычного, но Володьку насторожил тот факт, что вещмешки каждый должен брать с собой. Зачем наличие вещмешка при проверке здоровья?

Те, кто возвращался после осмотра, были угрюмы и молчаливы, а сержант внимательно следил за тем, чтобы пришедшие после осмотра, не общались с остальными. Наконец, очередь дошла и до наших неразлучных друзей. Войдя в санитарную палатку, они увидели пятерых «дедов», сидящих на застеленных кроватях. Один из них обратился к ребятам с вопросом: «Откуда, славяне, родом?». «Мы крымские,» — ответил гордо Серый. «А не хотите ли землякам на дембель подарить парадку и ботинки, да, если есть советские деньги, то тоже сложите их на эту тумбочку, они вам здесь больше не понадобятся», — предложил им все тот же «дед». Подмигнув Сереге, Володька напряг все свои мышцы и подготовил тело к броску, осталось только спровоцировать эту компанию к первому удару. Нужный встречный вопрос нашелся сам собой: «А не хотят ли „дедушки“ Советской Армии отсосать не нагибаясь».

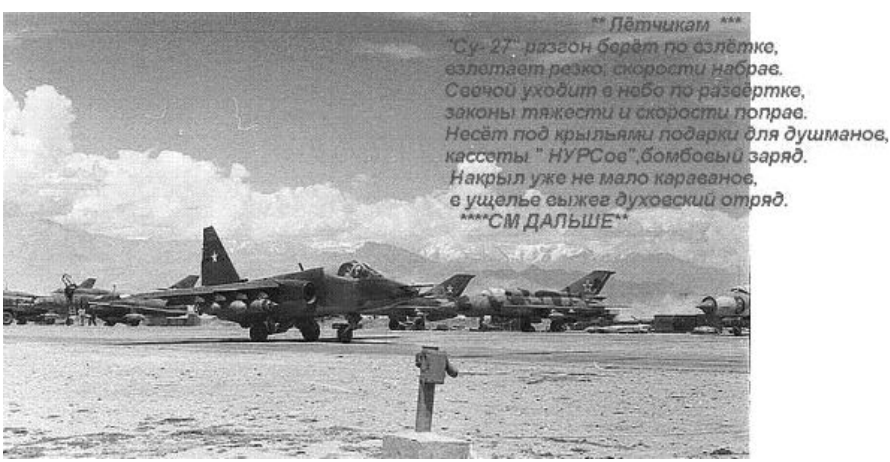
С диким рёвом: «Вы чё, духи, совсем оборзели», «деды» рванулись в атаку. Врезав одному в нос, другому коронным — в пах, Володька занялся третьим, успевая при этом наблюдать, как Серёга, разбросав своих, готовится пройтись по ним вторым

заходом. Один из Володькиных, вылетел из палатки за подмогой, зато оставшиеся, отгребли по полной программе. Загнав их в угол палатки, ребята по одному сложили их под кровати и, немного передохнув, стали ожидать усиленного вторжения. В палатку влетела первая пятерка, размахивая перед собой ремнями. Троих в ловком подкате свалил Серый, одного ударом табурета по маковке остановил Володя, пятый, видя такой оборот дел, крутанувшись на месте, стал отступать. На подходе были еще трое, да и первые уже начали приходить в себя. Положение осложнилось, но, на счастье наших героев, проходящий мимо патруль, услышав шум побоища, вовремя вмешался в разборку. Произошла интересная метаморфоза: нападавшие словно испарились, а те, кто не мог самостоятельно встать на ноги, были отправлены в лазарет. Володьку с Серегой под конвоем направили в особый отдел. По ходу к ним пристроился пр-к Зуев и ненавязчиво стал объяснять, как себя нужно вести со следователем, что отвечать на его вопросы. Если все будет сделано правильно, то дело можно будет замять. Не нужно было быть особо одаренным, чтобы понять: дело по конфискации вещей поставлено на конвейер, отобранные вещи шли на продажу, и цепочка коммерсантов, которая начиналась в солдатской палатке, заканчивалась где-то в верхах. Раздувать скандал никто не желал, ведь в результате разбирательства могли полететь погоны различного ранга. Быстренько была состряпана дежурная версия о неуставных взаимоотношениях. По приводу в особый отдел особисты развели ребят по разным кабинетам и два часа «варили воду», загружали тем, что лет пять дисбата (дисциплинарный батальон — военная тюрьма) им обеспечено. Запугивая, этим пытались склонить к сотрудничеству — стать доносчиками и докладывать обо всех вольнодумцах, нарушителях дисциплины и закона. Видя, что ребята стоят на своем, и стукачами быть не желают, следователь пообещал; в ближайшее время направить их в одну из самых горячих точек и самый строгий надзор со стороны тамошнего особиста. Это означало, что за малейшую провинность их могут отдать под трибунал. Но все-таки такая перспектива радовала больше, чем возможность остаться для прохождения службы здесь и в течении полутора лет жить в постоянном ожидании мести со стороны обиженных «дедов». Как пояснил Зуев, бывали случаи, когда солдаты погибали от «шальных» пуль, или, «случайно заблудившись», подрывались на минном поле. Можно также просто ночью, во время сна, упасть со второго яруса кровати и свернуть себе шею. В данной ситуации отправка в горячую точку давала больше гарантий вернуться домой живыми. Проведя тревожную ночь в камере гауптвахты,

лишь утром, садясь в самолет, летевший в Джелалабад, ребята с облегчением вздохнули. В первый и последний раз неизвестность, ожидавшая их где-то там, за горами, не пугала, а давала шанс на жизнь. Летевший вместе с ними пр-к Шумейко шутил: «Если хочешь пулю в зад — поезжай в Джелалабад». В это утро они поклялись, что бы ни случилось — друг друга в беде не бросать и всегда стоять спина к спине. Полет на «ИЛ-76Т» — это вам не прогулка на пассажирском лайнере. Центральный проход внутри самолета занимали зачехленные брезентом ряды ящиков, а пассажиры ютились на откидных сидениях по обеим сторонам бортов. Отсутствие иллюминаторов завершало общую картину замкнутого пространства, которое давит на тебя со всех сторон. Взлет по спирали, для набора высоты, вызывал жуткие приступы рвоты: то тут, то там слышались неприятные звуки извергаемой их желудков пищи. Этот запах, быстро распространившийся по салону, добивал даже самых стойких. Первая посадка произошла в Баграме на военном аэродроме. Снова этот жуткий спуск по спирали и хлопки отстреливающих ракет по обе стороны корпуса.

Многие просто выползали из самолета и обессиленные падали на землю. Четверо последних были остановлены бортмехаником, им предстояло вымыть салон после себя.

По списку сопровождающих команду были отобраны бойцы, которые будут проходить службу в частях Баграмского гарнизона. Построившись в походную колонну, они двинулись на край взлетки, где их ожидали машины. Разгрузка самолета длилась около получаса, за это время Володька успел хорошо оглядеться. Особо его заинтересовали боевые самолёты. Он впервые в жизни видел их так близко.

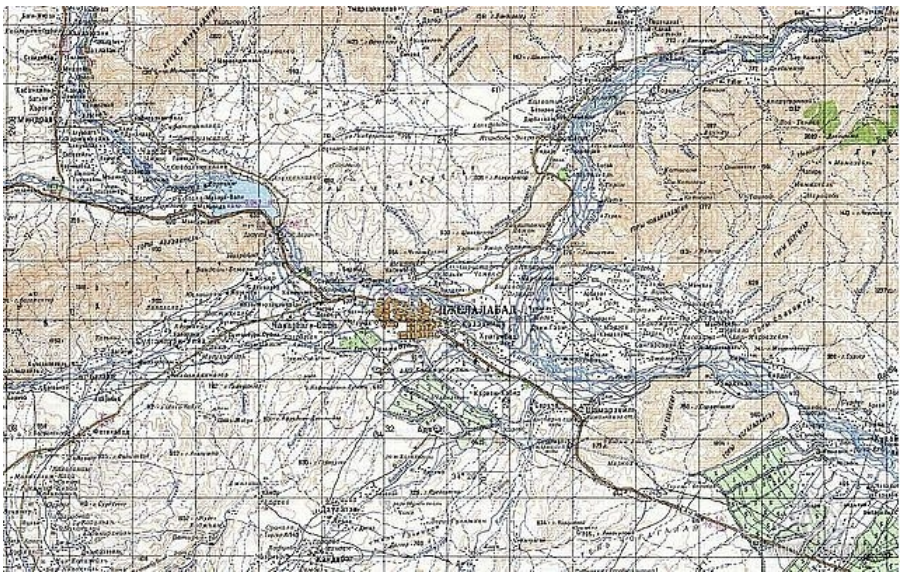

** Лётчикам ***
"Су- 27" разгон берёт по взлётке,
взлетает резко, скорости набрав.
Свечой уходит в небо по развертке,
законы тяжести и скорости поправ.
Несёт под крыльями подарки для душманов,
кассеты " НУРСов",бомбовый заряд.
Накрыл уже не мало караванов,
в ущелье выжег духовский отряд.
****СМ ДАЛЬШЕ**

*** 2***
Ему на встречу" Стингеры" и "Стрелы",
взлетают часто,оставляя дымный след.
Пилот, советский парень, очень смелый,
от них уходит, сделав плавный пируэт.
Сегодня он оказывал поддержку,
отдельной группе, взявшей перевал.
Просил по радио прикрытья и задержку,
" Боезапас я парни попс
**********СМ ДАЛЬШЕ******

*** 3 ***
" Вы только точно укажите цели,
чтоб я своих случайно не задел.
Огнём к земле ракетчиков прижмите,
меня прикройте от душманских" Стрел".
И банду духов он с позиций сбросив,
ушел на базу со спокойною душой.

Стройные, обтекаемые формы истребителей и штурмовиков завораживали и будили целую бурю чувств в душе сельского паренька. Взлет, посадка этих серебристых монстров, их маневры в воздухе вызывали чувство гордости за свою страну и веру в непобедимость нашей армии. Как он завидовал летчикам, ведущим своих железных птиц в их стремительный полет!

Прозвучавшая команда к посадке вырвала его из мира фантазий и вернула в реальную жизнь. Помня о том, что последние моют салон, они с Серым заняли места в самом хвосте, поближе к выходу. Снова дико взвыли турбины, и громада самолета начала разбег по взлетной полосе. Набрав высоту, он лёг на нужный курс и уже вскоре начал опускаться на взлетку Джелалабадского аэропорта.



Как и ожидалось, последние четверо автоматически стали уборщиками, хотя опорожнивших свои желудки, было намного меньше. Володька с Серегой, первыми покинувшие самолёт, уже с

удовольствием отдыхали в тени ближайших деревьев.

Минут через двадцать к взлётной полосе В это время к взлётной полосе подъехали два «КамАЗа» и «БТР», из них стали выгружаться солдаты. Поражала странная форма одежды: на всех были маскхалаты типа «Березка» (в Союзе такие носили только офицеры), на ногах кроссовки, головные уборы самые различные — панамы, камуфляжные кепи и голубые береты. У многих солнцезащитные очки «Хамелеоны» со стеклами, меняющими прозрачность в зависимости от степени освещенности. Особенно впечатлили выделяющиеся из общей массы пулемётчики: крепкого сложения, тяжелые пулемёты «ПК» в их руках казались просто игрушками, лента с патронами, перекинутая через плечо, играла на солнце зловещими отблесками.

Пройдя мимо глазеющих новобранцев, эта разношерстная компания загрузилась в три вертолёта, ожидавших на краю взлетного поля, и унеслась неведомо куда. Один из встречающих группу новобранцев офицер объяснил, что это развед. рота, ушла на зачистку зеленки. Володька с Серёгой переглянулись и вздохнули, вот бы и им попасть в такую же боевую роту. До сих пор им попадались лишь солдаты, несущие службу по охране различных объектов, на которых им посчастливилось побывать. А из всех газет и журналов, публикующих материалы об Афгане, следовало, что основной задачей войск ОКСВА и была охрана стратегических объектов да доставка гуманитарной помощи населению. Наконец, наступила команда: «По машинам», и группа быстро загрузилась в два «КамАЗа». Первым двинулся «БТР» с группой сопровождения на броне.

Сразу же у Володьки возник вопрос к старшему

сопровождающему на их машине: «Почему бойцы сидят на броне „БТРа“, а не внутри его? У нас в Союзе строго воспрещено находится сверху, все солдаты должны быть внутри и, при необходимости, вести огонь из бойниц по бортам». Ответ обескуражил всех. «Здесь вам не Союз, у нас тут война, а на войне свои правила. При подрыве на мине или при попадании из гранатомёта есть шанс выжить лишь у тех, кто сидит сверху. Их просто стряхнёт взрывной волной на землю. Здесь вам предстоит еще многому научиться, для этого вы две недели будете находиться в карантине и от того, как вы усвоите учебный курс, будет зависеть не только ваша жизнь, но и жизнь ваших товарищей». Так, за разговорами прошло время поездки от аэродрома до части. Дорога шла вдоль реки, за которой располагался кишлак. При подъезде к самому КПП части, в камышах у барака раздались взрывы. «Все на пол, обстрел!» — крикнул старший. Не останавливаясь, машины миновали КПП. Володька осторожно выглянул из- под брезента и к его изумлению, солдаты, стоявшие на КПП, нисколько не обращали внимания на эти взрывы. Оказалось, что это танк-тральщик уничтожает старое минное поле по берегу реки. Проехав еще метров триста, машины остановились, команда высадилась и, построившись в походную колонну, двинулась на строевой плац. Из штабного модуля навстречу им вышла группа офицеров: майор, два лейтенанта и два прапорщика. Новобранцы были разделены на две части по тридцать человек и под командованием лейтенантов построены для строевого осмотра. После прохода строевым маршем с отдачей чести знамени и памятнику героям части, майор, принимавший парад, обратился к ним с речью: «Вы прибыли для прохождения службы в Н-скую Отдельную горнострелковую бригаду. С сегодняшнего дня поступаете под временное командование лейтенантов Симонова и Петренко, прапорщики Нечипорук и Власов будут вашими старшинами. Под их руководством вы пройдете, двухнедельный курс обучения и подготовки, после этого будете распределены по своим постоянным подразделениям».

«Распределение будет зависеть от проявленных в процессе обучения личных качеств и способностей каждого из вас. В данный момент наша бригада находится на боевом выходе, кроме вас, в расположении части находятся: батальоны обеспечения, две роты охраны и ещё четыре, таких же, как ваши, учебных взвода. Размещены вы будете во временном палаточном лагере. Личная моя просьба: очень внимательно отнестись к учебному процессу и чётко выполняйте все указания и рекомендации ваших командиров. Желаю вам успешного прохождения службы,

возвращения домой живыми и здоровыми». Отдав честь, майор удалился в штаб, а лейтенанты повели свои команды в направлении палаточного лагеря. Шесть выгоревших на солнце палаток, стоящих на совершенно голой площадке, в удалении от основного расположения части, стали на две недели их родным домом. Что же представляло собой это походное жилище: сбитый из досок от снарядных ящиков каркас с таким же полом, 1/3 часть отделена перегородкой, за которой расположена кладовка и комната для офицеров. На этот каркас натянута брезентовая палатка. Железные койки в два яруса, снарядные ящики вместо тумбочек, грубо сколоченные табуреты — вот и вся мебель.

В общем-то, интерьерчик не плохой, только две уродливые печки-буржуйки своим видом портили всю картину. Володя спросил прапорщика Нечепорука: «Зачем печи, если на улице жара около +50. С?». Тот, усмехнувшись, ответил: «Ночью узнаешь».

И он был прав: как только солнце спряталось за горизонт, то температура воз духа стала стремительно падать и к отбою уже составляла лишь +15С. Из-за резкого перепада температуры казалось, что на улице стоит «московский мороз», и тонкое одеяло из верблюжьей шерсти никак не может спасти от холода. Обе печи трудились вовсю, спасая ребят от ночного холода. Но мы забежали вперед, до вечера произошло еще много чего, поэтому нужно восстановить цепь событий.

По прибытию в палаточный городок, командир Володькиного взвода лейтенант Симонов дал 15 минут на то, чтобы разложить свои вещи и занять койки. После этого построил взвод для более близкого знакомства с личным составом. Оказалось, что в их команде Володька был самым старшим по званию, Серега и Швец были младшими сержантами, а также ефрейтор Степин. Все остальные были рядовыми.

Володька автоматически стал замкомвзвода, а остальные получили под начало отделения. Разделив команду и переписав фамилии, Симонов удалился в штаб, оставив взвод на попечение прапорщика Нечепорука. Тот велел всем зайти в палатку и разместиться на табуретах в центральном проходе, сам сел на стул впереди и провел разъяснительную работу. Так как он был старше любого из ребят лет на двадцать, то обратился к ним просто: «Сынки, вы не обижайтесь, что я вас так буду называть. Хочу объяснить вам простые не писаные правила, которые многим из вас могут спасти не только здоровье, но и жизнь. Прошу вас слушать внимательно и запомнить всё мною сказанное: никогда не поднимайте и не пинайте ногами различные предметы, лежащие на земле. Это могут быть как

мины-ловушки, так и неразорвавшиеся боеприпасы, находящиеся на боевом взводе. Они готовы взорваться от любого толчка. Никогда не лезьте туда, куда вас не посылали. Обратите внимание, что, вся территория части обнесена колючей проволокой, за этим ограждением находится минное поле — даже не пытайтесь туда попасть. Воду из кранов в душевых и умывальниках лучше не пить, хоть она и прошла очистку. На ремне у каждого всегда должна находиться фляга и лучше всего ее наполнять чаем, который специально заваривают в котлах возле столовой. Утром при подъеме всегда вытряхивайте обувь, ночью в неё могли забраться скорпион или фаланга. Их укусы очень болезненны и даже могут привести к смертельному исходу. Купаться в реке Кабул, строго воспрещено, очень сильное течение, и вода всегда полна возбудителей брюшного тифа, холеры, дизентерии и гепатита. Любая из этих болезней крайне опасна». После краткого курса по истории части Нечепорук разъяснил расположение объектов на территории гарнизона и ознакомил с распорядком дня. Незаметно подошло время обеда, построив взвод, Володька повел своих бойцов в столовую. Она представляла собой огромный, железный ангар с бетонным полом. Обеденные столы на шесть персон стояли в четыре ряда. Весь столовый комплекс представлял собой гигантскую букву «Ш», где центральной линией была сама кухня, моечная и склад, в вертикальные линии — три корпуса столовых залов.

Обед состоял из трех блюд: борща, гречневой каши с мясом и какао с булочкой. После сух. пайков и скорых обедов у походных кухонь это был настоящий пир. Перед обедом сержант мед. службы раздал каждому по четыре таблетки и велел выпить, объяснив: «Это „примахин“ для профилактики малярии». Володьке он дал указание после обеда привести взвод для медосмотра в госпиталь. Прапорщик Нечепорук отдал полное командование над взводом в Володькины руки и лишь наблюдал со стороны. Понимая, что от его поведения будет зависеть вся дальнейшая служба, Володька сразу же решил придерживаться четкой командной линии и наладить во взводе дисциплину. Дав команду закончить прием пищи, он вывел свое подразделение из столовой и велел, помня наставление прапорщика, наполнить всем фляги чаем из котлов, стоящих под навесом возле столовой. На вид и вкус эта жидкость даже близко не напоминала чай, оказалось, это просто отвар верблюжьей колючки с добавлением сахара. Однако, несмотря на неприглядный вид, он хорошо утолял жажду и поддерживал жизненный тонус. После медосмотра, затянувшегося на два часа, получив на складе мыло, мочалки и чистое бельё, взвод отправился в баню. С каким

удовольствием все смывали с себя пыль и грязь, накопившиеся за дни кочевой жизни по пересыльным лагерям.

После банных процедур ребята приободрились и с весёлой походной песней двинулись к своему лагерю. Получив от Нечепорука указание срезать с повседневной формы погоны и петлицы, все занялись портняжным делом, вскоре из разношерстной толпы образовалась однообразная команда зеленопогонников. Различными остались лишь головные уборы. Кто проходил подготовку в учебках Средней Азии, тот носил панаму, а остальные, как Володька и Серега, пилотки. Нечепорук сказал, что после распределения по постоянным подразделениям всем будет выдана новая форма. Отозвав Володьку в сторону, он велел назначить дневальных и составить график дежурств. Так проскочило время до ужина, после которого пришел лейтенант Симонов и проверил, как расположились его бойцы. Он осведомился у Нечепорука о ходе дел. Оставшись довольным результатами проверки, дал указание всем отдыхать.

Ночь была холодной, но, утомленные от перелетов, переездов и переживаний, ребята спали как убитые. Пока они спят, давайте познакомимся поближе с нашими главными героями.

Володя Маркевич (Малыш) — это прозвище он получит немного позже за то, что был меньше ростом и комплекцией всех остальных бойцов «Странника». Хотя 178 см рост 48 размер одежды — это не так уж и мало. Для решения задач, ставящихся перед разведвзводом, личный состав подбирался особо тщательно. Почти все его бойцы имели спортивные разряды силовых видов спорта: борцы, боксеры, пятиборцы и биатлонисты. Теперь вам должно быть понятно, почему Володьку прозвали Малышом, на первом этапе отбора он попал в поле зрения отборочной комиссии лишь потому, что до армии сдал нормативы на звание «инструктор по горному туризму» в одном из крымских турлагерей для учащихся старших классов. И хотя

горы Гиндукуша очень сильно отличались от Крымских, чувствовал он себя здесь как рыба в воде и старался, как мог, обучить остальных разным горным премудростям. Все очень старались и, видя, как на практике полученные знания не раз спасали их жизнь в очень трудных ситуациях, любили и уважали сержанта за его работу и терпение. В роду Малыша по отцовской линии все мужчины были воинами, и каждый в своё время защищал нашу Родину от различных врагов. Коренные белорусы, они почти всегда первыми встречали врага. Кто только не посягал на свободу этого народа: скифы, половцы, татары, поляки и немцы. Опыт прошлых поколений воинов, жажда борьбы с горьким привкусом смертельной опасности бурлила в его венах. В Афгане он часто находился на острие атаки, всегда стараясь спасти и прикрыть своих боевых товарищей. В минуты боя его глаза становились серо-стального цвета, зубы стискивались с характерным скрежетом, тело напрягалось, а все движения приобретали четкость и рациональность. Даже когда он лежал в засаде, было заметно, что всё его естество рвется вперед. Зато во время коротких передышек, между боевыми выходами, материнское начало полностью меняло его внешность, и перед нами словно возникал другой человек. Володькина мать была из древнего русско-армянского княжеского рода. Переход от состояния воина к мирному человеку был впечатляющим: цвет глаз моментально менялся на зелено-коричневый, взгляд обретал задумчивость и глубину. Все тело расслаблялось, движения становились плавными и неторопливыми. Раскрывалась вторая часть его сущности — добродушная и милосердная. В этом состоянии души Володька был склонен к философским беседам, сочинению стихов и чтению книг. Заметившим одним из первых этот переход, остряк и балагур, одессит Вадик Залевский окрестил Володю «Малышом-оборотнем».

Так как прозвище было не обидным, оно принялось к обращению без всяких претензий. К слову сказать, прозвища и клички всегда пользовались большим обиходом среди солдат, чем имена или фамилии. Даже офицеры порой обращались к своим подчиненным по их кличкам.

Сергей Савченко (Серый) — из простой рабочей семьи. Кандидат в мастера спорта по дзюдо. Спокойный, уравновешенный, всегда уверенный в своих силах. Так же, как и Малыш, всегда старается помочь остальным в трудную минуту. Любит отстаивать свою правоту и ненавидит лицемерие, зачастую режет правду матку в глаза, за что и частенько страдает. С утренним подъемом началась их двенадцатидневная подготовка. Дни были почти похожи один на другой, занятия проводились с

небольшими вариациями: марш-броски днем и ночью, форсированные марши по окрестным горам, стрельбы на полигоне, саперная подготовка, имитация засад и учебные бои между различными взводами, изучение мат. части боевой техники, средств связи и стрелкового вооружения. Разнообразие видов оружия и свободный доступ к его применению вызвали у Володи трепетное желание опробовать каждое оружие в действии и постараться мастерски овладеть искусством стрельбы из него. Комвзвода Симонов лишь приветствовал это стремление и предоставил возможность опробовать весь арсенал, но с одним условием — предоставить письменный отчет о стрельбах и обязательно изложить свое мнение о каждом виде оружия. Вот тут-то ребята разгулялись, целый день на стрельбище не смолкала канонада. Мишенями служили: остов БТРа, кабина от «КАМАЗа», жестяные коробки от сухарей и гильзы от снарядов. Всё это было превращено, к концу дня, в металлическое кружево неузнаваемой формы и назначения. В процессе стрельб ребята обменивались впечатлениями, а результаты записывали в тетрадь. Вот что у них получилось. Нужно учесть и тот факт, что до этого они были ознакомлены только с «АКМ» (автомат Калашникова модернизированный).

Наименование оружия	Калибр	Выводы о применении и отзывы
ПМ — пистолет Макарова	9 мм	Самое бесполезное оружие, точность стрельбы более 20 м сомнительная. Не зря офицеры шутят: «ПМ годится лишь для того, чтобы застрелиться в окопе». Можно применять лишь для близкого боя. Нужны постоянные тренировки.
АПС — автоматический пистолет Стечкина	9 мм	Кабура-приклад и ПБС (прибор бесшумной стрельбы) делают этот пистолет укороченныйм вариантом карабина. Намного превосходит

		по всем параметрам и качеству ПМ
АКМ и его модификации	7,62 мм	Самое удачное стрелковое автоматическое оружие. Мощность и простота в совокупности с надежностью и безотказностью, несмотря на кажущуюся громоздкость, ставят его на самую высшую ступень. Ночной прицел и подствольный гранатомет делают его универсальным оружием.
ПГ — подствольный гранатомет	Для автоматов АКМ и АК-47. Присоединяется на крепления для штык-ножа, стреляет гранатой с радиусом поражения 7 м и дальностью полета 400 м. Маятниковый дальномер делает его незаменимым в горах и для стрельбы через препятствия в виде стен, заборов и т. д.	
РПК — ручной пулемет Калашникова	7,62 мм	Тот же акм только с удлиненным стволом, магазином «барабан» или рожком на 40 патронов. Для удобства стрельбы снабжен сошкой. Дальность и точность стрельбы улучшена, все остальные

		качества акм сохранены.
ПК пулемет Калашникова	7,62 мм	мощное, надежное оружие огневой поддержки. Скорострельность, дальность и точность стрельбы отличны. Требует недюженной силы от пулеметчика при движении по горам.
СВД — снайперская винтовка	7,62 мм	НСПУ, оптический прицел и ПБС делают ее незаменимым оружием при организации засад или избирательном уничтожении противника. Единственный недостаток — любит чистоту.
АК-47-АКС со складывающимся прикладом	5,45 мм	облегченная до невозможности версия АКМ, калибр уменьшен для возможности использования патронов противника (стран НАТО). Потерял мощность, дальность и убойную силу. Хотя длинная пуля, якобы со смещенным центром тяжести, должна наносить большой урон живой силе противника.
Станковый пулемет «УТЕС» — разборная версия ДШК	12,6 мм	мощнейшее оружие огневой поддержки. Оптический прицел, набор боеприпасов

		широкого спектра действия и разборная форма на три основные части, делают его мобильным и универсальным. Дальность и меткость стрельбы потрясающие. Пулеметный расчет из трех человек, которые должны быть очень сильны физически, для переноски составных частей и боекомплекта.
АГС-17 (ПЛАМЯ) автоматический гранатомет станковый	также оружие поддержки, стреляет гранатами с радиусом поражения до 10 м, скорострельный, кладет гранаты в шахматном порядке, что позволяет охватить обширную территорию поражения. Расчет также из трех человек.	
РПГ «муха» ручной гранатомет	дноразовый гранатный выстрел в пластиковой трубе, не перезаряжающийся в случае осечки. Хорошее разрушающее действие, дальность до 400 м, для уничтожения пулеметных гнезд, укрытий и	

	транспортных средств.
РПГ ручной противотанковый гранатомет	имеет преимущество над «мухой» в том, что у него пусковой ствол, заряжающийся отдельными выстрелами, ОС — осколочно-фугасными и ББ бронебойными. Причем, количество выстрелов неограничено.

Опробовав все эти виды оружия, ребята, имей они право выбора, выбрали бы для себя АКМС (десантный вариант АКМ) с обязательным подствольником, ПБС и НСПУ. Сделав соответствующие записи, в отчете о проведенных стрельбах и сдав оружие на склад, они отправились с докладом к командиру взвода. Внимательно ознакомившись с отчетом, Симонов записал что-то в свой журнал. Записи он делал постоянно, как во время занятий, так и в течение всего дня. О чем писал лейтенант, никто не знал, но в принципе можно было догадаться, что идёт индивидуальная оценка качеств каждого отдельного бойца, и эта оценка в скором времени послужит пропуском в лучшие подразделения части. В процессе обучения Малыш сразу заметил разницу с той подготовкой, которая велась в учебном центре. Здесь тебя не превращали в тупого, покорного солдафона, готового беспрекословно выполнять самые тупые приказы и все действия выполнять полным составов взвода. Совсем наоборот — брались во внимание индивидуальные способности и качества каждого бойца, по совокупности этих данных составлялись отдельные команды, а основной ударной единицей являлась — тройка. Если состав тройки был подобран правильно, то живучесть и боеспособность этого небольшого подразделения становилась просто феноменальной. Даже на данном уровне подготовки их две учебные тройки выполняли задачи, которые в Союзе обычно ставились перед целым взводом. Также было замечено, что происходит постепенный отсев бойцов внутри учебного подразделения. Одних чаще назначают в наряды и на различные работы, а других «гоняют» по всем дисциплинам. Менялся и сам состав учебных отделений, из Серёгиного убрали всех слабаков и усилили его за счёт лучших солдат из двух других. В свободное от основных занятий время Володька с

Серегой, чтобы не потерять форму, тренировались и вовлекли в занятия дзюдо всех желающих. Заметив это, Симонов предложил ребятам ознакомится с основным набором приёмов «Русского рукопашного боя», этот вид единоборств вобрал в себя всё лучшее от других видов борьбы и практиковался в спецподразделениях МО и МВД. С огромным энтузиазмом они начали осваивать новую для них дисциплину и после нескольких занятий показали очень хорошие результаты по использованию приемов атаки обороны. Одновременно для их команды были введены занятия по изучению разговорной формы одного из основных языков Афганистана-фарси, на котором общались между собой жители близлежащих провинций. Для этого в их взвод добавился еще один боец-таджик Худайбердыев Кодам Сапарбаевич, которого для простоты общения тут же «перекрестили» в Худого Николая Семеновича. Это было забавно: почти двухметровый, кандидат в мастера спорта по вольной борьбе, натуральный шкаф по основным габаритам — Коля Худой. Тяжелый пулемет ПК в его руках выглядел детской игрушкой.

Обладая мягким характером, он нисколько не обиделся на ребят за такое прозвище и очень быстро влился в их дружную команду. Родом он был из Ката-Кургана Таджикской ССР. Отец его работал водителем автобуса, а мама учителем начальных классов. Сам Коля закончил ПТУ, где получил специальность телемастера, параллельно занимаясь в спорт-секции вольной борьбы, добился ощутимых успехов. После призыва его хотели

направить в спорт-роту, но на пересыльном пункте он немного повздорил с одним сержантом, который обозвал его чурбаном и невежливо отозвался о его маме. Коля, конечно, перегнул палку, сержанта пришлось отправить в санчасть, а его в наказание за дерзость и неуважение старших по званию направили в Афган. Он очень старался обучить ребят основным разговорным оборотам, некоторым обычаям и нравам здешних жителей, дабы в дальнейшем избежать каких-либо недоразумений с местным населением. Как потом оказалось, эти занятия очень пригодились и не раз намного облегчали выход из кризисных ситуаций.

Много времени спустя Володя задумался над вопросом, почему такие занятия не проводились для широкого круга. Ведь зачастую, практически, мирные жители становились нашими заклятыми врагами лишь потому, что советские воины нарушали по незнанию какой либо закон или обычай мусульманского мира. Что мешало, например, вместо политзанятий посвятить эти полчаса ознакомлению с укладом жизни законам и обычаям афганцев. Ведь сколько жизней можно было спасти, затратив минимум времени на проведение учебных лекций. Либо недальновидная политика Советского правительства, либо тупость и нерасторопность военного командования помешала ввести такие элементарные профилактические меры. Володя и его ребята с интересом изучали новый язык и законы того мира, в котором им предстояло нести нелегкую боевую службу. О том, что она будет действительно нелегкой, говорил сам уровень подготовки. Время пролетало незаметно от подъема до отбоя, уже почти не менялись составы команд, и экзаменационный день неумолимо приближался.

Из шести учебных взводов только три будут допущены до экзаменов. Для его проведения нужно было подготовить снаряжение и боеприпасы, так как в воюющей 40 армии холостых патронов и учебных гранат не было, то пришлось изготовить их самостоятельно. Дабы избежать случайного попадания боевых патронов, Симонов взял контроль над изготовлением учебных боеприпасов в свои руки. Как же это происходило: из обычного патрона высыпался весь порох, а пуля вставлялась на место, теперь силы капсюля хватало лишь на то, чтобы вытолкнуть пулю из ствола и дать возможность автомату перезарядиться. Процесс изготовления учебной гранаты был ещё интересней, боевые гранаты без взрывателей помещали в кипящее моторное масло, под действием высокой температуры тол плавился и вытекал из корпуса. Пустая болванка снабжалась взрывателем, хлопок которого создавал имитацию взрыва. За день до экзаменов; были выданы карты учебного укрепрайона, поставлены задачи, от успешного выполнения которых и будет зависеть оценка. Задание выполнялось в три этапа: 1й-необходимо скрытно выдвинуться в район «полигона» для проведения ночных стрельб, причём, стрельба будет проводиться без ночных прицелов по спец. мишеням с подсветкой «огоньком сигареты». На пути к стрельбищу будет несколько засад и два минных поля с сигнальными ракетами вместо мин. Минные поля на карте были обозначены, а о местах возможных засад можно было лишь догадываться. 2й-после двухчасового марш-броска по горам предстояло, уничтожая противника, прочесать зеленку и «мертвый» кишлак. Душманов будут изображать фанерные

мишени.

В окрестностях кишлака необходимо обнаружить и захватить склад боеприпасов, охраняемые силами отделения из учебного взвода, не принимающего участия в сдаче экзамена. Кишлак и зеленка тоже напичканы минами-ловушками. 3й-необходимо захватить укрепленную высоту и обеспечить безопасный проход «основным силам» по ущелью. Пулеметный расчет «УТЕСА» будет изображать душманский «ДШКа», а два отделения — прикрытие огневой точки. Первый этап операции выполняется силами отделения, а два следующих — целым взводом или теми силами, что останутся. Офицер был лишь наблюдателем-консультантом, и вмешиваться в процесс аттестации не имел права.

Все решения должны самостоятельно принимать замкомвзвода и комоды, лишь, когда решение будет заведомо неправильным и опасным, офицер имел право вмешаться и отменить его.

Получив такие вводные, Володя с комодами целый день размышляли и составляли план проведения операции. Симонов внимательно наблюдал за ходом «военного совета» и лишь изредка давал свои рекомендации. Первый этап не обсуждался, ведь каждому сержанту предстояло самостоятельно вести свои отделения к полигону. Зато два других этапа разбирались досконально и обговаривались самые малейшие детали.

За «разбором полетов» незаметно пролетел день. После ужина, получив оружие, боеприпасы и сух. пайки, подогнав снаряжение и проверив радиостанции, Володя дал команду всем спать. Правда, какой тут может быть сон: напряжение перед испытанием слишком велико. Сам он лежал с закрытыми глазами и мысленно проходил весь маршрут, ведя за собой своих верных бойцов, и был твердо уверен в том, что они его не подведут. Первый и второй этапы аттестации были для него ясны, и он четко знал, как будет действовать его подразделение, а вот третий не давал покоя.

Ведь хотя противник и будет условным, но все же это будут живые люди и будут они на выгодных позициях. Как сказал кто-то из великих: «Человек непредсказуем», а, исходя из этой истины, никогда нельзя полностью рассчитать ситуацию — пусть даже учебного боя, где «человеческий фактор» играет одну из самых главных ролей.

Сомнения в своих силах и командирских способностях грызли его разум. Ожидаемый всеми сигнал тревоги, наконец-то разорвал ночную тишину и положил конец терзаниям и сомнениям в солдатских умах. Теперь каждый видел перед собой конечную цель и, собрав свою волю в кулак, был готов к ее

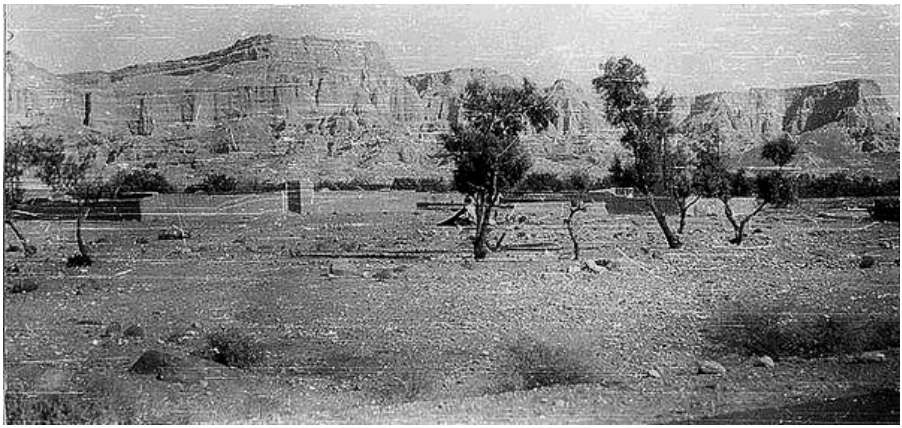
достижению. После построения и краткого инструктажа форсированным маршем они выдвинулись к точке старта. Здесь взвод должен разделиться на отделения. Пожелав, друг другу успеха, они растворились в темноте, каждый по своему, выбранному ранее маршруту. Маршрут для своей группы Малыш с Серым выбрали уникальный и никого не посвящали в его разработку. Для Симонова они предложили простой маршрут: в обход минных полей и засад. На самом же деле, их путь был совсем другим. Хорошо разбираясь в картах (навык, приобретенный ещё в туристическом лагере), Малыш заметил, что левее от места старта, метрах в 600 проходит обводной канал, огибающий территорию части и, проходя мимо арт-складов, ведёт почти прямо к полигону. И хотя им придётся проплыть около 5 км, это был самый безопасный путь к первой цели.

Еще днём были приготовлены два плота из досок от снарядных ящиков и камазовских автокамер, «свистнутых» в автопарке, тщательно замаскированные в камышах, они дожидались своих пассажиров. Быстро преодолев расстояние до канала, ребята погрузились на плоты, и, прикрыты высокой осокой, росшей по обоим берегам канала, влекомые не сильным течением, двинулись в ночь. Течение плавно несло плоты к нужной точке высадки, оставалось немного корректировать направление движения да терпеть присутствие тысячных стай комаров, носящихся с противным визгом над го ловами. По совету Худого, знающего как бороться с комарами народными средствами без применения особых мазей, ребята натёрли открытые места тела соком какой-то травы. Сок был тягучим как клей, жутко вонял, но эффект был потрясающим. Стаи комаров хищно кружились вокруг, но близко не подлетали.

Проходя очередной поворот, они увидели, как вдалеке в ночное небо с диким свистом взлетели сигналки, и целый рой трассеров, словно светлячками разукрасил темноту. Это могло означать только одно, кто-то из их взвода нарвался на засаду у минного поля. Искренне пожалев своих незадачливых товарищей, они приготовились к пересечению условной линии обороны противника. Никто по ним не стрелял, сигналки не взлетали, лишь только, сердца, казалось, громко стучали как, «ДШКа». Ещё один поворот и они будут в трёх шагах от полигона. Потихоньку пристав к берегу, группа высадилась. Выбравшись из камыша, неспешным шагом они выдвигались к месту сбора на полигоне. Неожиданное их появление из темноты, да ещё не с той стороны, где полагалось, внесло неразбериху и сумятицу в ряды наблюдателей. Ведь по сообщениям с контрольных постов только две группы двигались к полигону, а след третьей терялся ещё на

старте. Одна из двух была «уничтожена засадой у минного поля, а вторая была ещё далеко. Откуда свалилась никем не замеченная третья группа, пока являлось загадкой для всех. Только Симонов улыбался: за две недели он хорошо узнал о способностях своих подопечных из этой группы. Доложив о своем прибытии, Володя ожидал разрешения приступить к выполнению стрельб. Наконец, им выдали по магазину патронов и указали сектора стрельбы. Получив команду, отделение заняло исходные позиции, и каждый боец, напрягая зрение, вглядывался в темноту. Вдруг в нескольких местах одновременно замерцали крошечные огоньки, это зажглась подсветка мишеней. Ещё днем был разработан план ведения стрельбы, они договорились между собой, что сразу все стреляют по крайней левой мишени и постепенно переносят огонь на следующие. Такая тактика ведения огня позволяла создать „облако“ из 12–13 пуль в направлении одной мишени и хоть одна из них всё же должна поразить мишень. Нарушением правил это не являлось, так как нигде не было сказано о том, что каждый должен стрелять только в свою мишень. За две минуты все мишени были уничтожены. Доложив о выполнении задания и сдав оставшиеся боеприпасы, Володя дал команду отдыхать. Им предстояло дождаться второе отделение и уже совместно выдвинуться для выполнения второго задания. По сообщениям наблюдателей второе отделение вот-вот должно прибыть на полигон. В это время со стороны дальнего заград. поста, в точке соединения обводного канала и реки, „зашелся в кашле“ очередей „УТЕС“ и несколько раз „выплюнул“ мины миномет. Володя с Серым переглянулись, они понимали причину внезапного переполоха. Все огневые средства заград. поста сейчас расправлялись с их плотами, вынырнувшими из камышей канала на открытое зеркало реки. Дежурный офицер запросил пост по рации и выяснил, что два неопознанных объекта пытались пройти по реке мимо заград. поста, но были вовремя замечены и уничтожены. Симонов подошел к ребятам и, пожав им руки, сказал, что до использования водного маршрута никто не додумался. И ещё он добавил, что если даже только одно из оставшихся заданий будет выполнено, то их отделению обеспечено место в самых элитных подразделениях части.

Второе отделение прибыло на полигон и, успешно отстрелявшись, соединилось с первым. Получив новую вводную, Володя повёл взвод на марш-бросок. Два часа блужданий в темноте по сопкам закончились на рассвете у кишлака, окруженного зелёнкой.



Сгруппировав бойцов за камнями, у самого края зелёнки, Малыш послал троих, самых пронырливых солдат на разведку, а сам с Серым и комодом 2-Петькой Швецом стали „привязывать“ свои дельнейшие действия к местности. Ведь нельзя на карте точно указать все особенности реальной обстановки. Вернувшиеся разведчики дополнили общую картину более точными деталями. Возле дороги „засада“, три „духа“ с пулемётом, из двух дувалов поднимается дым, а в центре кишлака, на крыше одного из дувалов пулеметная точка, еще два поста по краям зеленки. Было решено обойти зеленку с двух сторон, тихо снять посты и ворваться в кишлак. Разделившись, они почти беззвучно растворились в зарослях. Пробираясь между деревьями, внимательно следили, чтобы не попасться на растяжку и раньше времени не выявить своего присутствия. До расположения противника оставалось чуть меньше броска гранаты, но взрыв привлек бы внимание охраны склада и других „духов“, находящихся в кишлаке. Обезвредить пост вызвались Серега и Худой, оставив всё своё снаряжение и автоматы, и ползком двинулись к своей цели. Как бы вели себя настоящие духи в засаде, никто из ребят не знал, но солдаты из батальона обеспечения вели себя, как подобает обычному советскому солдату. В этот утренний час двое спали, укрывшись плащ-палатками, а третий кивал носом сидя у пулемёта. Появление наших лазутчиков так и осталось незамеченным, сидящего Серый прижал к дереву, а двух спящих придавил своим телом Худой. „Добить“ вяло сопротивляющихся „духов“ было секундным делом. После короткой заминки, вызванной уничтожением засады, группа двинулась к окраине кишлака. Зачистку провели по данным разведки не став тратить время на пустые дувалы. Забросав гранатами те, два, где были замечены струйки дыма, ворвались внутрь дворов и добили оставшихся в живых фанерных духов.

Склад боеприпасов был уничтожен таким же образом. „Задание выполнено, потерь нет“ — таким был короткий радиорапорт Малыша. Им дали 20 минутную передышку перед заключительным этапом. Это время они использовали для корректировки своих планов. Пулеметное гнездо находилось на вершине небольшой сопки, к подножию которой вплотную подходили заросли зелёнки. Первым делом, они планировали разместиться в зелёнке и с разных сторон атаковать сопку. Однако этот план имел некоторые недостатки: при выходе из зелёнки они были открыты для поражения, поэтому необходимо атаковать одновременно с разных сторон, дабы отвлечь внимание противника к разным целям и не дать сосредоточиться на какой-то одной группе, маскируясь за камнями, подобраться к врагу на бросок гранаты. Так бы они и поступили, но счастливый случай снова неожиданно подвернулся. Краем уха Володька услышал, что освободившихся солдат будут отводить по тропе идущей по гребню хребта огибающего пулеметную точку. Этот хребет был немного выше сопки и примыкал к ней маленьким отрогом. Они с Серым решили пристроиться к этой колонне и незаметно подобраться сзади к пулеметному гнезду.

Основные силы в этот момент будут отвлекать противника маневрами в зелёнке. Отдав необходимые указания Швецу, Володя с Серёгой ушли догонять колонну уходящих солдат. Пока Швец отвлекал внимание „врага“, они без осложнений добрались до отрога хребта. Неширокий, около 20 метров, поросший редким кустарником, отрог был идеальным подходом к пулеметному гнезду. При этом ребята находились выше противника, и вся его позиция была как на ладони. В реальном бою всего лишь две-три очереди из автомата разрешили бы все проблемы, но тут-то все было, учебное.

Они решили подобраться поближе и забросать пулемётный расчёт гранатами.

Более ста метров им пришлось пробираться под прикрытием кустов и крупных камней. Занятые наблюдением за атакующими из зелёнки, солдаты, изображавшие „духов“, не заметили угрозы за своей спиной и эффект от двух гранат, свалившихся им под ноги, был равен внезапной атаке змеи. В одну секунду пулеметное гнездо опустело, ничего не понявшие автоматчики, увидели лишь выпрыгнувших из-за каменной насыпи пулеметчиков. В следующую секунду они услышали, что находятся под прицелом своего же пулемета и дальнейшее сопротивление бесполезно. С „трофейным“ пулеметом на плечах и десятком пленных „духов“ наши герои спускались по склону сопки.

Потом, при разборе боя им хотели не засчитать эту победу, мол, в реальном бою пристроиться к колонне духов невозможно и, при попытке сделать это, они просто были бы расстреляны. Тогда Володя привёл веский аргумент в свою защиту: „Мы могли просто, под прикрытием хребта, обойти их и точно также напасть сзади — ведь охраны с тыла то не было. Просто этот маневр занял бы немного больше времени“. Офицеры, наблюдавшие за ходом аттестации, долго совещались и всё же отдали победу Володькиной команде. Радость наполнила души ребят, и они очень гордились своей победой. К вечеру все участники „боевых действий“ добрались до своих палаток, поужинав остатками сух. пайков, просто попадали в свои постели. Напряжение, сковывающее сознание и тело в течение последних двух суток, исчезло, и дала о себе знать усталость. Незаметно пролетела ночь, казалось, только голова коснулась подушки, а уже подъём. На утреннем построении было объявлено, что после завтрака отборочная комиссия будет производить распределение, а после обеда каждый получит направление в своё постоянное подразделение. До этого времени личному составу учебного лагеря предстояло навести порядок на территории и собрать свои вещи. Володю посетили сомнения, а вдруг их с Серым направят в разные места? Пришедший проверить наведение порядка, Симонов в один момент развеял эти дурные мысли. Он по секрету сообщил Малышу, что он и первое отделение в полном составе будут направлены в одно подразделение. В какое именно — пока секрет, всё узнаете после обеда. В приподнятом настроении ребята в два счёта справились со всеми делами и, собрав свои личные вещи, пристроились отдыхать в тени деревьев. После обеда все три взвода, прошедшие аттестацию, были построены на строевом плацу. Снова выступал начштаба, он поздравил всех с успешным прохождением учебных курсов и пожелал дальнейших успехов в службе. После этого представил трёх офицеров:

комроты разведки пехотного батальона и двоих комвзводов разведки. По списку в алфавитном порядке стали зачитывать фамилии солдат и называть подразделение, в которое они направляются. Как и сказал Симонов, Володя и Серёгино отделение направлялись в отдельный разведвзвод под командование л-та Панина Павла Павловича.

Также к ним попал Швец и трое бойцов из его отделения, остальной состав был пополнен из других учебных взводов. По окончанию процедуры распределения, новые команды прошли строевым маршем и разошлись в разные стороны. Со многими из своих ребят Володька до конца службы уже и не встретится.

Панин повел их к складам обеспечения, где уже томился в ожидании знакомый ребятам пр-к Нечепорук, он, оказывается, будет их старшиной в разведвзводе. С нескрываемой радостью Нечепорук встретил своих бойцов, ведь за две недели карантина

многие из них стали ему как родные дети. На складе им выдали по четыре комплекта обмундирования и новенькие полусапоги. Все свои старые вещи, кроме нижнего белья, они сдали на другой склад. Вместе со старым обмундированием они оставляли все свои прошлые переживания и сомнения. Впереди их ждала интересная, насыщенная событиями и опасностями, жизнь разведчиков.

Теперь их основной, повседневной одеждой являлась „экспериментaлка“ — новая форма, находящаяся в процессе эксперимента, специально проводимого в боевых условиях Афганистана, в Союзе её потом назовут „афганкой“. Существовало две разновидности этой формы: цвета „хаки“ — носили все солдаты и некоторые офицеры, „камуфляж“ — для высшего командного состава, советников и летчиков.

1–ый комплект: прямого покроя брюки с накладными карманами по бокам, вольного покроя куртка, тоже имеющая множество накладных и внутренних карманов, аккуратная кепка с откидывающимися ушками.

2–ой комплект: „горный“, состоял из полукомбинезона и куртки, сшитых из легкого, но плотного, наподобие тонкого брезента, материала, вязаных свитера, шапочки и перчаток, горных ботинок с железными шипами на подошве.

3–ий комплект: „маскировочный“ халат типа „Березка“ и камуфляжная сеть для маскировки позиции при организации засад.

4–ый комплект: „зимний“, бушлат с откидным воротом, шапка-ушанка и ватные штаны.

На замену нижнего белья были выданы: темно-синие семейные трусы и голубые тельняшки.

Навьюченные как верблюды этой поклажей, дружным караваном ребята двинулись к своей базе — палатке, расположенной в тени деревьев возле резиденции комбрига. Возле палатки их встречали три бойца — „августовские дембеля“, которые до августа будут основными консультантами и опекунами по вопросам службы. Так была налажена служба в ОРВ, основная масса увольнялась в одно время, а трое, более позднего призыва, оставались для приёма нового состава. Эта троица была как на подбор: высокие крепыши, загоревшие до шоколадного цвета, одетые в маскхалаты, на ногах каждого обуты кроссовки фирмы „Пума“.

Панин тут же представил их и объяснил обязанности каждого. Замкомвзвода ст-сержант Исса — Али Мамчуев, борец — разрядник из Карачаевцев, позывной „Морфий“, будет помогать Володьке и остальным сержантам как можно быстрее освоиться в

новой обстановке.

Иван Макарский-пулемётчик, КМС по боксу, львовянин. Имел все шансы попасть в спорт-роту при СКА (спортивный клуб армии), но на пересыльном пункте в Киеве отделал троих солдат охраны, пытавшихся забрать у него деньги. В результате стычки один попал в госпиталь с сотрясением мозга, второй — с переломанной челюстью, а третий отделался ушибами и синяками. Во избежание дисбата Ивану пришлось написать рапорт о желании идти в Афган. Кликуху ему подобрали „Хук“ — один из ударов в боксе.

Костя Белов-снайпер, парень из уральских лесов, просто русский богатырь, легко мог свернуть в бублик любого, его разозлившего, что удавалось очень немногим. Характер у „Белого“ был спокойным, как природа самого Урала.

В их задачу входило как можно быстрее обучить новичков всем тонкостям и премудростям службы в разведвзводе. По их словам, скучать, сидя в расположении части, ребятам не придется. Исса стал для Малыша, словно старший брат. Он старался как можно скорее передать свой богатый боевой опыт своему приемнику. Малыш потом не раз с благодарностью вспоминал все его наставления. Очень многие нюансы не раз спасали жизни ребят. Но об этом позже.

Сложив обмундирование на койках, ребята разместились в тени деревьев, росших вокруг палатки, и прослушали краткую лекцию о предназначении их подразделения. Подчинение у взвода прямое, никому, кроме комбрига, они более не подчиняются. Основными задачами являются: сопровождение колонн с продовольствием, боеприпасами и топливом до Асадабада и Кабула, выходы на караваны и уничтожение складов с боеприпасами по наводке афганской разведки, организация засад и диверсий, прочески зеленки и кишлаков с уничтожением опорных пунктов и душманских баз, самостоятельный поиск и уничтожение бандформирований и отдельных групп духов. Хотя зачастую приходилось совершать рейды для выполнения заказов от офицеров штаба и медперсонала госпиталя, уходящих в Союз, или едущих в отпуск. Ведь тратить заработанные деньги никому

не хотелось, вот и приходилось разведчикам заниматься добычей, бытовой техники, магнитофонов престижных марок и других мелочей. Конечно, для элитного подразделения это было позорной обязанностью, но таковы реалии жизни и от них никуда не денешься. Правда, об этой стороне медали особо было не принято распространяться, но все и так знали, как достать какие либо „сувениры“ на память об Афгане. А афганские духанщики (торговцы) не очень возмущались поборами со стороны „шуравi“, ведь, отдав пару магнитофонов в месяц, можно далее торговать спокойно. Те, кто честно делился, находились под нашей защитой, к ним мы часто привозили клиентов, желающих за деньги прикупить тот или иной товар, и даже делали заказы наперед. Ещё Панин предупредил всех сержантов, чтобы они вели четкий контроль над своими бойцами и самыми жёсткими мерами предотвращали попытки употребления наркотиков. Этой дряни здесь полно, начиная от вроде бы безобидного „насвая“, его в основном употребляют „звери и чурбаны“ для получения легкого кайфа, до опия и героина. Плантации конопли и опийного мака встречаются здесь намного чаще, чем поля кукурузы и пшеницы, а мягкий субтропический климат позволяет снимать по два урожая в год.

** ОПИУМ***
Зреет опийный мак на полях,
ветер нежно играет в бутонах.
Все долины как море в волнах,
алым розовым и весенних.
Но мы знаем что нежный цветок
не для этого создан природа.
Из белых, бутонов сок,
то сильнейшая в мире отрава.
Чистый, белый как снег порошок,
всех сжигающий обещает
Он дарит в сладких, прекрасных грёз,
сам же медленно убивает.
Миллионы он видит слёз,
и рабов тех порождает.
Ради денег, готовы на друга убить,
и продать даже мать свою.
Вот какой, безобидный цветок,
здесь растёт в этом горном краю.

Неоднократно вся бригада выезжала на уничтожение таких плантаций, но на месте одной возникают две новых, ведь наркоторговля очень выгодна для духов. За миллионы, полученные от продажи наркоты, они нанимают наемников, и новейшие виды вооружения покупают. У некоторых, очень богатых князей есть „БТРы“, ракетные комплексы „ПВО“ и даже боевые вертолеты. Радует только одно, что они договорились с нашими о ненападении и боевых действий против советских

войск не ведут. Порядок на таких „договорных“ территориях они обеспечивают сами.

Панин предупреждал о пагубности употребления наркоты. В начале просто интересно и весело, каждый думает — в любой момент я это могу бросить, потом незамётно втягиваешься и уже жить без неё не можешь. Последствия употребления этой заразы могут проявиться через много лет и отразятся, прежде всего, на ваших детях. Здорового потомства после употребления наркоты даже в небольшой промежуток времени можно не ожидать. Обязательно будут, какие либо отклонения и врождённые дефекты. Поэтому лучше пить водку в умеренных количествах для снятия стресса. Проблем со спиртным почти нет, знакомый и много раз проверенный, духанщик Али продаст отличную „Столичную“ водку почти в неограниченных количествах. Под заказ может достать хороший коньячок и шампанское. Али Наджиев, в своё время учился в Ташкенте, отлично говорит по-русски, по образованию инженер — строитель. В настоящее время главарь местной банды моджахедов и духанщик по совместительству, его магазин расположен в 200 метрах от „КПП“ части. С нашими у него заключен мир, воюет с другими бандами провинции за сферы влияния. Снабжает нас данными, не требующими проверки, о караванах с оружием и движении душманских банд. За определенную плату может переправить в Союз всё, что угодно, минуя таможни и пограничников. С этим человеком нужно всегда поддерживать дружеские отношения.

Закончив загружать информацией, Панин отпустил ребят обживаться на новом месте, а сам с Иссой куда-то ушел. Наступило время ознакомления с „родным домом“.

Внешне базовая палатка разведвзвода ничем не отличалась от остальных палаток, виденных ребятами ранее, зато внутри отличия были, на лицо. Деревянные стены были оббиты цветной тканью, потолок обклеен зеркальной пленкой для отражения внешнего тепла. Койки застелены одеялами из верблюжьей шерсти, в проходах между койками лежали аккуратные коврики. Вместо тумбочек стояли, переделанные под шкафы, ящики из под реактивных снарядов для „Урагана“, закрытые на маленькие замочки, ключи от них висели рядом на цепочках. Внутри шкафчики разделены на несколько отделений: одно для оружия и боекомплекта, второе для одежды, в третьем лежала каска и непонятное пока снаряжение. На спинке каждой койки висел бронежилет.

Непонятным снаряжением оказались: „РД“ — десантный ранец, заменявший обычный вещь — мешок, „Лифчик“ — нагрудная сумка для боекомплекта, в её удобных кармашках

размещались 6 магазинов с патронами, две сигнальные ракеты и четыре гранаты. Спальный мешок — свёрток, по толщине как бутылка от шампанского и длиной 45 см, сшитый из плащёвки, наполнитель синтетический, лёгкий и непромокаемый в отличие от наших отечественных ватных, размерами в два стандартных одеяла. Спальники были трофейными, как объяснил „Хук“, взятые с духовского склада.

Оружие в ящиках отсутствовало, его нужно было получить в оружейке — глинобитном сарайчике, стоящем неподалёку от палатки и запертому на огромный, старинной работы, замок.

Поражало количество и разнообразие оружия, собранного здесь. На батальонном складе, где ребята брали оружие, находясь в учебном лагере, его было меньше, чем здесь. „Белый“ объяснил, что большую часть трофейного оружия, собранное во время последних зачисток, просто не успели сдать. Чего тут только не было: „АКМы“ различных модификаций и стран производителей, карабины и винтовки различных моделей и годов выпуска, пистолеты всевозможных марок, ножи и сабли, пулемёты и гранатомёты. Несомненным украшением этой коллекции были: пулемёт „МАКСИМ“ времён гражданской войны и кремневое ружьё 1812 года. Здесь Малыш с Серым исполнили своё желание по выбору оружия, после разборки и чистки аккуратно разместили его в прикроватных шкафах. Интересным фактом было то, что магазины для автоматов были связаны изолентой по два для быстрейшей замены при стрельбе. Вместо стандартных на 30 патронов были магазины от „РПК“ на 45 патронов.

Две гранаты „Ф-1“ и две „РГД-5“ пополнили боекомплект.

Подствольники, „ПБС“ и „НСПУ“ дополнили полную комплектацию вооружения. За разговорами об оружии мы

пропустили самую яркую часть интерьера палатки — цветной телевизор фирмы „СОНИ“, и хотя он показывал только одну программу ЦТ СССР, это было „окно“ в родной мир, оставшийся за горами. Наряду с письмами и газетами из дома он был связующей нитью с Родиной.

Метрах в 150-ти от палатки разведчиков находился модуль высшего комсостава. Панин предупредил во время первой беседы „Без особой надобности там появляться нежелательно“. Белый и Хук продолжали вводить ребят в курс дел, по ходу объясняя возникающие вопросы:

— Развеяться в женской компании после боевых выходов и утолить сексуальный голод можно в общежитии медперсонала госпиталя, где за определённую плату почти половина из 120 медсестёр и врачей женского пола готовы оказать спец. услуги. Но без денег или ценных подарков солдатам там делать нечего. Во время нахождения на территории части питаться будем в офицерской столовой. В остальное время питаемся сух. паем и подножным кормом. О сухом пайке, выдаваемом разведчикам, скажем особо: в отличие от общевойскового сух. пайка в его состав входят: сок яблочный, суп из риса с черносливом, свиной паштет, галеты вместо сухарей, более качественные каши и тушенка, открывалка для консервов и сухое горючее для разогрева консервов. Рыбные консервы в масле, сгущенное молоко и сливочное масло в банках прилагались отдельно. Согласно военному времени, курильщикам выдавали по 15 пачек сигарет на месяц, а некурящим — килограммовую пачку сахара-рафинада. Под подножным кормом подразумевается всё то, что можно добыть во время боевых выходов, или купить в дукане. Как сказал Хук, „На боевых выходах голодать не придется, даже наоборот: шашлык, плов и шурпа будут основными блюдами, а апельсины, мандарины и другие фрукты — отличным десертом“. Да, фруктами эта земля очень богата, апельсиново-лимонные сады росли даже возле части.

В расположении части стандартное питание в столовой, которое можно разнообразить различными сладостями и соками из „Чипка“ (военторговский магазин). Но в него не всегда удаётся попасть, магазин — привилегия офицеров и дембелей. Остальных солдат зачастую отгоняет патруль. Правда, денег у простого солдата всегда кот наплакал: рядовой получает в месяц 11 чеков, комод 15, а замок — 18. В Союзе по курсу 1 к 3. На эти деньги можно было жить припеваючи, а здесь еле-еле хватает на самое необходимое.

В не боевых подразделениях хорошо жилось „дедам“ и дембелям. Они большую часть денежного довольствия „духов“ и

„черпаков“ отбирали в свой котёл. Дедовщина и землячество процветали в пехоте, основной состав здесь был азиатско-кавказский и ребятам славянских национальностей, приходилось очень тяжело служить первый год. Однажды ночью в одной из палаток 3-го пехотного батальона прогремели два взрыва гранат. 18 человек были доставлены в госпиталь с ранениями разной тяжести. Лишь потому, что спали все ногами к проходу, никто не погиб. Как оказалось при дальнейшем расследовании, гранаты бросил один из молодых солдат, которого азиаты довели своими издевательствами до крайности. Медкомиссия признала этого солдатика психически больным и его направили в Союз на лечение. Многие не выдерживали унижения и издевательства, но решали свои проблемы по-разному. Бывали случаи ухода из расположения части и добровольной сдачи в плен.

Самострелы и другое членовредительство также частенько случались. Потом, лежа в госпитале, Володька от нечего делать, посчитал и сопоставил известные ему числа боевых потерь и случаев гибели солдат внутри части. Факты оказались удручающими, более 58 % от всех смертей приходились на не боевые потери. Скорее всего, это происходило оттого, что на боевом выходе часть становиться единым сжатым кулаком, где главная задача поразить врага, а в „мирное“ время бесконтрольность со стороны офицерского состава и расслабленность боевого организма части порождают разброд и шатание в солдатских массах. Всё предоставлено под самоконтроль, а где у советского солдата этот „самый контроль“, никто не знает. Вот тут-то под воздействием таких факторов как: землячество, дедовщина, употребление наркоты и алкоголя, зачастую творятся такие дела, что простому, нормальному человеку понять и осознать невозможно. К примеру: один солдат решил подшутить над своим товарищем и ничего лучше придумать не смог, как положить под матрас лист фанеры с привязанной к нему 200-и граммовой толовой шашкой. Когда товарищ лег отдыхать, шутник поджег фитиль взрывателя и убежал. После взрыва останки парня собирали в мешок и отправили домой в запаянном цинковом гробу с закрашенным, смотровым окошком. Конечно, в сопроводительных документах написали, что он геройски погиб, выполняя интернациональный долг, даже посмертно медаль „За отвагу“ присвоили. Но какая медаль может утешить родителей, которые провожали сына в армию и ждали благополучного возвращения его домой. Что же сказал в свое оправдание шутник: „Я хотел, чтобы его просто немного подбросило над кроватью“. Этот идиот не знал, что даже 50 граммовая шашка переламывает бетонные опоры линий

электропередач как спички, а тут — целых 200.

Или еще такой случай: обкурившийся гашиша солдат, охраняющий арт. склады, во время караульной службы расстрелял идущих ему на смену товарищей и начальника караула. В этом случае погибло пятеро солдат и офицер.

Самый нелепый случай убийства одним товарищем другого произошел прямо на Володькиных глазах. Однажды, находясь на боевом выходе, разведвзвод прикрывал тылы батальона „ДШБ“. Во время одного из привалов Белый из снайперской винтовки подстрелил горную козу. Тушу освежевали и готовились к приготовлению обеда. Половину туши отдали землякам из „ДШБ“. Один из солдат попросил голову козы, никто не стал даже спрашивать, зачем она ему нужна. Взяв эту голову, он решил подшутить над своим другом и, спрятавшись в кустах, около оборонки товарища, выставил её среди веток и стал мекать как коза. Его товарищ, который мирно дремал, разбуженный маканием, не долго думая, вскинул автомат и разрядил магазин прямо в лоб козы. Когда же он заглянул в куст и увидел своего друга убитым, то в расстройстве тут же застрелился сам, никто не успел его остановить. Эти две глупые и нелепые смерти навсегда отпечатались в памяти тех, кто видел это происшествие. Командованию легко укрывать истинные причины, когда можно списать на боевые потери, практически, любое количество смертей. Но мы увлеклись статистикой, и ушли от темы нашего рассказа.

На третий день службы в своём взводе Малышу предстоял первый выезд за пределы расположения части. Было необходимо сопровождать два „УАЗа“ с офицерами и медработниками в Джелалабад для „дембельских“ покупок.

Панин предложил выбрать отделение солдат на Володькино усмотрение, кого же, как не Серёгу с первым отделением он мог ещё выбрать. После завтрака Исса, забрав Малыша, отправился в автопарк за бронёй. Оказалось, что у разведчиков есть две „БМП-2“ и одна „БМП-1“ для доставки личного состава к местам проведения боевых операций и поддержки огнём. Отделение обслуживания машин состояло из шести человек — три механика-водителя и три оператора-наводчика. С интересом Малыш рассматривал новую для него технику. В Союзе ему один лишь раз посчастливилось проехать на „БТРе“, а тут в его подчинении сразу три маленьких танка. Потрёпанная, видавшая много на своём веку „БМП-1“ под номером 101, выглядела не очень.

Зато №№ 102 и 103 имели грозный боевой вид. Ещё бы, вместо гладкоствольной пушки „Гром“, у „БМП-1“, на „БМП-2“ стояла 30 мм скорострельная авиационная пушка, броневые пластины фальшбортов по бокам, придавали им вид настоящих минитанков.

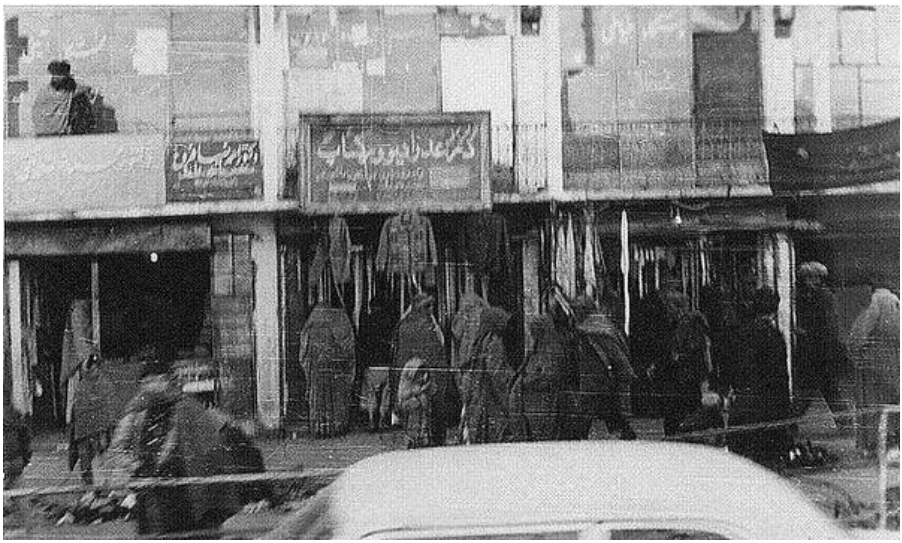
Было решено взять № 102. Из экипажа Исса взял только механика, сам занял место на башне в люке наводчика, а Малышу отдал место командира машины, пусть привыкает управлять техникой. Надев шлемофоны и включив внутреннюю связь, Малыш дал команду выезжать из парка в направлении штаба части, где предстояло взять под конвой „УАЗы“. Тут их уже ждали Серый со своим отделением. Исса объяснил и показал, как занимать места на броне, удобно разместившись, ребята ожидали

дальнейших распоряжений. Ещё минут 15 понадобилось, чтобы собрать всех желающих ехать. Наконец, собрались все, и колонна не спеша, двинулась к КПП. Миновав КПП, машины выбрались на асфальтированное шоссе и, набирая ход, направились к городу. Володьку удивил тот факт, что неповоротливая с виду гусеничная машина так резво набирает скорость, идёт очень мягко. Исса объяснил, что „БМП“ — очень скоростная и маневренная машина, а их теперешняя скорость в 60 км/ч — это ерунда, просто „УАЗы“ быстрее не могут ехать.

С интересом ребята разглядывали окрестный пейзаж, а Исса, свесив ноги внутрь башни и опустив голову на руки, лежащие на открытой крышке люка, спокойно дремал. За время своей службы он насмотрелся всего и знал, где можно отдохнуть, а в каком месте быть настороже. Проезжая мост через реку, Володька обратил внимание на охранников и их вооружение. Возле моста был вкопан в землю танк „Т-34“. Удивились все, ведь этот уникальный танк времен Великой Отечественной Войны 1941–1945 годов ребята видели только в кино. Вид же самих охранников поверг всех в легкий шок, представьте себе: загорелые до шоколадного цвета солдаты, одеты в серо-зеленую форму, вооруженные автоматами „ППШ“ из той же эпохи ВОВ, а на головах надеты немецкие каски с рожками.

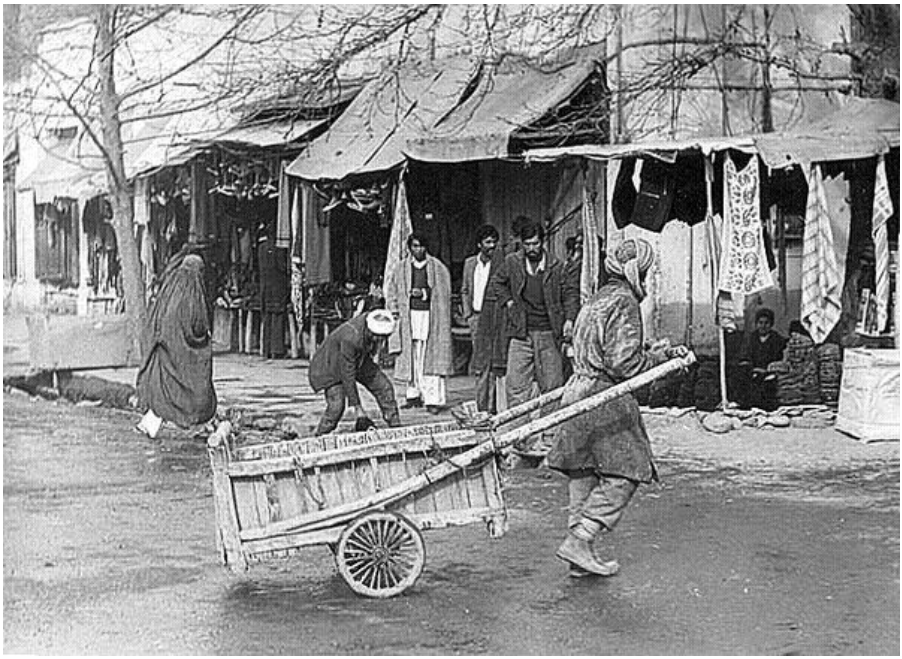
В окопе на мешках с песком стоит зенитный пулемёт Дегтярёва. Создавалось впечатление, что смотришь отрывок из фильма о Великой Отечественной войне, снятого на киностудии „Таджик-фильм“. Разбуженный Исса объяснил, что это вояки из „Сарбоза“ — регулярной армии правительства. Нам ещё не раз предстоит воевать вместе с ними, и вы ещё не такие образцы техники увидите. Вдруг из-за поворота дороги, навстречу им выехала странного вида машина, сразу и не определишь, какой она марки. Исса сказал: „Это афганская „барбухайка“, они тут все такие“.

При внимательном рассмотрении оказалось, что это наш советский „ЗИЛ-130“ до неузнаваемости обвешанный зеркалами и разными блестящими цацками, над кузовом прилеплен металлический балкон с причудливыми перилами. В кузове и на балконе вперемешку с мешками, тюками и корзинами сидели люди. Опять Исса давал разъяснения: „барбухайки“ являются единственным видом общественного транспорта, регулярно совершающего рейсы по разным провинциям. Если бы такая машина встретилась нам на другой дороге, то мы должны были бы её остановить и досмотреть на предмет перевозки оружия. А едущая со стороны пакистанской границы „барбухайка“, это всегда лакомый кусочек для досмотра: ведь зачастую духанщики везут свои товары именно оттуда. Так, за разговорами незаметно добрались до города и по узким улочкам стали въезжать к его центру. Головы молодых солдат поворачивались как по команде во все стороны, да и было отчего. Торговые лотки, расположенные на первых этажах зданий, пестрели таким разнообразием товара, что сразу нельзя было сконцентрироваться на одном или другом его виде. Красочные этикетки сверкали на солнце, а торговцы наперебой зазывали в свои магазинчики.



Сейчас такими базарными улочками никого не удивишь, они есть в любом нашем городке, а в те годы это была настоящая диковинка. Восточный настоящий базар, виденный ребятами только по телевизору в программе „Клуб кинопутешественников“. Наконец, машины остановились, и „закупочная“ команда, сопровождаемая разведчиками, разбрелась среди лотков и лавочек. Вот тут-то, с близкого расстояния, можно было внимательно рассмотреть весь товар: разнообразных форм и расцветок электронные наручные часы, в пластмассовых корпусах „музыкальные“ часы „Монтана“ с набором мелодий: от 1 до 12, будильники в ярких пластмассовых корпусах различных форм, музыкальные шкатулки и косметички, даже поздравительные открытки с обязательно вклеенными музыкальными механизмами. Игрушки и сувениры, брелки для ключей и различные безделушки — всё такое яркое, светящееся, пищащее и свистящее. Диковинных форм и размеров магнитофоны и радиоприёмники, завершали набор товаров одной лавки.

Другая лавочка благоухала разнообразными ароматами благовонных и эфирных масел, духов и одеколонов. Эффектные, разнообразные упаковки и флакончики ярких расцветок и форм. На очереди магазинчик с бытовой химией: одного мыла, различных форм и цветов, было сортов до 40, а весь состав моющих, чистящих и полирующих средств не поддаётся описанию. Рядом расположена посудная лавка: изготовленная индийскими и пакистанскими мастерами посуда из бронзы, серебра и алюминия сверкала, полированными боками так, что можно было в них увидеть своё отражение. Лавку со специями и приправами обошли стороной, ароматы имбиря, мускатного ореха, смесей разных пряностей и перцев перекрывают дыхание и вызывают приступы чихания.



Поход по лавочкам и магазинчикам продолжался три часа, чтобы описать всё увиденное, нужно напечатать отдельную книгу. Всё купленное упаковывалось в ящики, сумки и тюки складировалось в десантное отделение „БМП“. После того, как все заказы были выполнены, а деньги израсходованы, закупочный марафон был закончен. Поступило предложение отобедать у знакомого чайханщика. Гостей встречал сам хозяин — невысокого роста старичок в стёганом халате и тюбетейке. Исса шепнул Малышу, что это наш агент, завербованный „НКВД“ ещё в гражданскую войну и ушедший в Афган с бандой басмачей. Угощение было поистине царским; плов, шашлыки и множество разной вкуснятины, название которой Володька просто не запомнил.

После обеда Панин с хозяином немного пошептались в стороне, и с очень довольным видом лейтенант подмигнул ребятам. Уже когда колонна тронулась в обратный путь Исса сказал Володьке, что скоро будет настоящий боевой выход, возможно на перехват каравана.

Всё время, что занял обратный путь в часть, ребята делились впечатлениями между собой. Исса, слушая их, только посмеивался, „Толи ещё будет“ говорил он. Глядя на этих молодых солдат, он невольно вспоминал себя в первые месяцы службы, ведь он был точно таким же зелёным, необстрелянным солдатом, который восхищался необычностью и новизной этой страны. Потом весь этот блеск и радость улетучились под влиянием тяжелых боёв, засад и длительных переходов по горам.

Но, он не спешил разочаровывать этих юнцов, каждый сам должен пройти этот тернистый, путь воина, а его задача как можно больше передать своих знаний и облегчить первый этап адаптации к нелегкой военной жизни.

До части добрались благополучно и без проблем. Разгрузили покупки и отправились к своей палатке. После ужина и до самого отбоя не смолкал в палатке гул голосов, это ребята делились своими впечатлениями с остальным составом взвода и обсуждали увиденное.

Перед самым отбоем пришёл Панин и собрал всех сержантов в командной комнате, тут состоялся небольшой военный совет. Кратко обсудив события прошедшего дня, лейтенант сообщил, что завтра взводу — предстоит сопровождать колонну в Асадабад. Необходимо подготовится, подъём для всех будет в 4^{30} утра, набор вооружения стандартный, сух. пай получим в парке.

Автоматически проснувшись, за пять минут до подъёма Володька просто лежал и пытался мысленно представить предстоящий выход, а также проработать свои действия в различных ситуациях. Такой анализ предстоящих событий стал уже привычным для него и очень часто в последствии помогал вытаскивать весь взвод из самых критических ситуаций. Малыш почти всегда точно знал, как поступить в том или ином случае, он старался привить такую же привычку каждому бойцу разведвзвода.

Прозвучала команда „Взвод подъём“ и палатка наполнилась шуршанием одежды, позвякиванием оружия и амуниции. Часть ещё спала, лишь одинокие дневальные провожали взглядом разведчиков ускоренным шагом направляющихся в парк. Двигатели машин и „БМП“ уже басовито гудели, разрывая предутреннюю тишину. Перед выездом начальника колонны майор Колесников построил весь личный состав и провёл инструктаж. Кратко, но чётко и доступно он разъяснил действия и обязанности различных подразделений во время движения, вынужденных остановок в пути и при отражении возможных вражеских атак. Наконец все указания и инструкции были выданы. Команда „По машинам“ привела в движение все вокруг, экипажи и команды спешили занять свои места. После короткой паузы в небо взлетела зелёная ракета, а в наушниках шлемофонов раздалась команда „Вперед“ и колонна машин стала выстраиваться в походный порядок на дороге к „КПП“.

Первым выполз танк-тральщик, за ним: командный „БТР“, с отделением сапёров на броне, „Крокодил“, с зенитной установкой на кузове, далее пошли по порядку — 4 машины с грузом, „БМП“, 4 машины + „Крокодил“ с „ЗГУ“, 4 машины + „БМП“, 4 машины

+ 2 машины рембата и замыкающая „БМП“. Всё это ревело, рычало и, поднимая облака пыли, двигалось по направлению к „КПП“.

Миновав его, колонна выбралась на асфальт, и движение ускорилось. Связь поддерживалась по радио, пока в основном шли одни указания по скорости движения и интервалу между машинами.

Первый десяток километров пути был относительно спокойным, мерное покачивание „БМП“ по неровностям дороги и монотонное урчанье мотора успокаивало и убаюкивало. Бойцы, лежащие на броне, мирно дремали. Утреннее солнце, поднимаясь из-за горных вершин, слепило глаза и они невольно, сами собой закрывались, но командиру машины спать не положено, и Володька мужественно боролся с дремотой. По совету Иссы он грыз сухари и болтал по внутренней связи с механиком.

Внезапно поступила команда: „Внимание на обочины“, колонне предстояло пройти довольно длинный участок зелёнки и вероятность нападения духов возросла. В одно мгновение колонна ощетинилась стволами орудий и автоматов, дистанция между машинами сократилась. Создалось впечатление, что сжалась гигантская пружина и при первой же возможности сработает спусковой механизм, освобождая, скрытую до времени, разрушительную энергию. Где-то впереди зарокотала „ЗГУ“, но сигнала открывать огонь не последовало, лишь команда „Усилить внимание, влево“. Как потом выяснилось, оператор-наводчик

„ЗГУ“ просто заметил подозрительное движение в кустах и дал предупредительную очередь в глубь зарослей.

Миновав зеленую зону, колонна вновь растянулась зелёной гусеницей по дороге, и все успокоились. Постепенно дорога стала прижиматься к горам и, если раньше до ближайших отрогов было несколько километров, то теперь метрах в 300 поднимались крутые склоны гор, с другой стороны дорогу поджимало глубокое ущелье, по дну которого текла река. Всё чаще стали попадаться следы былых нападений на колонны. В ущелье то тут, то там валялись искорёженные взрывами и огнём останки наливников, корпуса „БТРов“, коробки танков с оторванными башнями и другая, изувеченная до неузнаваемости, техника. Исса находился на замыкающей „БМП“ и пришлось Володьке по внутренней связи спрашивать у механика: „Почему техника сброшена в ущелье?“. Тот ответил: „Пострадавшая от нападения техника, которая не подлежит ремонту, просто сталкивается с дороги, дабы не мешала проезду остальным“. Ещё он сказал: „Дальше около двадцати километров будет идти самый опасный участок пути, тут духи чаще всего устраивают засады“. В подтверждение его слов в наушниках прозвучала команда: „Внимание налево и вверх“, стволы „ЗГУ“ и „БМП“ задрались вверх, как бы предупреждая: мы готовы принять бой. Но сегодня либо у духов были другие задачи, либо нам просто везло и ни одного выстрела так и не прозвучало. От вида разбитых машин в ущелье и от чувства возможной опасности в сознании Малыша вдруг зародились строки стихов.

Сопровождали мы колонны до Кабула
и к Хайратону технику вели.
Жара и пыль, разбитые дороги,
опасность и тревога впереди.
Дул на Саланге леденящий ветер,
к броне примерз намокший маскхалат.
Засада нас за поворотом встретит,
мы примем бой и не свернём назад.
Наливники, „Наташки“, „Крокодилы“,
в ущельях обгоревшие лежат,
а на обочинах как братские могилы
остовы „БТРные“ стоят.
Цена ужасная на тех дорогах,
берут душманы, сколько захотят.
Известно всем, что за провод колонны
мы платим техникой и жизнями ребят.
Опять подрыв, колонна в ожидании:

не застрочит ли сверху „ДШКа“?
В прицел наводчик взял большие камни,
возможную позицию врага.
Все обошлось и в даль по серпантину
идёт колонна ровно, не спеша.
Прошли кишлак, никто не стрельнул в спину
и, успокоившись, оттаяла душа.
Наступит время, мы домой вернемся
в родные и любимые края.
И помнить всех погибших поклянёмся:
О них нам просто забывать нельзя.

****

Дабы эти нехитрые стихотворения не растерялись в суматохе боевых будней, он завёл специальную тетрадку, куда записывал всё то, что рождалось в его душе. На первом листе было записано стихотворение, объясняющее саму суть этой литературной тетради.

Передо мной потертая тетрадка,
в ней про Афган нескладные стихи.
Жизнь здесь была не очень то уж сладка,
как журналисты вам преподнесли.
Стихи корявые и рифмы не на месте.
Сюжет и тема часто не ясны.
Но в них все то, что пережили вместе.
Они открыты, верны и честны.
И в каждой строчке здесь пережитое,
идут слова из глубины души.
Читая их, ты вспомни всё былое
и с критикой, товарищ, не спеши.
Да не учились мы в литературных вузах,
войны всю тяжесть на плечах несли.
В огне боёв не думали о музе,
писали честно, грубо, как могли.
Никто не стал из нас крутым поэтом,
и гонорары за стихи мы не гребли.
Ведь я писал, не думая об этом.
Нам эти строки выжить помогли.

****

Частенько Володькины стихи перекочёвывали в блокноты сослуживцев, а от них — по дембельским альбомам по всей части. Он никогда не оспаривал своего авторства, а просто делился со всеми желающими.

Солнце уже клонилось к закату, когда колонна вползла в узкие улочки Асадабада. Немного пропетляв по ним, машины наконец-то добрались до расположения гарнизона. Эта, уменьшенная копия основного расположения части в Джелалабаде, отличалась от последней лишь меньшими размерами и расположением относительно гор. Если в Джелалабаде горы, если смотреть в сторону юга, находились с — права, а река слева, то здесь горы и река были справа, за этим — „Мараварским“ хребтом находилась граница с Пакистаном. Особой достопримечательностью части была электростанция, построенная ещё англичанами во времена колонизации, до сих пор работающая и исправно снабжающая город электричеством. Совсем рядом за забором части уже начинался пригород самого Асадабада. Общее расположение части делилось на участки: Пехотного (горнострелкового) батальона, артдивизиона, батальона спецназа, батареи реактивных миномётов и батареи „Шилок“.

Пока машины разгружали на складах, ребята стали искать среди солдат гарнизона земляков или сослуживцев по учебным частям. На одном из постов Володька заметил своего товарища по учебке Гришку Черепанова (Череп).

Радости друзей не было предела. Череп объяснил, что через два часа их подразделение сдаёт караул, и он будет свободен. После ужина они встретились снова, Малыш с гордостью представил свой взвод и показал свои „БМП“. Гришку поразило то, что в десантном отделении одной из „БМП“ спокойно лежали несколько ящиков с патронами. Оказывается, у них в батарее, где он теперь служит командиром расчёта, патроны к автоматам выдают под роспись и требуют строгого отчёта за каждый израсходованный патрон. Узнав о такой бедности, разведчики решили подарить им четыре цинка патронов. Гришка радовался подарку, как ребёнок, взяв по два цинка, они с Малышом отправились к стоянке „Шилки“. Гришкина „Шилка“ стояла на боевом посту у реки. Эта смесь танка и зенитной четырёхствольной установки одним своим видом внушала уважение. Предназначенная для уничтожения воздушных целей, здесь она применялась для огневой поддержки блокпостов на хребте и в сопровождении колонн. Бешеная скорострельность и углы обстрела: по вертикали от 0 до 90, по горизонтали — все 360 градусов. Экипаж и расчёт надёжно защищены от всех видов оружия танковой броней. Не зря духи называют её „Шайтан-арба“ и боятся как огня.

Спрятав цинки в окопе, под брюхом машины, присели около гусеницы и не спеша, завели разговоры о своей нынешней службе, вспомнили, конечно же, про учебку и остальных ребят из их „афганской“ команды. Хотелось бы знать, кто куда попал и как им теперь служится. Жаль, Серый сейчас не с ними, он встретил своего земляка — жили на одной улице почти рядом. Он пригласил Серого к себе в роту и тот, извинившись перед друзьями, ушёл.

Вдруг машина словно ожила, зажужжали электромоторы приводов оружия, и в следующий миг воздух задрожал от очередей. На головы ребят градом посыпались гильзы от выстрелянных патронов, а светляки трассеров прочертили вечернее небо огненным пунктиром, устремленным к чернеющему на горизонте хребту. Череп сразу же забрался в башню установки, чтобы узнать, в чём дело. Оказалось, с блокпоста сообщили, что заметили активность духов в том районе и попросили произвести профилактическую отстрелку местности. К Гришкиной „Шилке“ сразу присоединились и две других, стоящих на соседних позициях. За две минуты батарея превратила указанное место в бушующее море разрывов. По окончании стрельбы довольный Череп вылез из башни. „Как моя детка отработала?“ — спросил он у Малыша. „Да, впечатляет“ — только и смог сказать он в ответ. Не желая ударить в грязь лицом, Володька предложил другу ночную охоту на шакалов. Глаза Григория заблестели, а руки нервно задрожали. Оставив друга ожидать на месте, Малыш отправился к стоянке своих машин. Взял он свой „АКМ“ со всеми наворотами, кроме подствольника, попросил у Белого его „СВД“ с ночным прицелом и „ПБС“. Сообщил Иссе, где он будет находиться, и, забросив оружие за спину, отправился к Черепу. Вместе они подались на свалку

около реки, излюбленное место ночной кормёжки стаи шакалов.

Добравшись до места, ребята залегли с подветренной стороны свалки, дабы шакалы не унюхали их запах. Гришка, было, открыл рот, чтобы высказать сомнения по поводу стрельбы в темноте, но Володька, приладив ночные прицелы и „ПБСы“, стал давать инструкции по их применению.

Ещё по учебке он знал о способностях Черепа схватывать новую информацию на лету. После двух пробных выстрелов Гришка понял принцип стрельбы с ночным прицелом; этот прибор был просто чудом военной техники. Он представлял собой приёмную камеру инфракрасных лучей, отдалённо напоминал оптический прицел увеличенного размера. Питание автономное от маленького аккумулятора. При включении окуляр прицела светился приятным зелёным светом, золотистая прицельная сетка четко выделялась на тёмно-зелёном основном фоне. Любой объект, излучающий тепло, выделялся белым силуэтом на этом фоне и на расстоянии в 400 м без проблем можно точно попасть даже в зажженную сигарету.

Проверив сектора обстрела на наличие теплокровных объектов и ни обнаружив ничего, кроме снующих туда-сюда мышей, они стали терпеливо ждать свои жертвы. Примерно через час со стороны реки из камыша, росшего вдоль берега, появилось десятка, полтора шакалов и приступили к своему ежевечернему пиршеству. Охота началась, щелчки затворов оружия отмеряли количество выстрелов. Потеряв пятерых членов стаи, звери почуяли неладное и поспешили удалиться в спасательные заросли камыша. Подстрелив ещё парочку при отходе, ребята пошли собирать трофеи. Хвосты шакалов менялись у камазистов на водку, а те вешали их на зеркала заднего вида транспорта как украшение или талисманы. Собрав свою добычу, „охотники“ решили ещё раз осмотреть территорию через прицелы. Проводя осмотр, Малыш случайно поднял автомат выше берега реки и, рассматривая через прицел нагромождение камней на склоне, вдруг на фоне темно-зелёных скал ясно разглядел три человеческие фигуры. И хотя они находились почти на предельном для „НСПУ“ расстоянии, он их всё же заметил. Шепнул о своей находке в самое ухо Черепа, и вот уже два прицела стали пристально наблюдать за чужаками. Скорее всего, это были вражеские лазутчики, нашим солдатам на этом склоне да ещё в такое время находиться не положено. Духи явно что-то мастерили на склоне горы, уверенные в своей невидимости под покровом безлунной ночи. Ребята решили подкрасться к ним как можно ближе и разведать все детали. Череп, правда, предложил вернуться в часть и доложить обо всём, но Малыш рассоветовал

это делать: „Пока мы доложим о происходящем, пока начальство будет решать, что делать, духи спокойно закончат свои дела и уберутся в укрытие. Тогда их днём с огнём не разыщешь“. Полчаса ушло на преодоление почти четырехсотметрового участка пути, лишь, когда между ними и врагом осталось около 50 метров горной осыпи, ребята остановились. Ночью пробраться по осыпи, усеянной мелкими камнями и не создать шума, было просто невозможно. Как Володька жалел, что не взял подствольник: всего один выстрел решил бы все проблемы. Переговорив с Гришкой, они решили сначала убрать двоих крайних, а потом уже вычислять третьего. Так и поступили, лишь в последний момент Малыш решил не убивать „своего“ духа, а взять его живым. Взяв каждый свою цель в прицел, по счёту три они произвели выстрел. Малыш бил по ногам. Ещё не разглядев, как следует результат своего первого выстрела, он выпустил следующую пулю вдогонку третьему духу, который метнулся, было, в укрытие, но, сражённый на лету, уткнулся головой в камни. Убедившись в том, что третий дух уже, никуда не убежит, Малыш стал рассматривать в прицел результат своего первого выстрела. Раненый в ногу, душман ползком хотел уйти в безопасное место, но несколько пуль, всаженных возле его головы, заставили вжаться в землю и замереть.

Велев Гришке держать его под прицелом и пресекать любую попытку сдвинуться с места, Володька быстро преодолел разделяющее их расстояние и в прыжке обрушил на раненого духа всю свою мощь. Оглушенный враг сразу превратился в мешок опилок и был в одну секунду связан собственной чалмой. Закончив с пленником, Малыш махнул рукой Черепу, и через пару минут шорох гравия под ногами, перемежающийся с отборным русским матом, выдал приближение друга. Проклиная ночь, горы и идиотских духов, Гришка на пятой точке спускался по осыпи. Проверив живы ли два других духа и убедившись в отсутствии жизненных функций у них, ребята провели беглый осмотр места происшествия. Оказалось, духи собирали пусковую установку для стрельбы „Эрэсами“. Гришка сказал, что частенько духи обстреливали расположение части с помощью таких установок. Три — четыре ракеты класса „Земля-Земля“ с помощью часового механизма делали залп, когда духи, собравшие установку, находились уже в безопасном месте. Сама установка после запуска ракет автоматически уничтожалась с помощью взрывного устройства. Обстрел места запуска нашими „Шилками“ и артиллерией довершал сокрытие следов.

Вот так случайно ребята обезвредили одну из таких диверсионных групп. Оставшись охранять пленника и оружие,

Володька отправил Черепа в часть за помощью. Немного подвыпивший Исса крепко спал и, разбуженный незнакомым сержантом, никак не мог понять, что от него хотят. После трёхминутного разговора он, наконец-то, „вкурился“ в курс дела, и поднял взвод по тревоге. Череп был их проводником и, по мере продвижения, ещё раз пересказывал всю историю ночной охоты. Пока взвод выдвигался к месту встречи, Панин доложил дежурному по части об уничтожении диверсионной группы и попросил обследовать склоны ближайших гор на предмет обнаружения других духовских групп. Уже, когда разведчики выдвигались назад, гружённые трофеями и пленником, ночную тишину разорвали залпы „Шилок“ и орудий артполка. Оказалось, что были выявлены ещё две группы духов, монтировавших пусковые установки в других местах. Утром, после прочёски склона горного хребта, были обнаружены остатки искореженных взрывами установок и несколько трупов. Малыша с Черепом вызвали в штаб, где сначала дали хорошего прочухана за своевольные охотничьи похождения, а потом стали хвалить их за героические действия. Ребята сначала упавшие духом и ожидавшие за свою самоволку самое строгое наказание после первых хвалебных слов, поняли, что никто их казнить не собирается. В результате двухчасового разбирательства — допроса их отпустили, огласив приговор: „За мужество и героизм, проявленные при уничтожении диверсионной группы моджахедов, а также отведении угрозы уничтожения личного состава, войсковой техники и другого имущества гарнизона, представить сержантов Маркевича и Черепанова к награждению орденами „Красной Звезды““.

Плененный ребятами дух на допросах рассказал, что четыре ночи они пробирались в обход постов и засад к расположению гарнизона. Потом выбирали цели для поражения, впервые им удалось так близко подобраться к части, поэтому удар должен был быть очень эффективным и точным. Спокойно, не спеша, устанавливали пусковую установку, нацелив „Эрэсы“ на штабные модуля. Они рассчитали, что часовой механизм запустит ракеты, когда в штабе соберутся офицеры. Другие группы должны были нацелить свои ракеты на склады боеприпасов и автопарк. Об этой атаке можно было бы, потом трубить на весь мир. А это они умеют. „Голос Америки“, „Радио Свобода“, „Немецкая Волна“ и ещё несколько мусульманских радиостанций ведут трансляцию на весь мир.

Он так и не понял, как удалось советским бойцам раскрыть так тщательно спланированную операцию. Так дух рассказывал о своих ощущениях при захвате: сначала я почувствовал, как будто

меня кто-то ударил палкой по ноге и упал, падая, заметил, как Искандер мёртвым падает на камни. Попробовал отползти за валуны, но звонкие удары пуль над головой заставили лежать, вжавшись в землю. Потом словно молотом ударили по голове, очнулся уже связанным в руках советских солдат. Когда ему сказали, что все группы и установки уничтожены, а в живых остался только он, бедный мужик заплакал, как ребёнок. Потом попросил переводчика передать слова благодарности тому солдату, который сохранил ему жизнь. Ведь ранение, и срок в тюрьме — всё же лучше, чем смерть.

Малыш не ожидал такого от врага, уже намного позже беседуя с другими пленными, он узнал, что многие шли в банды не по своей воле, и ранения с последующим отбыванием тюремного заключения спасали их от преследования со стороны моджахедов. Так была разрушена ещё одна сказка о том, что все — духи, заклятые враги. Весть о ночных похождениях двух друзей и о последствиях их охоты с быстротой молнии облетела гарнизон, на лету обрастая вымышленными подробностями и небылицами. Все хотели видеть героев ночного боя и пожать им руки. Малыш и Череп почивали на лаврах славы. День пролетел незаметно, и на гарнизон опустилась новая ночь, утром колонна уходила назад, и друзьям предстояло расставание.

Когда они смогут увидеться вновь, никто не знал, поэтому прощались они как будто навсегда. Пока колонна не скрылась за поворотом, одинокая фигура Черепа маячила на возвышенности возле КПП.

Дорога назад почти ничем не отличалась от пути в Асадабад, машины, освобождённые от своего груза, легко и быстро бежали по асфальту. Ничто не предвещало беды. Уже прошли самый опасный участок, где скалы вплотную подходят к дороге, а ущелье ограничивает манёвр машинам.

Голова колонны скрылась за поворотом и шлемофон вдруг, словно взорвался скороговорками команд: „Справа в зелёнке духи, огонь из всех стволов“, „Справа вверх“ ДШКа», обработать его позицию «ЗГУ». «В бой не ввязываться, проходим зелёнку на скорости». «102я, столкнуть горящий „КАМАЗ“ с дороги».

102я — это была «БМП» Малыша, выскочив за поворот и снизив скорость, машина упёрлась носовой частью в бок горящего «КАМАЗа» и, скрежеща гусеницами по асфальту, сталкивала его к краю обрыва. Духи, сметённые огнём пушек «БМП» и стрелкового оружия взвода, ещё изредка постреливали из-за камней. «ДШКа» под градом пуль «ЗГУ» уже давно заткнулся, но колонна всё равно спешила покинуть место засады. Потеряв один «КАМАЗ» после прямого попадания из гранатомёта, водитель и сопровождающий груз прапорщик, были легко ранены осколками, колонна сравнительно благополучно отделалась от духов.

Теснина гор осталась позади, по обе стороны от дороги

раскинулась равнина с одинокими точками зелёнки и террасами полей на предгорьях. На одном из таких полей, возле небольшого кишлака Малыш заметил интересную картину: Словно в одной из «Арабских сказок» дехканин обрабатывал своё поле деревянной сохой, которую тянул за собой запряженный вол. Так по порядку и шли: вол, тянущий соху, старик, держащий соху в борозде, и старый ворон, выковыривающий личинки из перевёрнутых сохой земляных комьев.

В век современной техники эта картина была как будто из другого мира, времен глубокой старины.

Километрах в пяти от кишлака, в небольшом оазисе возле ручья, виднелись какие-то грязно-серые шатры. В шлемофоне раздалась команда: «Лагерь кочующих пуштунов. Быть на чеку, огонь не открывать». Из рассказов Худого, Малыш знал о существовании таких групп кочевников, но видел их лагерь впервые.

Лагерь пуштунов у дороги.

Этот гордый и своенравный народ живёт от продажи верблюдов и ослов, постоянного места жительства не имеет. Они кочуют со своим скотом по Афгану, Пакистану, Индии и каждый мужчина, независимо от возраста, готов всегда воевать с любым врагом, посягнувшим на свободу своего племени. Несколько мужчин с карабинами и автоматами наперевес стояли возле шатров и взглядом провожали проезжающие мимо машины. На их мужественных, почерневших от солнца и ветров, лицах чётко обозначилась тревога и готовность в любой момент дать отпор даже такой грозной силе, как советская колонна. Неравность в

численности и превосходство в вооружении нисколько не пугала их, наоборот, было ясно — они скорее умрут, чем дадут возможность вторжению в свой суверенный мир.

К главе про лагерь кочующих пуштунов.КОЧЕВНИКИ.

В этот момент Малыш понял, что этот народ можно только полностью уничтожить, а покорить и навязать свою волю невозможно. До последнего мужчины в роду они будут сражаться за свою свободу. Потом в процессе дальнейшей службы он не раз убеждался в правоте своих выводов. Любая армия захватчиков рано или поздно всё же уходит из страны, наёмники, получив оплату за свои услуги, ищут заработок в других войнах, а народ всегда остаётся на своей земле независимо от того, какая власть в стране. Англичане много лет пытались установить свой порядок в этой стране, теперь мы поддерживаем новую власть, но только стоит последнему советскому подразделению покинуть Афган, как эта власть «народа» распадётся в один момент. Только мы уйдем, как американцы под любым предлогом введут свои войска или при поддержке талибов постараются перекроить власть в стране на свой манер. Однако их постигнет та же участь, как и всех предыдущих завоевателей. Эту страну ещё долго будут разрывать на куски междоусобные войны и неизвестно, кто и каким образом сможет объединить различные племена в единое государство. За подобные рассуждения в то время можно было

крепко погореть, и поэтому Малыш ни с кем не стал делиться своими умозаключениями. Всё, о чём он рассуждал, произойдёт в будущем, а пока военная колонна советской армии тащится по раздолбанной дороге. На башне одной из «БМП», свесив ноги в командирский люк, сидит наш герой и размышляет о превратностях судьбы и истории.

Дальнейший путь проходил без осложнений, к вечеру колонна добралась в родную долину, машины разместились по своим стояночным местам в парке, а ребята, сбросив амуницию и оружие, дурачились в душе, смывая с себя пыль дорог. Уже никто и не вспоминал о засаде на дороге, словно это все происходило не с ними. Малыш, глядя на них с сожалением, подумал, что скоро души этих молодых ребят окончательно очерствеют, и любые, даже самые страшные и кровавые, бои будут для них самым обычным делом, нестоящим переживаний.

После душа каждый занялся своими делами: кто писал письма, другие чистили оружие и амуницию, несколько человек играли в карты на сигареты. Малыш достал из шкафчика ручку и тетрадь для писем. «Буду на корабельном кладбище», — бросил он на ходу дневальному и вышел из палатки. Пройдя по задворкам части, он вышел к своему любимому месту под деревом, на краю «Корабельного кладбища». По самой своей сути «Корабельное кладбище» являлось ничем иным, как свалкой поломанной боевой техники. Искорёженные, обгоревшие остовы «БТРов», «БМП» и танков, кабины «КАМАЗов» и «УРАЛов», прошитые, очередями «ДШК», цистерны для перевозки топлива с рваными ранами от прямых попаданий из гранатомётов, по бокам, напоминают о засадах на дорогах и тяжёлых боях. В ветреные дни, над этим местом разносится жалобная, заунывная мелодия, это ветер свистит и воет в отверстиях от пуль и осколков, а стебли высохшей травы отбивают по металлу чёткий ритм. Так и рождается эта жалобная песня о погибших водителях и их верных «железных конях», о колоннах машин, везущих по горным дорогам продовольствие, горючее и боеприпасы для наших бойцов, о тех, кто уже никогда не встретит своих улыбающихся родителей или любимых девушек, и нашедших свою смерть в этой стране. Кажется, что сама природа этого горного и чужого для нас мира, оплакивает загубленные молодые жизни. Ведь любую, даже самую сложную и дорогостоящую машину, можно заменить новой, собранной на заводе, а человеческая жизнь неповторима.

В апреле я пришёл в Афганистан,
где в эту пору по июньски светит солнце.

«Афганец» здесь, выравнивая пустоту,
песком стучит в закрытое оконце.

Тут мы по-новому учились воевать,
чесать ущелье, кишлаки, зелёнку.
Давали шанс народу выживать,
и школу посещать ребёнку.

Давали мы концерты в кишлаках,
гуманитарку бедным раздавали.
Вели колонны и на блокпостах,
атаки духов часто отбивали.

Но западные голоса твердят,
что мы насильники, садисты, оккупанты.
Агенты разные кругом вредят,
они советники и даже консультанты.

Дехкане знают, отдаём мы жизнь,
совсем не ради собственной наживы.
Ребята, что в зелёных «БМП»,
прикроют грудью, пока будут живы.

Малыш любил приходить сюда в свободные минуты, здесь можно спокойно собраться с мыслями и поразмышлять о смысле жизни. Под пение ветра всегда легче сочинять стихи и письма домой. Именно сочинять письма, а не писать. Его пожилая мать не отличалась крепким здоровьем, поэтому Малыш придумал сказку о том, что он служит в Германии, благо по номеру полевой почты не возможно узнать о действительном месте положении части. Таких сказочников, как Малыш было очень много, правда, служили, кто где. Основными местами службы являлись: ГДР, Монголия. Вот вы только представьте, как можно описать службу в том месте, где никогда не был. Хорошо хоть прапорщик Нечепорук до Афгана проходил службу в Дрездене (ГДР), вот по его рассказам Малыш и сочинял свои письма. Сначала всё шло хорошо, но однажды произошёл случай, чуть было не положивший конец Володькиной сказке. Мать написала, что соседский парень Мишка Галаган, а он призвался на полгода позже Малыша, тоже попал служить в Дрезден, а номер полевой почты у него совсем другой. Вот это был удар. Пришлось срочно через одноклассников Мишки, оставшихся на гражданке, узнавать

его адрес и писать письмо с просьбой не раскрывать Володькино враньё. И лишь тогда, когда Мишка в ответном письме согласился участвовать в этой афере, от сердца Малыша отступила сила, сжимавшая его в течении нескольких недель. Мишка написал своей матери о их с Володькой встрече на полигоне во время совместных учений. Малыш тоже самое написал своим родителям, а разницу в номерах п/почты объяснил просто. Мол, Мишка служит в танковом полку, а я в десантной бригаде на другом конце города, разные части и должны иметь разные адреса. Пришлось теперь ещё регулярно переписываться с Мишкой для создания более правдивых историй о своей службе. Проще было тем, кто не скрывал действительного положения вещей, правда, военная цензура строго контролировала содержание писем. Иногда находились идиоты, решившие приукрасить свои письма всякими небылицами, дабы произвести впечатление на своих подруг или друзей. Однажды такого рода письмо было зачитано перед личным составом бригады. Каким же нужно быть кретином, чтобы написать такое: Здравствуй, моя любимая Людочка! Извини за корявый почерк, пишу тебе письмо на сапоге погибшего товарища в перерыве между атаками душманов. Они нас окружили и постоянно атакуют. Я уже подбил два танка гранатами и из своего автомата уложил более 30 духов, один подкрался совсем близко — пришлось перерезать ему глотку штык-ножом. Вот сейчас он лежит передо мной и его глаза ещё моргают, а из перерезанного горла мне на сапоги течёт кровь. Буду оканчивать своё письмо, духи опять идут в атаку, патроны у меня на исходе и если помощь не «прейдёт», то, я, вряд ли, выживу в этой жестокой схватке с врагом. Но, ты там сильно не расслабляйся и передай тем, кто будет за тобой ухлёстывать. «Если выживу, вернусь и порежу, как духов на лапшу». Фамилии писавшего называть не стали, но, по слухам, быстро распространившимся посредством солдатского радио (сказал один солдат) это письмо написал один из поваров. Наверное, он накурился гашиша, ведь, находясь в здравом уме, вряд ли кто-то сможет написать такую чушь. Ребята, участвовавшие в реальных боевых действиях, стараются вообще не писать о них. Каждый понимает, зачем травмировать родных, само слово Афган уже не даёт им спокойно жить. Проведя в занятии по написанию писем и записью новых стихов время до ужина, Малыш вернулся в расположение взвода.

Вечером на посадочную площадку приземлился вертолет, из него выгрузили какие-то ящики и аппаратуру. Груз сопровождали гражданские лица, поэтому интерес у разведчиков, всегда следящих за подобными посадками вертушек, они не вызвали.

Утром, пришедший из штаба, Панин сказал: «После обеда выезжаем со съёмочной группой программы „Новости“ снимать кино». Все обрадовались и стали наводить марафет: ещё бы, тебя покажут на всю страну и вот тут-то важно не ударить в грязь лицом.

Действительно, после обеда на их «БМП» загрузили несколько ящиков с аппаратурой. Рядом с Малышом, на башне 102, сидел оператор Семён Красильников с видеокамерой на изготовку. Выехав из части, машины направились к мёртвому кишлаку, к тому самому, где сдавали экзамены наши разведчики. Семён снимал окрестные пейзажи и очень старался не захватить в кадр разведчиков, сидящих на броне. Это обстоятельство насторожило Малыша: почему снимая сюжет о боевых буднях в Афгане, оператор избегает показа наших солдат. Добравшись до кишлака, долго выбирали съёмочную площадку. Режиссер сюжета оказался очень привередливым, то его не устраивает освещение, то панорама гор плохая. Наконец, после долгих переездов с места на место, он всё же выбрал подходящее по всем параметрам место. Разгрузили и установили съёмочное оборудование. «БМП» ушли в сторону зелёнки с одним оператором, другой расположился на месте, снимая общую панораму местности. Пришедший следом «КАМАЗ» привёз ящики из под боеприпасов и несколько старых покрышек. Панин, всё время крутившийся возле режиссера, давал Малышу указания по ходу дела. Ящики разгрузили в один из дувалов, а покрышки разложили во дворах двух других. Нужно будет по сигналу поджечь их и хорошенько «пошуметь» за ближайшими камнями, изображая крутой бой. Гранат, патронов, осветительных и сигнальных ракет не жалеть, всё должно выглядеть очень правдоподобно. Распределив позиции и сектора обстрела, стали ожидать условного сигнала.

Наконец, в небо взвилась красная сигнальная ракета и из дувалов начал подниматься чёрный дым от горящих покрышек, после зелёной ракеты ребятам предстояло имитировать бой. Вот и она, — разведчики открыли ураганный огонь из всех стволов, одна за другой разрывались гранаты, то тут, то там взлетали сигналки.

За спинами ребят в кишлаке зашлись очередями пушки «БМП», а над головами пролетели три «Крокодила», освобождаясь от «НУРСов» дружными залпами. Дым и пыль от разрывов клубами поднимались к небу.

Через несколько минут наблюдатель передал команду «Отбой». С довольными лицами ребята возвращались к месту сбора. С удивлением Малыш увидел, как «зелёные» грузят ящики в «КАМАЗ». Откуда здесь взялись бойцы Царандоя, никто не знал.

Ответ на этот вопрос дал механик-водитель: «Мы их посадили на броню за кишлаком и привезли сюда. Нам приказали не высовываться из люков и открыть огонь в сторону гор. „Зеленые“ в это время „прочесывали“ кишлак и „брали“ склад боеприпасов. Потом нам дали „Отбой“ и разрешили вылезти на свет Божий».

Погрузив съёмочное оборудование, все опять разместились на броне и двинулись назад в часть. Семён подмигнул Малышу и сказал: «Через четыре дня смотрите „Время“». В части киношников уже ждал вызванный по радио вертолет, и, быстро перегрузив аппаратуру, они улетели.

За четыре дня ничего нового не произошло, взвод занимался не интересной работой по облагораживанию территории вокруг палатки и стоянки машин в парке. Такое бездействие угнетало, чтобы как-нибудь разнообразить серые будни, Исса с Малышом водили взвод на стрельбище, где совершенствовалось умение метко стрелять, расходуя как можно меньше патронов, это была очень увлекательная и полезная затея. По количеству мишеней делалась заявка на боеприпасы, причём, огонь велся в автоматическом режиме, а значит, количество выстрелов можно регулировать только нажатием на спусковой крючок. Обычно бралось 10 консервных банок на расстоянии 50 м и стартовое количество патронов 30 шт. Каждый стрелок, приступающий к стрельбе, заявлял, сколько патронов он истратит для поражения всех мишеней. Началось с того, что одного магазина даже не хватало, но после двух дней тренировок почти все стали вкладываться в 20 патронов, при этом ведя беглый огонь. Для самых метких задание усложнялось — стрельба по осветительной ракете, когда, взлетев вверх, она опускалась на маленьком парашютике и требовалось сбить горящую часть ракеты, пока она не погасла. Самым тяжёлым упражнением была «стрельба вслепую, на слух», с завязанными глазами нужно попасть в брошенную на землю банку. В таких упражнениях оттачивалось мастерство стрельбы; от скорострельности и точности стрельбы зависит порой судьба всего подразделения, что неоднократно подтверждалось в боях с крупными бандформированиями. Также каждый боец взвода овладевал мастерством рукопашного боя, в свободное время частенько организовывались внутривзводные соревнования. В результате многочисленных тренировок с закреплением результатов на практике любой боец Володькиного взвода стоил в бою целого отделения простых солдат и даже почти на равных, они могли противостоять взводу настоящего спецназа. Своими достижениями ребята очень гордились, но и не зазнавались, зная, что армия не может состоять только из специально подготовленных подразделений. Должны быть и

пехота для создания толпы, и различные узко-профильные команды. Ведь война — это не только напор и атака, но и тяжёлая рутинная работа по обеспечению этих действий.

За тренировками пролетели обещанные четыре дня и, наконец-то, как-то вечером все уселись у телевизора в ожидании «своего» сюжета. Вот замелькали на экране знакомые окрестности, однако диктор говорил лишь об успехах афганских правительственных войск. Из-за строений кишлака, на броне наших «БМП», выехали бравые солдаты «Сарбоза», а диктор «заливал»: «Одно из подразделений народной армии провело успешную операцию по уничтожению склада боеприпасов в одной из провинций Афгана». Затем камера показала общую панораму кишлака с дымящимися дувалами, грохот взрывов и автоматных очередей иногда заглушал слова диктора: «За ближней околицей кишлака ещё идёт бой, где при огневой поддержке наших вертолетов бойцы Афганской народной армии завершают уничтожение крупного бандформирования моджахедов. Афганские саперы загружают ящики с боеприпасами в машины».

Постепенно звуки боя затихают и диктор, улыбаясь, говорит: «Как видите, операция прошла удачно, наши войсковые подразделения, кроме вертолётного звена, участия в бою не принимали. Афганская армия под руководством правительства и советских военных советников уже может самостоятельно выполнять задания любой сложности».

На этом сюжет закончился, гул негодующих голосов наполнил палатку, ведь в нём нет ни капли правды. Панин быстро всех успокоил: «Если сюжет преподнесён под таким ракурсом, значит так надо. Кто не хочет проблем с политотделом и особистами, лучше пусть помалкивает, а свою негативную энергию завтра сможете выплеснуть на духов. Идём брать караван с оружием». Распустив взвод и собрав сержантский состав в командирской комнате, он провел краткий инструктаж и разбор предстоящего «мероприятия». «Завтра нам предстоит выдвинуться на 17 заставу под видом обычной доставки продовольствия и боеприпасов. Два тентованных грузовика и „БТР“ сопровождения доставят взвод на исходную позицию, под прикрытием темноты будем выдвигаться на „задачу“ для организации засады. Такие меры предосторожности и секретности просто необходимы, ведь в каждом кишлаке есть духовские агенты и, как только разведгруппа выдвигается в своём обычном порядке на „БМП“, то душманское радио передает быстрее молнии нужную информацию. Сразу же в том направлении, куда мы едем, замирает всякая активность, и ждать караван просто бессмысленно». «Вооружение по максимуму: „НСПУ“, „ПБС“ и

подствольники обязательно, у саперов нужно взять четыре мощные осветительные ракеты».

В 5^{00} взвод подняли по тревоге и в районе складов загрузили в машины. Уже в 5^{30} в сопровождении «БТРа» меленькая колонна покинула расположение части. Панин сидел в кабине головного «КАМАЗа», изображая старшего сопровождающего, а Малыш — в кабине второй машины. Водитель был весёлым увальнем из Костромской области — Толик Кузнецов, на его панаме было написано: «Кузя — Вохма — 85». Такие краткие надписи были в моде почти у всех солдат в $40^{й}$ армии, по ним легко находили земляков. Первым шло имя или кличка, потом название города или местности, откуда ты родом, а цифры означали год призыва. Кузя сразу попросил Малыша накинуть свой бронежилет на дверь кабины, дабы обезопасить себя от боковых выстрелов. Кабина простого «УРАЛА» ведь представляет собой стеклянную витрину с готовыми мишенями, а бронежилет обезопасит хотя бы от боковых пуль. Уже, правда, в часть стали поступать машины с бронированными листами на лобовых стеклах и дверях, но пока они были редкостью. В кабине у Кузи был установлен трофейный магнитофон «Панасоник» и с кассеты звучали песни популярной в афгане группы «Каскад». Она была создана офицерами и солдатами сверхсрочниками, воевавшими в своё время тут жё. Основной репертуар составляли песни об Афганской войне, сочиненные самими же солдатами или переделанные популярные песни советских авторов. Они близки к сердцу каждого солдата, нетронутые цензурой слова песен, были чувственны и правдивы. Всё из-за той же цензуры вывезти такую кассету в Союз было, практически, невозможно.

Малыш с Кузей быстро нашли общие темы для разговора и весело беседовали всю дорогу. Они совместно переделали одну из песен и записали её через микрофон, встроенный внутри магнитофона. Основной музыкой был: звук мотора и шум от колёс, правда, Малыш, ещё выбивал ритм по приборной доске ладонями. Позже он записал её в свою тетрадь под названием

«Песня бравых разведчиков»

Мы разведчики, лихие, эту песню вам споём.
Пусть послушают родные, как мы весело живем.
Театральные подмостки для таких, как мы ребят —
десять ящиков снарядных, что рядочками стоят.

Припев:
Мы обычные солдаты, мы на службе день за днём,
«БМПэшка» в поле чистом — это наш привычный дом.
И не рейнджеры крутые из заморской той страны,
а ребята боевые, что с советской стороны.

По ущельям мы кочуем, перевалы посетим.
Где придётся, заночуем и сухпай свой доедим.
Одеяло — плащ-палатка и матрац-бронежилет.
Если духи не подстрелят, проживём ещё сто лет.

Никогда не расстаемся мы с оружием своим.
За любимым автоматом как за девушкой следим.
Если жаркий бой наступит, друг прикроет и спасёт.
«ДШКа» со склона лупит, но, надеюсь, пронесет.

Мы в засадах и секретах службу день и ночь несём.
Едут духи караваном, им сюрприз мы припасём.
Караванная проводка для таких как мы вояк,
Всё равно как те прочёски, что зелёнка, что кишлак.

Если очень жарко станет, «воздух» выручит огнём.
Тех, кто выжил, арестуем и с собою уведём.
Мы приедем и уедем летом, осенью, зимой.
В страшных снах приснится духам «БМП» наш боевой.

Такой песни да ещё под такую музыку не было даже у «Каскада», а в кабине их машины она звучала ещё долго.

Дорога же, вся в выбоинах и колдобинах грунтовка, петляя и кружась, вела к ближайшим отрогам мимо полей, холмов и редких кишлаков. Частенько получалось так, что, проехав один поворот, можно было через полчаса пути выехать к тому же месту, но уже в 200 метрах дальше. Виной всему были неширокие, но

глубокие овраги или непроходимые гребни валунов. Иногда скорость падала до черепашьего шага, а на самых скоростных участках, не превышала 50 км/ч.

Семнадцатая застава находилась всего в 40 километрах по прямой от расположения части, но дорога к ней заняла почти семь часов. Она представляла собой хорошо укреплённую высоту рядом с дорогой, окруженную двумя рядами минных полей со сложными фортификационными сооружениями из дикого камня. Окопы в полный рост, скрытые огневые точки по всему периметру.

Два «ДШКа» на боевых стационарных позициях, «АГС-17» и два миномета составляли тяжелую огневую мощь. Около 30 солдат, 3 офицера и 2 прапорщика представляли весь личный состав гарнизона заставы. Поддержание порядка на дороге и в окрестных кишлаках, радиоперехват духовских переговоров и уничтожение небольших диверсионных групп — вот основные задачи заставы.

Машины, басовито гудя, вслед за «БТРом» взобрались на вершину сопки и пристроились к капониру для «разгрузки».

Солдаты гарнизона создавали толпу, в которой один за другим, «терялись» разведчики, им ещё полдня придётся прятаться в капонире до наступления сумерек. Только Шанин, Малыш и Исса совместно с начальником заставы майором Ивановым в штабной палатке разбирали по карте маршруты подхода, отхода и определяли наилучшее место для засады. Иванов предложил усилить группу захвата двумя пулеметами «ПК» и отделением своих солдат, но, уверенные в своих силах разведчики, тактично отклонили это предложение. «Лишние» люди были только балластом для сплочённого коллектива понимающих друг друга с полуслова бойцов.

С нетерпением ожидаемые сумерки, наконец-то, опустились на сопку, засидевшиеся за день бойцы с удовольствием разминались на свежем воздухе. Пятнадцать минут на сборы, и разведвзвод растворился в наступающей темноте, уходя, прочь. Им предстояло преодолеть 20 километров до русла пересохшей реки и ещё 5 — до места засады. Ночь выдалась тёмная, месяц лишь иногда выглядывал в разрывы облаков, освещая цепочку разведчиков, движущуюся ускоренным маршем к намеченной цели. Прошло три часа, прежде чем взвод вышел на исходную в самом узком месте сухого русла. Позиция была просто идеальной: впереди скалистый откос, у его подножья ровная площадка с песчаным покрытием шириной метров 35 и длиной около 200. На всей протяженности этой площадки нет ни единого укрытия от наших пуль. Прежде, чем каждая тройка заняла свои позиции, был проведен последний инструктаж, где каждому отдельному бойцу была поставлена конкретная задача и порядок ведения боя. По давно замеченным и неоднократно проверенным сведениям духи впереди каравана высылают дозор в количестве 3–5 человек, так же ещё одна группа прикрытия идет позади метрах в 200. «Требуется пропустить дозор и по возможности тихо уничтожить его за пределами основной зоны обстрела» — объяснял Панин, «Этим займётся группа: Исса, Малыш, Худой и Серый, на вас, хлопцы, возлагается задача огромной важности и от успешного её выполнения, будет зависеть успех всей операции и, возможно, жизни ваших товарищей».

— Основные силы духов пропускаем до первой тройки, первые выстрелы только с «ПБС», после запуска осветительных ракет огонь из всех стволов. Такие инструктажи давали возможность каждому бойцу осознать свою роль в предстоящем бою, поднять важность возложенной на него ответственности. Во время многочисленных тренировок взвод становится одним сложным боевым механизмом, где каждый выполняет отведенные ему функции и где от четкого и качественного выполнения своей

части работы зависит весь этот механизм. Посмотрите любой западный боевик, в котором действуют спец — подразделения, и сами поймёте роль индивидуального инструктажа для каждого члена команды.

Получив все указания и рекомендации, наши бойцы стали обустраивать свои позиции на свой вкус, единое для всех требование: соблюдение тишины и не очень видимое изменение окружающего ландшафта. Искусство маскировки своих позиций на местности — одна из составных успеха, этому занятию посвящалось множество тренировок. После 15–20 минут обнаружить присутствие разведчиков на данном участке, даже в дневное время, было очень сложно. В каждой тройке были назначены наблюдатели, сменяемые каждый час, остальные двое спали. Ночные прицелы пристально рассматривали темноту, минуты ожидания растягивались в часы. Облака окончательно затянули небо, и месяц перестал выглядывать в их прорехи. Темнота властвовала над предгорьями Гиндукуша, для полного счастья не хватало ещё дождя или плотного тумана. За 150 метров вниз, от позиции взвода группа захвата томилась в ожидании схватки. Тщательно подготовили место, для боя расчистив площадку от крупных булыг, отработали пути к нападению и затаились в ожидании. В их задаче была лишь одна неизвестная — число духов. От этого числа зависел выбор оружия, если духов 3, их просто убрать с помощью «ПБС», при количестве 5 придется работать ножами. Численность дозорной группы ребята узнают лишь после прохождения им основной позиции взвода. Рация, находившаяся у Худого, постоянно работает на приём. Панин должен передать только одну цифру, означающую количество духов в дозорной группе. После этого у ребят будет ещё 5-10 минут на подготовку к схватке. Исса, искушенный в подобных засадах, свернулся клубочком за широкой спиной Худого и мирно дремал. Серёга, сидя, опершись на валун, подбрасывал и ловил невидимый в темноте камешек. Худой лежал на боку, вслушиваясь в наушники рации, ожидая условный сигнал. Малыш разглядывал в ночной прицел окрестности в поисках чего-нибудь интересного.

Ночное предгорье жило своей жизнью: деловито шарился в редком кустарнике дикобраз, выискивая сочные ростки и траву, как маленькие привидения шныряли тушканчики или другие грызуны, лакомясь семенами трав. Невидимками оставались лишь змеи и небольшой варан, шастающий неподалёку, их температура почти равнялась температуре окружающей среды и потому в «НСПУ» они сливались с фоном почвы.

Романтическая часть Володькиной души доминировала, он

был расслаблен и спокоен, но, как нам уже известно, за считанные секунды этот романтик может превратиться в жестокого воина, достаточно лишь получить сигнал к действию.

Четыре томительных часа длилось ожидание, наконец, радио выдало «три». Худой шепнул Малышу, а тот Серёге, Иссу решили не будить. Включив «НСПУ», стали ждать. Наконец вдалеке засветились три фигуры, по заранее оговоренному плану ребята подпустили духов на минимальное расстояние, каждый взял на прицел своего моджахеда.

Три щелчка затворов автоматов почти одновременно нарушили тишину, а три фигуры духов навсегда застыли на песке. Исса проснулся оттого, что гильза из Сережиного автомата попала ему по голове. Он, было, начал возмущаться тем, что его не разбудили, но, увидев результат, сразу замолчал. Взяв с собой Малыша, пошёл осматривать мёртвых духов. Володька до самого конца службы так и не научился спокойно смотреть на человеческие трупы, где-то в глубине души он всегда жалел убитых, пусть это были даже заклятые враги. Исса бесцеремонно начал шмонать убиенных духов. Обшарив двоих, он только недовольно бурчал, но при обыске третьего издал тихий радостный возглас. Снятый им с убитого духа кожаный пояс был набит тугими пачками денег. Малыш впервые видел американские доллары, ничем непривлекательные серо-зелёные банкноты с портретами президентов этой страны (нужно отметить, что в те годы доллар стоил всего 81 копейку и в Союзе свободно не обращался, имея при себе наличные доллары, можно было свободно получить срок за незаконные операции с валютой).

Упаковав деньги в «РД», Исса велел ребятам собрать оружие, и они двинулись к своим на подмогу. Не успели пройти и ста метров, небо над их головами озарилось ярким жёлтым цветом в одночасье залившим все окрестности, а тишина разорвалась от взрывов и очередей. Прямо на них из-за поворота русла летело какое-то дико орущее чудовище.

Встреченный очередями из четырех «АКМ», навьюченный тюками верблюд по инерции пролетел в падении ещё с десяток метров и забился в предсмертной агонии на песке, поднимая пыльные фонтаны своими ногами. Пока ребята расправлялись с прорвавшимся верблюдом, бой впереди стал стихать, приблизившись при свете ещё несгоревших ракет, они увидели, как между валяющимися верблюжьими тушами, ходят бойцы разведвзвода, добивая раненых верблюдов и духов. (Не писанный закон — пленных в бою не брать, лишь только тот, кто сам бросил оружие и поднял руки вверх, имел право на жизнь).

Возбуждённый остротой схватки Швец торопливо

рассказывал ребятам, как всё было: «Пропустили головной дозор и стали ждать сам — караван, напряжение росло с каждой минутой. Вот наконец-то появились тяжело груженые верблюды, всего их было восемь, по два человека охраны возле каждого. В конце колонны, метрах в пятидесяти, команда прикрытия из пяти человек. Как было договорено, пропустили головного верблюда до первой оборонки и ударили каждый по своему духу через „ПБС“, потом сразу залп из подствольников, я попал в верблюда, груженого взрывчаткой. Страшный грохот, вспышка пламени и вонь от разлетевшихся во все стороны кишок. Взлетели осветительные ракеты и залились очередями пулемёты. При свете мы добили остатки охраны как кроликов, правда, группа прикрытия пыталась оказать сопротивление, но мы их забросали гранатами. Один только головной верблюд успел улизнуть».

«Ты успокойся и не переживай, мы его встретили и грохнули» — сказал Исса.

«Малыш, расставь караул по периметру, смена постов через час. Остальным спать» — дал распоряжения Панин и пошёл укладываться. Расставив посты и установив порядок смены часовых, Малыш улёгся рядом с командиром.

Полная тишина воцарилась вокруг, замерли, испугавшись грохота и внезапного света среди ночи, все ночные создания. Смерть летала над полем боя, собирая свою дань, а всего в нескольких десятках метров мирно спали бойцы разведвзвода. Они уже привыкли использовать для отдыха любую свободную минуту, напряжение от недавнего боя уже спало, уступив место усталости. Так зачастую на гражданке отдыхают люди, только что выполнившие тяжелую работу.

Три раза успели смениться часовые на постах, и рассвет начал окрашивать вершины дальних гор в розовый цвет.

Первыми были разбужены Малыш и комвзвода, распрямив антенну радиостанции, Панин выдал в эфир «„Дача“, я — „странник“, приём». В наушниках раздался голос начальника 17 заставы, ожидавшего этих радиопереговоров в намеченное время — «„Странник“, я — „дача“, приём». Получив подтверждение о приёме, Панин продолжил: «„Дача“, зверей отловили, высылайте клетки пусть пара „Крокодилов“ пройдётся по трещине». В ответ прозвучала «„Странник“, вас понял, ждите». На нормальном языке это звучало так: 17 застава, я разведвзвод, караван перехвачен, высылайте машины за трофеями и пусть два вертолета обследуют окрестности на предмет обнаружений духов, идущих на поиски каравана. После радиопереговоров подняли остальных и принялись разбирать трофеи. Улов в этот раз был богатым, три из восьми верблюдов были нагружены минами и взрывчаткой. Три

других несли тюки со стрелковым оружием и боеприпасами.

Особо ценным был груз у верблюда, уничтоженного группой захвата, на нём перевозили установку для запуска «ЭРЕСов» и запас ракет. Чем был нагружен восьмой, уничтоженный Швецом, установить так, и не удалось, от него мало осталось.

Только бойцы закончили сортировать все тюки, как ожила рация — «„Странник“, я „Дача“, приём. Клетка сломалась, ждите две вертушки, место встречи обозначьте тремя красными кустами. Опаздываете на поезд, рядом крутится большая стая стервятников. „Крокодилы“ займутся ими. Как поняли меня, приём». «„Дача“, я „странник“, понял вас хорошо, готовы встречать гостей», — ответил комвзвода. «Заканчиваем в темпе, рядом духи. Малыш, найди поблизости посадочную площадку и приготовься обозначить её тремя сигнальным дымом зелёного цвета (если при переговорах указывался красный цвет, то в действительности пускался противоположный зелёный, дабы духи не устроили ловушки для наших вертолетов), мы быстренько перенесём самое ценное туда», — выдал указания Панин.

Сложили всё лишнее в две кучи и оснастили фугасными зарядами, забрали только то, что смогли унести и поспешили к посадочной площадке.

Вдалеке послышался звук приближающихся вертушек, первыми из-за ближайшего холма вынырнули «Крокодилы» и, сделав круг, ушли вдоль русла навстречу приближающимся моджахедам. Два «МИ-8» не спеша, приземлились на указанную сигнальным дымом площадку. Разведчики быстро погрузили трофеи и разместились в грузовых отделениях вертушек. За

дальней грядой послышались взрывы «НУРСов», это «Крокодилы» обрабатывали духов. Исса с Серым подожгли фитили фугасов и прямо с разбегу влетели в салон вертушки. Турбины над головами взвыли от ускорения, и вертолёты поднялись в воздух. Две кучи боеприпасов исчезли в огне взрывов. Быстро набирая высоту и скорость, вертушки понеслись над землей в сторону заставы. Через пару минут к ним пристроились и «Крокодилы». Их обтекаемые, вытянутые боевые формы и торчащие спереди стволы пушек, внушали страх и ужас у духов. Бронированные борта и брюхо надёжно защищали вертолёт от наземного огня. Высокая скорость и отличная манёвренность позволяли нанести неожиданный удар и быстро отойти для повторного захода на цель. Кассеты для запуска «НУРСов» на боковых консолях немного портили внешний вид, но являлись самым мощным оружием.

"Крокодил" несётся по ущелью,
"Нурсы" выпустил и заложил вираж.
Банду духов положив на землю,
лётчик видимо вошел в кураж.
С разворота пушка заурчала,
и фонтаны взрывов расцвели.
Духи что так смело в бой вступали,
умирая корчатся в пыли.
С боку на бок вертолёт качнётся,
знак пехоте подаёт простой.
Если нужно будет он вернётся,
следуя за радиоволной.
Позывной простой у парня "Небо",
борт под номером "608".
Не корми таких орлов ты хлебом,
дай возможность поиграть с судьбой.

По сравнению с Крокодилом, «МИ-8» выглядел неуклюжей, толстобрюхой машиной, ведь они являлись транспортным средством для доставки живой силы, боеприпасов и вывоза раненных.

«Крокодил» же являлся средством огневой поддержки.

Уже через полчаса после взлёта взвод разгружал трофеи на пустыре за обводным каналом, служившим посадочной площадкой. Сдав оружие на склад, они поспешили к своей

палатке, где произошла не совсем обычная процедура. Все деньги, собранные у мертвых духов, были поделены на четыре части: одна отходила непосредственно «бате», вторая на штабных офицеров, третья Панину и его собутыльникам, а четвёртая на нужды взвода.

Всего нам досталось 10 тысяч долларов и 25 тысяч афганей, сумма не очень большая по тогдашним меркам. Из этой суммы Исса отстегнул в «дембельский фонд» пятую часть — 2 тыс. долларов и 5 тыс. афошек. На остальные деньги решили устроить банкет в честь боевого крещения взвода. Для дедов и сержантского состава была заказана вечеринка в общежитии медработников. Остальному составу взвода купили барашка на шашлыки, водки — хоть залейся и различные деликатесы из лавки Али. Исса взял бабки на фуршет для сержантов и исчез до вечера, Малыш был занят подготовкой банкета для взвода и не замечал его отсутствия. Худой колдовал возле котлов, остальные помогали, чем могли, выполняя его указания.

Уже начало смеркаться, когда явился Исса с четырьмя свертками подмышкой, отозвал Малыша в сторону и попросил собрать сержантский состав в командной комнате. Через пять минут все были в сборе. Вручив каждому по свертку, Исса объяснил, что через полчаса он ждёт их в первом мед. модуле, комната № 9. Развернув свертки, ребята обомлели: спортивные костюмы, новенькие кроссовки «Пума», коробка с набором парфюмов, станки для бритья «Бик», трусы в упаковке по три штуки и носки — по пять пар.

Быстренько приняв душ и наведя марафет, наши ребята преобразились, теперь они были похожи на вольнонаёмных строителей, дислоцирующихся в их части. Всё же соблюдая осторожность, они двинулись в сторону модулей медиков. В комнате их уже ждали семеро молодых, от 19 до 25 лет, медсестёр. От одного их вида, у изголодавшихся по женскому теплу бойцов, по телу разлилась горячая волна желания.

Знакомство прошло быстро, и все уселись за стол. Такого разнообразия блюд и закусок ребята не видели уже давно, всё было приготовлено заботливыми женскими руками. После небольшой прелюдии с закусками вышли на перекур. Исса присоединился к ним минут через пять, он узнал у женщин, кто кого выбрал себе в партнеры и теперь обсуждал с ребятами план дальнейших действий. «После горячих блюд немного танцев, а потом расходимся по комнатам», — объяснил он.

С Малышом захотела разделить постель 20-летняя Тома из Запорожья. После окончания медучилища и года работы в одной из больниц города она, как и многие другие, по комсомольской

путёвке приехала сюда заработать денег и льготы. Оттанцевав пару медленных танцев, она предложила уйти в её комнату. Уютная, аккуратно прибранная комната на двоих проживающих, должна была стать сегодня храмом любви для Малыша.…

Прошло несколько часов и Тома, велела Малышу одеваться и уходить. Обиженный на весь свет, он быстро оделся и, хлопнув дверями, вышел в коридор. Прекрасно понимая, что эта любовь куплена за деньги, и их связь ни к чему не обязывает, Малыш всё равно никак не мог успокоиться. Его ещё никогда не выставляли за дверь. Он не стал разыскивать остальных и прямиком отправился к своей палатке. Тут веселье было в полном разгаре, запах шашлыка чувствовался метров за двадцать. Громкими возгласами ребята приветствовали своего замка и сразу же налили ему «штрафной стакан». Залпом, как воду осушив его до дна, Володька сразу изменился, все обиды, и разочарования куда-то улетучились. Здесь в компании своих верных друзей он просто отдыхал и веселился, зная и понимая, что здесь его никто и никогда не предаст.

На запах шашлыков, и звуки веселья стали подтягиваться друзья друзей и земляки. Всем нашлось место и угощение, порядком, захмелевшая компания, почти до утра горланила песни под аккомпанемент гитары и невесть откуда взявшегося аккордеона. Уже светало, когда выпроводили последнего гостя, уложили спать «особо уставших», те кто ещё соображал и держался на ногах, принялись за наведение порядка. Прибывшие с гуляний Исса и компания помогли быстро устранить последствия ночного пиршества.

Разведвзвод отдыхал после гуляния, Панин с Нечепоруком тоже где-то зависали и не тревожили ребят. Проспав, почти до трех часов дня Малыш проснулся с чувством дикого голода и противным привкусом во рту, будто там ночевал эскадрон гусар. Ещё лёжа с закрытыми глазами и медленно возвращаясь к реальности, он услышал странные звуки: металлический щелчок и шипение. Заинтересовавшись происхождением этих звуков, он решил всё же открыть глаза и подняться с кровати. Картина, представшая перед его взором, сразу подняла настроение: в центре палатки стояли четыре упаковки баночного пива, и все желающие утоляли жажду.

Быстро откупорив банку и приложив её к губам, он почувствовал, как живительная влага и сила этого хмельного напитка наполняет его иссушенный спиртом организм. Лишь после третьей баночки пива снова захотелось жить, солнце выглянуло из-за туч и застилавший глаза туман, рассеялся.

Утолив жажду, он принялся расправляться с консервированной ветчиной и одновременно прислушиваться к разговорам вокруг стола. В основном все рассказы были на тему гражданской жизни, кто, как и где проводил своё свободное от учёбы или работы время. О друзьях, любимых девушках, а также о своих увлечениях и достижениях. Как только Малыш решил вставить пару слов о себе, всё запротестовали и просили рассказать лишь о том, как он чуть не до смерти затрахал медсестру этой ночью.

Как всегда солдатское радио — «СОС» (сказал один солдат) моментально разнесло сказанную кем-то нелепую шутку, да ещё приукрасив её разными смачными подробностями.

Зная, что спорить и оправдываться бесполезно, никто не поверит в его отговорки, он сказал просто — «Слабенькая подруга оказалась, после третьего захода начала тухнуть». Повышенное внимание к его персоне очень быстро начало раздражать Малыша. Решив уединиться, он взял свою тетрадь, предупредив дневального о своём месте пребывания, ушел на «Корабельное кладбище».

Сидя под деревом и слушая музыку ветра, он жалел, что в своё время не научился нотной грамоте. Музыка звучала вокруг него, а передать её звучание он не мог.

«Стихи конечно хорошо, а вот бы положить некоторые из них на музыку, как бы это было здорово». Сегодня его тетрадь пополнилась несколькими новыми стихотворениями.

В апреле я пришел в Афганистан, где в это время по июньски светит солнце.
Афганец, тут выравнивая пустоту, песком стучит в закрытое оконце.
Здесь все мы научились воевать, чесали кишлаки, зелёнку.
Давали шанс народу выживать и школу посещать ребёнку.
Мы ставили концерты в кишлаках, гуманитарку бедным раздавали.
Вели колонны и на блокпостах атаки духов часто отбивали.
Но западные голоса твердят, что мы насильники и оккупанты.
Агенты разные кругом вредят, они советники и военконсультанты.
Дехкане ж знают, отдаём мы жизнь не ради собственной наживы.
Ребята на зелёных «БМП» прикроют их покуда, будут

живы.

Размышления Малыша прервал, появившийся из за разбитого БТРа Исса, ещё на ходу он крикнул — «Идём на прочёску, духи завалили вертушку. Наши уже в парке, твои вещи тоже там. Бежим быстрее к дороге на КПП».

Расстояние в 200 ти метров они преодолели со скоростью ракет. Недовольно урча моторами, словно медведи после зимней спячки, «БМП» выползали на дорогу. С ходу подхваченные друзьями' Малыш и Исса заняли свои места на броне. Быстро набрав ход, машины словно летели над землёй. Нужно было спешить, где-то там, в зелёнке может быть еще, кто- то выжил и, отбиваясь от духов, ждёт помощи.

По радиосвязи Панин ввёл ребят в курс дела; «Недалеко от аэродрома, едва взлетев, вертушка была сбита и упала в зелёнке. Часовой на вышке у края взлётки видел несколько парашютов, значит, есть вероятность, что погибли не все. Звено „Крокодилов“ уже облетело зелёнку, но активных действий в ней не обнаружило. Мы заходим в зелёнку с трёх сторон и гоним духов в сторону аэродрома, там их встретят пулемётным огнём с вышек».

Зелёнка, окружающая дальние подступы к аэродрому, представляла собой почти правильную окружность диаметром около 4х км. Где-то ближе к её центру догорала вертушка, примерно в том же районе находилось большое минное поле.

Двигаясь на предельной скорости «БМП» уже через 15 минут были на исходной позиции. Боевые задачи были поставлены ещё во время марша по радио. 103я занимает позицию на дороге входящей в зелёнку с севера, 102я должна обогнуть зелёнку по дуге и зайти с востока, 101я ушла в сторону ещё до подъезда к аэродрому, её задача заблокировать дорогу с юга.

Получив по радио подтверждение от всех групп о занятии исходных позиций, Панин дал команду «Цепью в перёд».

Растянувшись в цепь с интервалами в 10-15 метров, разведчики двинулись в глубь зарослей. Зелёнка была не особенно густой и визуальный контакт, между отдельными бойцами поддерживался хорошо. Все три группы постоянно поддерживали радиосвязь между собой.

Углубившись в зелёнку, метров на 250 Малыш получил сигнал по радио «Замри и смотри». Условным жестом он передал команду своим бойцам, в мгновение ока все они словно растворились в воздухе, на самом же деле каждый выбрал себе укрытие по близости и затаился. Минуты через три — четыре

впереди послышался шум, продирающихся сквозь заросли людей и снова ожила рация — «По возможности возьми пленных». Вновь условными знаками он передал команды своим бойцам и приготовил группу к бою. Вот уже видна группа из пяти человек, двое из них с оружием. Подгоняемые страхом они даже не заметили присутствия засады на своём пути. Короткая схватка, несколько выстрелов и вот результат; трое убиты, а двое изрядно помятых, взяты живыми. Белый повёл их к «БМП», а Малыш с остальными двинулся дальше, на ходу докладывая о проведённом захвате по радио. Уничтоженная группа не очень была похожа на диверсантов сбивших вертолёт, поэтому командир приказал всем быть на чеку.

Пройдя еще метров, 150 все услышали мощный взрыв с южной стороны зелёнки, там должна была действовать группа Швеца. По радио тут же поступил доклад — «101я непонятным пока образом привела в действие мину направленного действия, осколками легко ранен оператор — наводчик, но группа продолжает движение».

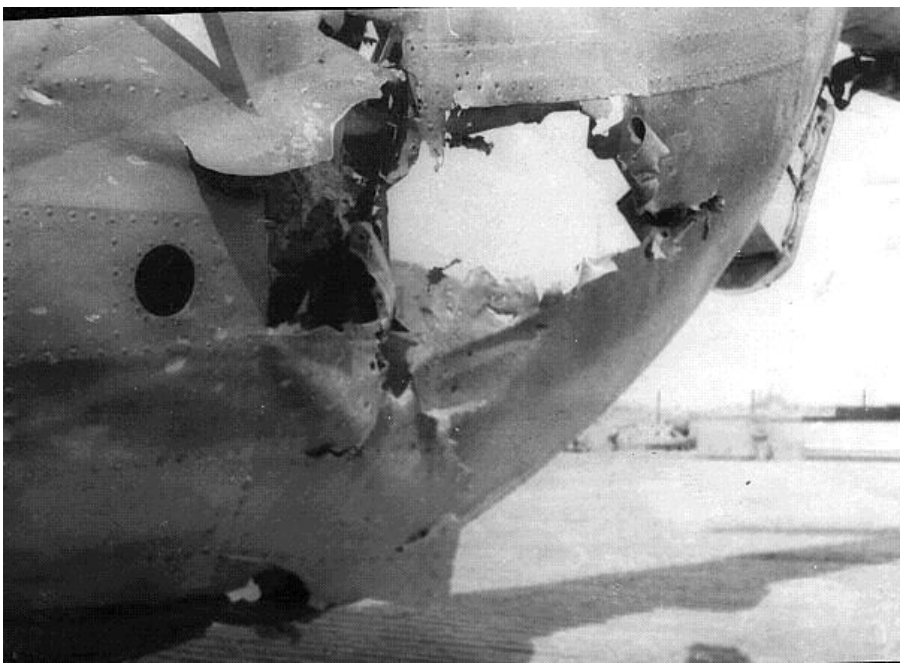
Группа Иссы уже в плотную приблизилась к месту падения вертушки, поражала царящая вокруг тишина, ведь духи должны были искать тех, кто выжил и спрыгнул с парашютом из падающего вертолёта, а те в свою очередь должны отбиваться от врага. Ничего подобного не происходило и это очень не нравилось Панину. Малыш дал команду ускорить движение, и его группа почти бегом направилась к месту сбора. Неожиданно Серёга крикнул — «Один есть» и указал рукой на одно из деревьев. Там, в переплетении ветвей, виднелось белое полотнище парашюта. По радио доложили о своей находке и поспешили на выручку. На высоте полутора метров от земли висел запутавшийся в стропах солдат без явных признаков жизни. Обрезав стропы, ребята осторожно опустили его на землю, парень был жив, но в бессознательном состоянии. Видимо удар о ветви был очень сильным и имелись какие-то внутренние повреждения. Из двух срезанных жердей и пары курток соорудили носилки для раненого и поспешили к месту сбора. По пути наткнулись ещё на двоих выпрыгнувших с парашютами. Им не повезло, купола парашютов загорелись от попавшего на них горящего топлива из вертолёта. Ребята погибли не от ранений, а от страшного удара о землю.

Таковы превратности судьбы, вроде бы спаслись из горящего вертолёта, но смерть всё равно не выпустила их из своих костлявых рук.

Малыш вызвал броню по радио, нести раненого и погибших, да ещё и одновременно заниматься прочёской зелёнки было

просто не возможно. Вскоре все услышали приближение своей машины. Словно дикий слон прокладывал себе дорогу продираясь сквозь заросли, подминая под гусеницы кустарник и мелкие деревца. Как лыжник слаломист механик- водитель лавировал между более толстыми стволами деревьев. Упаковав погибших в плащ-палатки и загрузив их в десантное отделение «БМП», двинулись дальше.

К месту падения вертушки группа Малыша добралась последней, остановки в пути сделали своё дело. При первом же взгляде на останки «МИ- 8» стало ясно, что духи всадили в неё две ракеты.



В перерыве между первым и вторым выстрелами оставшиеся в живых и выпрыгнули из горящего вертолёта. Обгоревшие трупы членов экипажа и пассажиров были уже упакованы и загружены в 101ю и 103ю. Осталась не прочёсанной ещё узкая, шириной около 50ти метров, полоса зелёнки идущая по самой кромке минного поля. Объединенный взвод растянутой цепью двинулся на завершение прочёски. Выйдя к крайней точке у минного поля, заметили лежащего на земле человека в обгоревшей одежде, примерно в 20ти метрах вглубь минных заграждений. Услышав шаги приближающихся солдат, человек поднял чёрное от сажи лицо и, выставив в перёд руку с пистолетом закричал — «Если свои, стой.» Получив ответ он вновь уронил голову на землю и замер.

Более двадцати минут Малыш с Иссой добирались до

раненого, ощупывая ножами каждый сантиметр земли перед собой. Такие меры предосторожности были просто необходимы, кроме простых противопехотных мин-растяжек здесь были установлены ещё два других вида мин. Присыпанные тонким слоем песка ожидали своего часа; «банка» и прыгающая мина «лягушка». Если наступить на «банку» то пострадает только тот, кто на неё наступил, а «лягушка» выпрыгивает из земли на высоту до полутора метра и взрывается в воздухе, разбрасывая во все стороны картечь, спасения от неё не было.

Когда ребята всё же добрались до раненного то не сразу его узнали, хотя ранее чуть ли не каждый день встречали его в штабе части. Это был начальник секретной службы майор Пинчук. На половину сгоревшая одежда, покрытое сажей и волдырями от ожогов лицо, отсутствие волос на голове делали человека похожим на сказочного монстра. Вероятнее всего он выпрыгнул одним из первых и его парашют загорелся уже у самой земли. Так, что, не смотря на сломанную ногу и множественные ожоги открытых частей тела, горящий купол парашюта накрыл его сверху, он ещё легко отделался. Всего в 40ка сантиметрах от его ног ребята откопали «лягуху», а чуть поодаль стояли две растяжки.

Майор находился в шоковом состоянии и часто терял сознание. Малыш еле-еле вытащил пистолет из обожженных пальцев, вторая рука лежала с зажатой в кулаке гранатой на портфеле с документами. В любой момент майор мог разжать пальцы и взорвать всех вместе с секретными документами. Исса бережно забрал гранату и отшвырнул её как можно дальше. Ребята подняли Пинчука и вынесли его с минного поля, осторожно ступая по своим следам. Пока проводили перевязку ран майора, Панин доложил о завершении операции и её итогах по радио.

Оставалось только выяснить, каким образом 101я вызвала взрыв мины. Спустя пять минут после доклада колонна «БМП» двинулась в обратный путь к месту подрыва 101й.

Внимательно обследовав место происшествия, быстро установили все причины и следствия. Духи применили новую тактику постановки мины: американка направленного действия (осколки этой мины летят в одном направлении) привязывалась к дереву на высоте бортов «БМП», тонкая проволочка растяжки натягивалась на уровне антенны бортовой радиостанции «БМП». При прохождении мимо антенна задевает растяжку, срабатывает взрыватель, и осколки волной должны были снести пехоту с брони. В этот раз ребятам повезло, ведь они шли развернутой цепью впереди «БМП», лишь наводчика, сидевшего на башне,

слегка задело отрикошетившим от фальшборта осколком.

«Об этой новой постановке мин нужно будет поставить в известность сапёров и все экипажи „БМП“ части», — лаконично заметил Панин — «Впредь проезжая коридорами зелёнки, следует обращать внимание на возможные растяжки над дорогой». Собрав интересующую их информацию, разведчики загрузились на броню своих «БМП» и отправились в обратный путь.

Сдав раненных в госпиталь, пленных в штаб, а мертвых в морг, бойцы, сложив амуницию и оружие, обсуждали последние события. Панин ушёл в штаб узнать результаты допроса пленных духов. После ужина решили немного поразмяться и устроили небольшой турнир по рукопашному бою. Кусок брезента изображал татами, пары подбирались по жребию так, что все желающие могли попробовать свои силы в учебном бою. Не успели ребята, как следует насладиться пылом схваток, вернулся Панин.

Вести были неутешительными, плененные духи оказались простыми сборщиками сока опийного мака. Ничего путного от них добиться не удалось, они слышали выстрелы ракет и взрывы в небе, видели, как падает вертушка, и слышали звук автомобиля, на полном ходу покидающего зелёнку, но самой машины никто из них не видел.

Они надеялись отсидеться в зарослях до темноты, а потом уйти. Неожиданно увидели советских солдат, производящих прическу и поспешили скрыться, но нарвались на другую группу и были взяты в плен. Теперь оставалась слабая надежда, что кто-нибудь из раненных пассажиров вертолёта сможет пролить свет на это происшествие.

Утром планировался выезд на сопровождение двух машин с гуманитарной помощью для крестьян из отдалённого кишлака. Такие рейсы совершались регулярно два раза в месяц, обычно груз составляли: сахар, мука, рис, медикаменты и школьные принадлежности. Особых проблем такие рейсы никогда не создавали, поэтому бойцы заснули спокойно. Уже засыпая, Малыш почувствовал, как в его сознании рождаются строки нового стихотворения, опасаясь, что утром он не сможет их вспомнить, быстренько достал тетрадь и записал.

Служили мы с тобой не по контракту,
наёмниками нас нельзя назвать:
Кишлак, зелёнку, а потом ущелье
с боями приходилось отбивать.
Муку и рис возили по коммунам,
тетради, книжки в школу — детворе.

Мы пели песни, ставили концерты,
но не на сцене, просто на земле.
Один аккордеон и две гитары
составили наш небольшой оркестр,
Пусть пели грубо не под фонограмму,
но не было вокруг свободных мест.
Порой вы смысла слов не понимали,
ведь русский же, конечно, не фарси.
Но все же дружно хлопали в ладоши,
кричали браво, браво шурави.
Сближает музыка отдельные народы,
пускай пуштун ты или же узбек.
Простой дехканин получил свободу
и благодарен нам за то навек.

Утром, плотно позавтракав и получив сухпай, Малыш повёл взвод в парк на погрузку. «БМП» уже гудели моторами, в ожидании команды к движению. Не спеша, загрузив амуницию и пайки в десантные отсеки, ребята занимали свои места на броне. Неторопливо выехав из парка, «БМП» на малых оборотах катились к КПП. «КАМАЗы» заканчивали погрузку возле складов. Остановившись возле КПП, разведчики ожидали конца погрузки продовольствия.

Ничто не угнетает, так как ожидание. Малыш каким-то шестым чувством вдруг почувствовал, что добром этот день не кончится. Лениво разглядывая по сторонам, он заметил бегущего Панина. Едва взлетев на броню, он условным жестом дал команду начать движение, машины вздрогнули и двинулись вперед, набирая скорость. Ничего не понимающие бойцы ждали объяснений такой спешке.

Радио молчало, только Панин жестами показывал: «Быстрее за мной». Соблюдая скоростной режим и дистанцию 102 и 103, послушно следовали за головной машиной. Исса по внутренней связи объяснил недоумевающему Малышу, что бывают случаи, когда необходимо радиомолчание: «Духи пеленгуют наши разговоры и, хотя каждый раз мы меняем радиочастоту, но ведь и пеленгующие устройства сейчас более совершенны, и поймать новую частоту можно без особого труда».

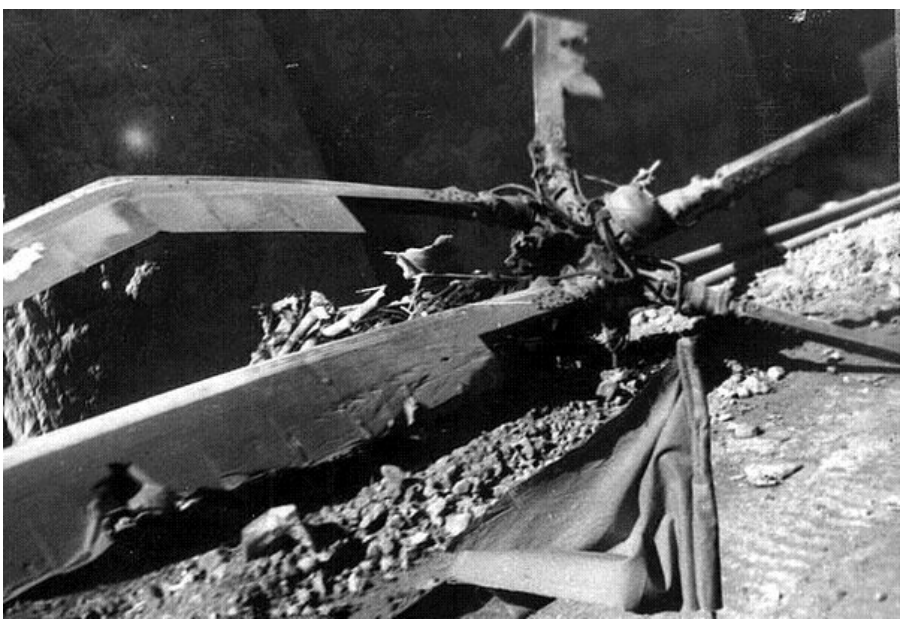
На максимальной скорости проскочили аэродром и, поднимая облака пыли, понеслись по грунтовке, ведущей мимо мертвого кишлака к зелёнке у отрога ближайшего горного хребта.

Не доезжая пару километров до зелёнки, Панин остановил машину и провёл краткий военный совет. «Заходим в оазис с трёх

сторон и быстро проводим прочёску», 102 обошла зелёнку слева, 103 справа, а 101 осталась по центру. Этот оазис был меньше по размерам, чем зелёнка у аэродрома. Заняв позиции в указанных точках, взвод начал проческу.

За двадцать минут прошли все заросли, не осталось ни одного участка, где бы ни ступала нога разведчика. Опять духи сумели ускользнуть раньше. Было найдено место стоянки их машины и запуска ракет. В этот раз они умудрились свалить сразу две вертушки. Духи действовали нагло и дерзко, совершали несколько запусков ракет и быстро уходили на машине с места запуска.

Закончив с проческой, выдвинулись к месту падения вертушек. Обе «МИ-8» взорвались ещё в воздухе, поэтому собирать останки мертвых тел пришлось на территории более двух километров. Занятие, прямо скажем, неприятное и по сути своей — жуткое. Не каждый человек может найти в себе силы собирать куски обгоревших, изуродованных тел среди обломков вертолета.

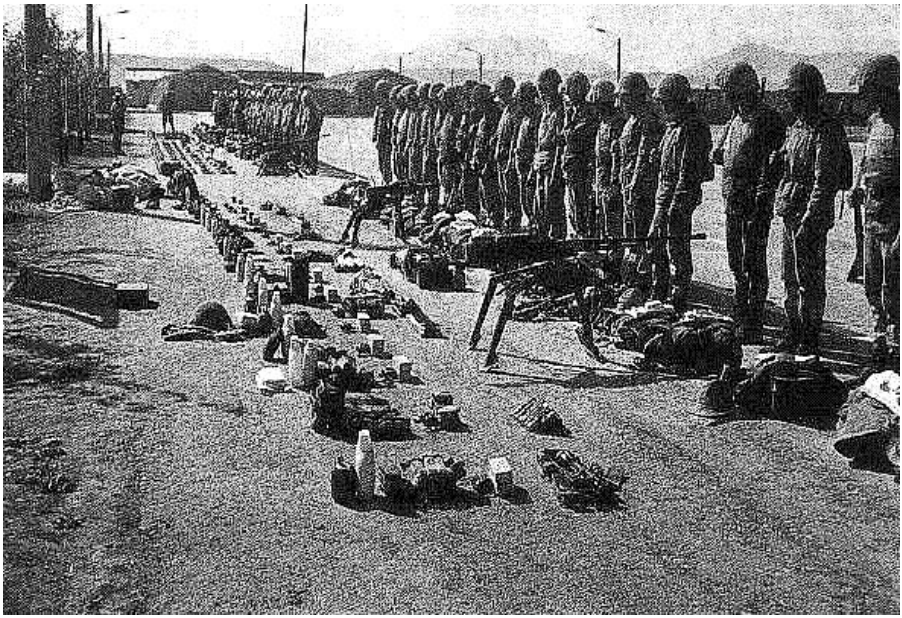


Злоба и ненависть кипели в душах разведчиков, им бы сейчас дать возможность отловить этих духов. Никакие приказы и запреты не остановили бы их, голыми руками они превратили бы духов в мясной фарш и скормили бы их шакалам. Не будем описывать весь процесс этой поисковой операции, скажем кратко: восемнадцать тел было более или менее собрано и упаковано в плащ-палатки. С тяжелым осадком на душе разведчики отправились в обратный путь.

Штаб бригады походил на пчелиный улей после кражи меда, разговоры в кабинетах велись на повышенных тонах. Можно было понять каждого, ведь командование армии требовало немедленных результатов.

Разведотдел собирал информацию по крупинкам от всех информаторов по всей провинции. Постепенно вырисовывалась картина действий диверсионной группы духов. Не принадлежащая ни к одной из местных группировок, мобильная группа на автомобиле — белый пикап «ТОЙОТА» с тентованным кузовом промышляла в окрестностях аэродрома. Главари местных бандформирований, с которыми заключены договора о ненападении, обязались помочь в розыске диверсантов. Одновременно с этим принято решение о проведении крупномасштабной операции по захвату и уничтожению этой группы силами трёх разведвзводов и разведроты «ДШБ». Командиры указанных подразделений были вызваны в штаб для получения заданий и карт местности. Два часа длилось совещание, были обговорены самые мельчайшие детали предстоящей операции.

Вернувшись из штаба, Панин, как всегда, собрал весь сержантский состав в командной комнате. Разложив полученные в штабе карты на столе, он детально изложил план действий взвода: «Все принимающие участие в операции подразделения разбиваются на отделения, таким образом, получалось восемнадцать отдельных групп, ведущих поиск в отведанных для каждой группы квадратах. На выполнение задачи отводится трое суток, отсчет начинается с сегодняшней ночи, поэтому после ужина получаем пайки и в сумерках выдвигаемся на позиции. Днём „Крокодилы“ будут поддерживать с воздуха, а по ночам надеемся только на свои силы. Особое внимание уделять дорогам и прилегающим к ним территориям. Коль диверсанты движутся на машине, то и искать их надо возле дорог. Радиостанции работают только на приём, на связь выходить только в экстренных случаях. Все должны уяснить важность возложенной на нас ответственности, все решения будете принимать самостоятельно, и ответственность за жизни ваших солдат ляжет на ваши плечи. Малыш берёт первое отделение, я второе, Исса третье. Каждая „БМП“ является мобильной базой для своего отделения. У каждого будет своя карта с обозначенной территорией для поиска и указанием расположения других групп. Надеюсь, мы не ударим в грязь лицом и не посрамим высокого звания разведчика». На этом совещание закончилось, и сержанты разошлись готовить свои отделения к своему выходу.



Нет надобности, описывать стандартную процедуру сборов. В назначенный час колонна из восемнадцати «БМП» с десантом на броне двинулась от КПП на просторы предгорной равнины.

На указанных позициях постепенно стали оставаться отдельные группы, и колонна неуклонна уменьшалась. Заняв свою исходную точку, Малыш провёл вместе с Серым привязку карты к местности и определил основные задачи каждому бойцу, как это всегда делал Панин. «БМП» с экипажем поставили рядом с развилкой дороги, а сами отправились к близлежащим холмам и оврагу. Нетрудно догадаться, что искать духов на открытых местах нет смысла, и машина с пусковыми установками, скорее всего, будет спрятана в естественных укрытиях. Прочесав

территорию в трёх квадратах, и не обнаружив ничего подозрительного, решили до рассвета устроить подобие засады в одном небольшом оазисе возле дороги.

Замаскировав «БМП» в кустарнике и выставив часовых, Малыш дал возможность своей группе отдохнуть до утра. Первый этап своего задания они выполнили, оставалось ждать рассвета для перехода в следующий квадрат. Остаток ночи прошёл спокойно, судя по молчанию в радиоэфире, у остальных групп происшествий тоже не было.

С первыми лучами солнца ребята позавтракали и приготовились к движению. Пара «Крокодилов» пронеслась над их головами, осматривая местность с воздуха, а в наушниках шлемофона зазвучал голос пилота: «14,15,16 чисто». Это означало, что в указанных квадратах незамечено никаких подозрительных объектов, и зона поисков для группы Малыша сократилась. Переместившись сразу в 17-й квадрат, продолжили осмотр территории вдоль дороги, тщательно обследуя возможные места укрытий для машины. Поздно вечером в 20-м квадрате, возле группы крупных валунов наткнулись на стоянку духов: плохо замаскированные банки от консервов, следы протекторов шин и отпечатки обуви. Это место помог обнаружить молодой варан, который в поисках пищи раскопал и разбросал консервные банки. При пристальном осмотре места стоянки было установлено, что здесь останавливалась группа из 4-х человек и уехали они, видимо, вчера. Те ли это духи, ради поимки которых и была организована эта операция? По следам от колёс, на выезде к дороге определили направление движения — юго-запад. Прикинув по карте, куда ведёт эта дорога, Малыш с Серым решили, направить поиски по следам духов сразу в 23, 24 и 28 квадраты.

За ночь, сменяя тройки наблюдателей, прочесали 23 и 24 квадраты, с помощью ночных прицелов «БМП» и автоматов обследовали окрестности дороги и скопления камней. В 10 часов утра решили сделать привал и перекусить возле небольшой речушки. Едва покончили с половиной трапезы, над головами прошла пара «Крокодилов» и ожила радиостанция «БМП»: «22, 23, 24-й чисто, 25-й на 6 часов „барбухайка“». Малыш после услышанного аж подпрыгнул, в их направлении с юга движется «барбухайка» и, дав команду быстро закончить с едой, теперь только подгонял ребят. Наконец все заняли свои места, и «БМП» помчалась по дороге навстречу афганской машине. Через пару километров из-за поворота прямо на них выскочил видавший виды, размалеванный до неузнаваемости советский «ПАЗик». Он был битком набит людьми, даже на балконе среди тюков и

ящиков сидело несколько человек. По приказу Малыша «БМП» перегородила дорогу, и оператор-наводчик развернул башню навстречу машине. Автобус остановился, разведчики окружили его, а Малыш с Худым подошли к дверям, держа автоматы на боевом взводе: «Шурави контроле», — сказал Малыш, а Худой обратился к пассажирам с просьбой выйти из машины для досмотра и не создавать паники. Люди, услышав обращение на родном для них языке, сопротивляться, не стали, и уже через пару минут автобус опустел.

К главе о поиске машины с ракетными установками.

Пока Худой проверял документы и разбирался с пассажирами, остальные разведчики досматривали сам автобус и багаж. Водитель автобуса, к удивлению Малыша, обратился к нему на русском языке и сказал: «Командир, оружия и моджахедов нет, мы едем со свадьбы». Оказалось, что раньше этот парень учился в Союзе и хотел стать учителем, но после гибели родителей ему пришлось закончить обучение и вернуться домой. Он ненавидит духов и против этой войны.

Уже заканчивая разговор, Малыш спросил: «А ты, случайно, по дороге сюда не заметил подозрительных людей или белый пикап „ТОЙОТА“»? К счастью, водитель не стал скрывать ничего от разведчиков и сообщил, что в 15 километрах, у небольшого оврага он видел двоих, спрятавшихся при его приближении за камни. Осмотр багажа на балконе тем временем закончился, и Малыш дал добро на дальнейшее следование. Люди быстро заняли свои места к «барбухайка» снова покатила по пыльной

дороге. Разведчики, посовещавшись, решили проверить полученную от водителя информацию. Прикинув по карте, где находится указанный овраг, стали решать, каким путём лучше к нему подобраться. После небольшого спора на счёт выбора направления движения остановились на дороге, огибающей овраг с востока. Двигаясь по ней, можно обследовать почти весь овраг и одновременно видеть все возможные выходы из него на другую дорогу, по которой ехала «барбухайка». Заняв свои места на броне, разведчики двинулись навстречу неизвестности. Обнаружить группу диверсантов им не судилось, дальнейшие события приняли трагический оборот. Потом после этих событий Малыш неоднократно ставил перед собой один и тот же вопрос: «Правильное решение ли он принял, выбрав именно эту дорогу, а не другую?»

На пути следования группы разведчиков находилась небольшая зелёнка. Волею судьбы именно здесь решили остановиться два десятка духов, уходящих из района поисков в горы. Почти на полном ходу «БМП» нарвалась на выстрел из гранатомета, взрывом разорвало левую гусеницу, и почти неуправляемая машина вломилась в заросли кустарника. На ребят, кубарём слетевших с брони, со всех сторон посыпался свинцовый град. Малыш во время взрыва находился в командирском люке и от удара разбив в кровь губы, свалился внутрь башни.

Несколько секунд ушло на оценку ситуации. Дав указание наводчику прикрыть ребят огнём, вышел открытым текстом в эфир: «Я странник — 102, веду бой в зелёнке 25-го квадрата, „коробочка“ сломана, прошу помощи. Группа диверсантов предположительно три километра южнее в овраге у дороги. Пусть „воздух“ проверит». Закончив сообщение, он занял позицию за люком и вёл огонь по залегшим в кустах духам. К счастью ребят, Серега, падая с брони, всё же успел снять гранатометчика, в противном случае неподвижная машина была бы уничтожена следующим выстрелом. Башня «БМП» вращалась по кругу, очереди пулемёта и пушки прижали духов к земле. В наушниках шлемофона, который Малыш даже не снимал с головы, звучали голоса Панина и Иссы, их группы были ближе всех и спешили на выручку. «Малыш, держись, займите круговую оборону и постарайтесь выжить». Так же дали о себе знать «Крокодилы»: «Странник — 102», обозначь своё место зелёным дымом, «Воздух» уже рядом.

Достав из кармана лифчика дымшашку, вырвав чеку, Малыш бросил прямо на ребристый лист, прикрывающий двигатель «БМП», оранжевый дым вырвался на свободу и поднялся над

кронами деревьев. Ещё четыре столба оранжевого дыма поднялись рядом с машиной. Для верности, выпустив ещё и красную ракету, Малыш занялся отражением атаки духов.

Снова ожило радио: «102-й, вас вижу, замри». Через пару мгновений зелёнка дрогнула, накрытая залпом «НУРСов», между деревьев выросли огненные кусты разрывов. «Я ещё вернусь, держитесь», — донеслось из динамиков и, просвистев винтами, «Крокодилы» пронеслись над зеленкой, и ушли к оврагу на проверку разведданных. Дрогнувшие под огнём вертушек, духи отступили в глубь зарослей и вели не такой уж плотный огонь, видимо основная их часть погибла от авианалёта. Воспользовавшись секундной передышкой, Малыш выбрался из башни, передав право вести радиопереговоры наводчику, к ребятам на землю. Основная масса бойцов занимала позиции прямо под брюхом «БМП»: Серёга в десятке метров от них за деревом, Худой с пулемётом залёг рядом с ним. Оценив сложившуюся ситуацию, Малыш расстроился, картина вырисовывалась удручающая: Худой ранен в плечо, Серёге пуля оцарапала голову, и теперь его лицо было залито кровью, Саня Семёнов (Семён) еле дышал: две пули прошили ему грудь, кто-то из ребят его уже перевязал. Если бы духи пошли сейчас в атаку со всех сторон одновременно, то судьба наших бойцов была бы предрешена. Но они, очевидно, потеряв большую часть своих людей, да ещё и запуганные вертушками, собрались с одной стороны зелёнки и вели редкий огонь. Видимо, враг, получив достойный отпор, решил затаиться, собраться с силами и потом атаковать.

Решив хоть как-то подбодрить своих бойцов, Малыш громко крикнул: «Наши уже близко, и „Крокодилы“ ещё вернутся. Не дрейфь, разведка мы ещё живы и покажем духам, как воюют настоящие разведчики, а не какая-то там пехота». Он помнил одно из золотых правил разведчика из списка Иссы: «Пока вы можете держать в руках оружие и вести огонь, то всегда есть шансы выиграть любой бой.»

На самом-то деле необходимо было принимать сложное решение о дальнейших своих действиях. Ведь нельзя же долго отсиживаться под днищем «БМП», если духи подползут и закидают гранатами. Было непонятно, почему они до сих пор этого не сделали.

Огромная ответственность лежала на Володькиных плечах, в данный момент лишь только он один отвечал за жизнь своих бойцов. Как тяжело под давлением этой ответственности принимать самостоятельные решения, любая ошибка командира всегда оплачивается жизнями солдат. Хорошо, когда ты —

генерал и у тебя под рукой несколько тысяч солдат, смерть нескольких сотен всегда можно игнорировать, а когда ты один из семи своих друзей, то потеря каждого — это глубокая душевная травма. Варианты дальнейших действий чередой возникали перед его мысленным взором, но единственного верного пока не находилось. Времени на детальную разработку плана обороны практически не было. Духи и так дали пятиминутную передышку. Скорее всего, они тоже готовили какую-то пакость. Решение Малыш выбрал неожиданное как для своих ребят, так и для духов. «Необходимо одной решительной атакой уничтожить остатки банды или погибнуть в последнем броске», сказал он.

О лобовой атаке речи и быть не могло, просто не хватит людей: ведь — Семён почти труп, Худой с раненной рукой не боец, а вопрос о Серёгиной боеспособности тоже открыт. Итак, остается 6 из 9-ти, если отбросить механика и наводчика, то вообще четверо полностью боеспособных бойцов. «В общем, расклад такой», — продолжал Малыш, — «Я, Белый и Лес обходим духов с фланга. Задача остальных: наводчик не даёт духам поднять головы, остальные, не жалея боеприпасов, создают плотную стену огня. Забрав у Худого „ПК“, Малыш со своей командой уполз в кусты. Серёга, оставшись за старшего, организовал огневую завесу. Духи не должны понять, что разведчиков осталось меньше.

Отползя метров за сорок в сторону, группа Малыша, пригибаясь к земле, бегом выдвинулась на фланг духовских позиций. Приблизившись на расстояние броска гранаты, залегли, высматривая цели и оценивая расположение врага.

Духи, судя по всему, потеряли своего командира и совершили роковую для себя ошибку: они, как отара баранов, сгрудились за грядой небольших валунов у родника. От снарядов „БМП“ и автоматных очередей они, конечно же, спаслись, но были совершенно открыты для огня с флангов и тыла. Всего, вместе с ранеными, их было около десятка: „Крокодилы“ хорошо потрепали банду.

Малыш шепнул ребятам: „Бросаем по гранате и мочим всех, кто ещё будет двигаться“. На счёт „три“ одна за другой гранаты накрыли ничего неподозревающих духов. После первого же взрыва, как и договаривались, Серёга прекратил фронтальный огонь, дабы не подстрелить своих.

С диким криком „Суки, получайте“, Малыш с пулемётом наперевес, поднимая тучу водных брызг, несся по ручью, длинные очереди хлестали по мечущимся в панике духам. По бокам от него, ломая редкий кустарник, неслись Лес и Белый, не жалея патронов, они помогали Малышу разить врагов.

Несколько духов решили, было, оказать сопротивление, но остановить троих разведчиков сейчас могла лишь выпущенная в упор очередь из „ДШКа“. Сметая все на своём пути, наши бойцы превратились в демонов войны.

У Малыша в пулемёте кончились патроны. Времени, перезаряжать ленту не было, и поднявшийся на перехват дух ощутил всю тяжесть „ПК“, умноженную на ярость советского бойца. Толстая чалма не спасла от сокрушающего удара по голове, череп раскололся, и словно мешок с опилками, дух осел на землю. Боковым зрением Малыш заметил, как его товарищи, бросив автоматы, ножами рвут в клочья преградивших им дорогу духов.

Лишь троим, удалось ускользнуть в заросли, Малыша остановил от их преследования звук возвращающихся вертушек. Необходимо было подать знак, дабы избежать атаки с воздуха. Две зелёные ракеты взвились в небо (сигнал, что всё под контролем), „Крокодил“, пролетая над их головами, в ответ выпустил несколько тепловых ракет. Через несколько секунд в том направлении, куда ушли духи, послышался рёв бортовых пушек „Крокодила“.

Уже позже Малыш узнал, что лётчики заметили бегущих к оврагу духов и хладнокровно расстреляли их.

Строго следуя наставлению „бати“: „Лучший дух — это мёртвый“, ребята провели осмотр валяющихся по всей зелёнке тел. Может быть, это и жестоко — добивать раненых, но в данной ситуации пленные были абсолютно не нужны. Тем более все духи были вооружены и напали на ребят первыми.

Собрав трофеи, двинулись к своим. Там уже во всю кипела работа по ремонту „БМП“. Все, кто мог, помогали механику менять поврежденные траки и ставить на место слетевшую с катков гусеницу. Сама „БМП“ теперь напоминала полевой лазарет: в десантном отделении лежал Семён, Серый с перевязанной головой сидел на башне и вёл радиопереговоры, Худой нянчил свою раненую руку, лёжа на ребристом листе. Сгружая трофеи во второй десантный отсек, Малыш невзначай взглянул на часы, бой с бандой духов длился всего 45 минут, а казалось, прошло не менее трёх часов.

Серёга радостно крикнул: „Наши уже на подходе“. Действительно, не прошло и пяти минут, как послышался звук мотора „БМП“, мчащейся на предельной скорости. Подняв на развороте облако пыли, 101, скрежеща гусеницами, остановилась.

В одно мгновение Панин со своей группой был уже возле Малыша. Выслушав короткий доклад и осмотрев раненых, он пожал руки всем бойцам и пообещал составить наградные списки на всех участников этого боя.

Наконец гусеница была натянута и 102-я стала выбираться на дорогу. Панин по радио вызвал вертушку для транспортировки раненых, Семён просто мог не выдержать обратной дороги домой.

Выбравшись из кустарника на открытое место, нашли хорошую площадку для посадки вертушки, стали ждать её. Осматривая окрестности, Малыш заметил несколько пыльных шлейфов, поднимающихся над равниной, это со всех сторон

спешили на выручку остальные группы. Раньше всех пришла 103-я, Исса доложил Панину: „Крокодилы“ разворотили весь овраг, где скрывались духи, там теперь одни обломки и куски трупов. Действительно, в кузове пикапа была стационарная установка для запуска ракет».

Минут через двадцать прилетела вертушка и забрала раненых, «БМП» выстроились в походную колонну и двинулись в обратный путь. Уже поздно вечером добрались до расположения части. Едва только машины миновали КПП, Малыш спрыгнул на ходу с брони и побежал в госпиталь. Его тревожила судьба товарищей.

Дежурный врач дал разъяснение: «Серёге наложили 8 швов на голову, Худому пули прошили лишь мягкие ткани, уйдя на вылет, его и Серёгу обещали выписать уже через неделю, а вот Семён хоть и будет жить, но через три дня его санитарным самолётом отправят в Кабул, и назад он уже не вернётся. Скорее всего, после Кабула его отправят в Союз. Для него война уже закончилась».

Эта новость особенно расстроила Малыша, потом и всех ребят, они решили собрать для Семёна «дембельский дипломат» и деньги на поправку здоровья. Утром Исса с Малышом мотнулись к Али с заказом на «дембельский комплект». Стандартный комплект включал в себя: пластиковый дипломат с набором наклеек, джинсовый костюм — тройку, музыкальную косметичку, часы «Монтана», набор индийской косметики, мужской парфюмерный набор и ещё много разных безделушек и сувениров. Заказ был срочным и Али пообещал к вечеру всё приготовить, тем более, что ребята заплатили щедро. В это же время в части ребята подготовили парадную форму и заканчивали оформление «дембельского альбома». На следующий день всё было готово. До отлёта санборта ещё оставался один день, к Семёну никого не впускали, но, к удивлению врачей, на его тумбочке было полно фруктов и всяческих деликатесов. Разведчики всегда старались любыми путями снабжать своих раненых товарищей свежими фруктами и всякой другой вкуснятиной.

Перед обедом прилетела вертушка и к палатке разведчиков прибежал посыльный из штаба. Он, запыхавшись, сообщил: «Лётчики просят подойти к вертушке разведчиков, обнаруживших диверсантов-ракетчиков».

Малыш взял с собой остатки первого отделения и Иссу. Лётчики в благодарность отважным бойцам прислали гостинцы: два ящика коньяка, четыре упаковки пива и двух барашков. Поблагодарив летунов за гостинцы, Малыш попросил их передать особенную благодарность пилотам «Крокодилов», которые

фактически спасли всех ребят и оказали неоценимую помощь в том бою.

Перед тем, как взлететь, летчики сказали: «Весь личный состав авиаполка навсегда занёс позывной „Странник“ в список тех, кому в первую очередь следует оказывать посильную помощь. Будьте, уверены, по первой же вашей просьбе, любой из наших экипажей придёт к вам на выручку, даже рискуя своей жизнью. Берегите себя, ребята, пусть никогда нам не придется вывозить вас „грузом-300“».

Засвистели, рассекая воздух, лопасти винта, и вертушка, поднявшись в воздух, улетая в сторону аэродрома, дала залп тепловыми ракетами в честь наших бойцов. Полученные гостинцы тут же были доставлены к палатке, и полевая кухня разведвзвода заработала на полную катушку. Сегодня вечером наметился очередной банкет с пловом и шашлыками. Несмотря на отсутствие главного шеф-повара Худого, блюда восточной кухни получились на славу, благо он научил всех желающих основным секретам их приготовления.

Малыш ушёл в госпиталь, нужно было любыми путями вытащить на банкет Худого и Серёгу. Дежурная медсестра Инга наотрез отказалась отпускать их без выкупа. Пришлось Малышу соглашаться на её условия: коньяк, шашлык.

Исса, узнав какой ценой, досталась эта свобода, искренне пожалел Малыша. После вечернего обхода врачей, дав слово к утреннему обходу быть на своих местах, Серёга с Худым пришкандыбали к вечернему огоньку. Банкет проходил, как всегда, шумно и весело. После 11 Малыш завернул две палочки шашлыка в фольгу, чтобы не остыл, и, захватив бутылку коньяка, пошёл к госпиталю. Возле палатки разведчиков ещё горел костер, и самые стойкие продолжали сидеть вокруг него. Как всегда, каждый рассказывал какую-либо историю из своей гражданской жизни. На пришедшего Малыша сразу набросились с вопросами: «Как и что было, сколько раз?».

Володька не любил распространяться о своих любовных похождениях и ответил просто и лаконично: «Так, ничего особенного, немного покувыркались».

Немного перекусив, он поинтересовался — «Кто-нибудь отнёс угощение для брони». Получив отрицательный ответ, он очень расстроился и сказал: «Неужели они не заслужили права сидеть с нами за одним столом».

Его прервал Исса: «Так уж повелось, „мазута“ живёт сама по себе. Это всего лишь наши извозчики и все». Не желая ввязываться в пьяный спор, Малыш сменил тему: «Как завтра будем провожать Семёна?»

Все сразу вспомнили о раненом товарище и наперебой стали предлагать варианты организации проводов. В результате получасовых дебатов было решено перенести Семёна на носилках до самой вертушки, обычно раненых загружают в «скорую» и везут на взлётку. «Перенося его на носилках, мы ещё раз покажем свою поддержку, и что мы не забыли о нём», — сказал Малыш. На том и порешили. Допив остатки коньяка, наконец-то, улеглись спать.

Володька долго не мог заснуть, его беспокоили мысли о несправедливом отношении разведчиков к экипажам «БМП». Ведь они такие же члены разведвзвода, как и мы, пусть и не так часто они участвуют в открытом бою, но в трудный момент ведь всегда подставляют своё плечо для помощи. Нужно будет после ухода «дембелей» изменить установившийся порядок взаимоотношений между разведчиками и броней. И ещё одна мысль беспокоила его: после отправки Семёна нужно будет найти ему достойную замену, а найти классного парня не так-то просто. «Нужно будет поискать среди бывших бойцов учебных взводов, проходивших подготовку в карантине», — подсказывал внутренний голос. Решив эти два вопроса, Малыш наконец-то заснул спокойным сном.

Утром, после пивного утренника и завтрака, ребята отправились к госпиталю для прощания с другом. Дежурный врач долго спорил с Малышом, но потом, видя бесполезность своих усилий, сдался и разрешил перенести раненого на носилках к вертолету. Зайдя с Малышом в отдельный бокс, где лежал Семён, врач от удивления опешил, поскольку комната была пуста. Пока Малыш с ним договаривался, ребята вытащили носилки с Семёном через окно и теперь ожидали командира за модулем в тени деревьев.

Семёну было ещё трудно разговаривать, и он лишь молча, со слезами на глазах, пожимал своей ещё слабой рукой руки товарищей. Он понимал, что прощается с ними навсегда.

До прилёта вертушки осталось 10 минут, и ребята, подняв носилки, отправились к взлётке. Несли друга осторожно и не спеша, часто менялись, ведь каждый хотел хоть несколько метров пронести его. Расчёт времени оказался верным, вертушка села, подняв тучу пыли, накрывшую «скорую помощь», а ребята были ещё далеко. Погрузку начали лишь тогда, когда пыль улеглась, и пока загрузили первые двое носилок с ранеными, Семён был доставлен к борту вертушки.

Бережно занеся его в салон, ребята закрепили носилки на специальных ремнях. Дипломат с вещами и деньгами положили под ноги, а парадку аккуратно расправили и прикрыли сверху

одеялом. Прапорщику медицинской службы, который будет сопровождать раненых до Союза, Исса дал наказ: «Смотри, за вещи и дипломат отвечаешь головой, если пропадёт какая-либо часть денег или вещей, то Семён нам напишет и тогда тебе в часть лучше не возвращаться».

Прапор поклялся хранить вещи Семёна как свои, он знал: зря угрожать разведчики, не будут, а если не выполнишь своего слова, то они сделают, как обещали.

До недавнего времени в части ходила полубыль — полулегенда о том, как трое пехотинцев азиатов бросили на растерзание духам раненого разведчика и убежали, спасая свои жизни. Разведчики, оставив им тяжело раненого товарища для ожидания вертушки, в это время прикрывали отход батальона, отражая атаки духов. Раненого духи буквально изрезали на куски. Узнав о том, как погиб их товарищ, ребята дали виновникам этой трагедии неделю времени на перевод в другую часть, но те, уверенные в том, что земляки-азиаты не дадут их в обиду, просто рассмеялись разведчикам в лицо. Через неделю один из них погиб в результате несчастного случая при разгрузке боеприпасов, на него упал вывалившийся из ящика снаряд для 122мм гаубицы. Второй непонятным образом утонул в реке во время отработки учебного задания по ночному форсированию водной преграды, причём, были найдены его автомат, вещмешок и бронежилет, а самого тела так и не обнаружили. Третий, находясь на посту в карауле у склада боеприпасов, зачем-то пошёл на минное поле и там подорвался на «лягушке», причём, автомат находился рядом с ним. Поговаривали, что это всё дело рук разведчиков, которые мстили за своего погибшего друга. Расследование этих случаев, начатое, было, военной прокуратурой, не дало результатов, и было прекращено из-за отсутствия состава преступления. Говорили даже, что следователь, узнав о причинах возникновения конфликта, просто не стал проводить дальнейшее расследование.

Особой веры в подобные сказки не было, но конфликтовать с разведчиками никто не хотел. Хотя сами разведчики старались всячески избегать возникновения любых недоразумений среди сослуживцев по части.

Погрузка закончилась, и пилот запустил турбину, вертушка, поднимая облака пыли, поднялась в воздух, она увозила раненых бойцов на лечение в Союз. Через две недели пришло письмо от Семёна, он писал: «Долетели благополучно, и сейчас его лечение проходит в Ташкенте. Прапор своё слово сдержал, и все вещи с деньгами передал в сохранности. За дембельский комплект огромное спасибо, пришёлся очень кстати, и я его передал приехавшим родителям. Через три месяца меня комиссуют из

армии. Пожалуйста, пишите мне обо всём, что у вас происходит, и не забывайте меня. Вас я никогда не забуду, особенно той дружбы, сплотившей нас в военное время. Жаль, что так мало успел сделать. Я тут всем рассказываю о нашем взводе и тех операциях, где мы участвовали. Основная масса людей не верит мне, считая мои рассказы выдумкой. Здесь, в Союзе всё же скрываются факты об истинной сути Афганской войны».

Это письмо Малыш читал вслух перед всем взводом вместо политинформации. Потом все вместе сочиняли ответ. Но это будет только лишь через две недели, а пока нужно было ещё найти замену выбывшему бойцу.

Стали перебирать по памяти самых достойных кандидатов из учебных взводов. В конце концов, количество претендентов сократилась до трёх человек, все они сейчас служили в разных подразделениях: Игорь Жуков в разведроте «ДШБ», Николай Макаревич в разведвзводе 3-го батальона и Юрка Николаев из комендантского взвода. Всех троих вечером пригласили в палатку разведчиков и предложили перевод на новое место службы. Связать свою судьбу с разведчиками после недолгого раздумья согласился только Жук, оказалось, он давно, ещё в карантине, хотел подружиться с Малышом и Серёгой. Жук видел, как они относятся к обучению и решению поставленных задач, их стиль ему очень нравился, но по воле случая при распределении он не попал в их взвод.

Пока Панин ушёл в штаб утрясать перевод Жука, ребята провели с ним краткий инструктаж по законам и порядкам в их взводе. Через час с подписанным приказом о переводе пришёл Панин, и Жук отправился за своими вещами. Теперь ОРВ снова стал полнокровной боевой единицей: 15 солдат, 4-ре сержанта и 6-ть бойцов брони. Правда, Серёга с Худым пока отсутствовали, но Малыш был уверен, что при первой же возможности они сбегут из лазарета. Врачи госпиталя давно знали особенности лечения разведчиков: дай им разрешение вставать с койки, и они уже ходят по палате, а разрешишь ходить — уходят совсем и вернуть их обратно уже невозможно. Это «молодых» из других подразделений, где процветают дедовщина и землячество, приходится выгонять из госпиталя почти пинками. Для них госпиталь стал чем-то вроде курорта.

Серёга сбежал, как только ему сняли швы, Худой отстал от друга ровно на три дня. Панин для порядка немного пожурил их за самовольное бегство от врачей, но в глубине души, наверное, был рад возвращению в строй этих парней.

«Батю» вызвали в Кабул на совещание штабов. Разведчики остались беспризорными и целых пять дней томились от

безделья. Дабы как-то скрасить дни ожидания приказа к действию, с утра торчали на стрельбище, а после обеда шли к сапёрам. Исса заколебал их с проведением учебных разминирований и занятиями по подрывному делу. Он хотел, чтобы каждый разведчик мог всегда заменить сапера. Зачем всюду таскать за собой бойца-сапера, при проведении решительных боевых действий он иногда превращался в значительный мешающий фактор, ведь уровень его боевой подготовки слишком низок для решения тех задач, которые ставятся перед разведвзводом. Лучше иметь своих сапёров, санитаров и других военспецов, чем брать со стороны и потом нянчиться с ними. Понимая это, каждый разведчик старался приобрести новые знания и специализацию.

В результате проводимых занятий теперь любой из них мог не только разминировать проходы в минных полях, но и из подручных средств изготовить любой пиротехнический «подарок» для духов.

В свою очередь разведчики снабжали сапёров сведениями о новых способах и приёмах постановки мин духами, самые новейшие образцы мин сюрпризов пополняли коллекцию инженерного батальона. Вот хотя бы последние из них: шариковая ручка с пьезоэлектрическим взрывателем (при нажатии на кнопку вывода пишущего стержня происходит взрыв, калечащий пальцы и кисть руки), магнитофон, начинённый взрывчаткой (причём, может взорваться, как при включении, так и при выключении). Иногда, правда, такие подробности стоят

очень дорого, например, о магнитофоне-мине узнали лишь после взрыва, унесшего 3 жизни, ещё пять бойцов, получили увечья различной тяжести. При зачистке кишлака пехота нашла в одном из дувалов этот злополучный магнитофон, вроде бы обследовали его со всех сторон и, не обнаружив ничего подозрительного, собрались послушать на привале музыку. Осторожно включили и, убедившись, что всё работает исправно, стали слушать.

Взрыв прогремел при попытке выключить его.

Разведчики на такую ловушку никогда бы не попались, ведь с первого дня в учебном взводе им буквально вдалбливали в голову правило: «Никогда не берите подозрительные вещи, особенно в тех местах, где они находиться, не должны или вы сами их туда не положили».

Почему же об этих правилах забыли пехотинцы? Скорее всего, они обкурились гашиша, пехота на 95 % состоит из выходцев Средней Азии и состояние легкого кайфа от наркоты — для них обычное дело. Упрямство, тупость и твердолобость — это отличительные их черты. Не зря солдатская мудрость гласит: «Нормой поведения для азиатов в Советской армии есть правило: до года службы — не понимаю, после года — не положено». Правда, в тех частях, где они находятся в меньшинстве, обучение с помощью «кнута и пряника» даёт положительные результаты.

Наконец-то, вернулся из Кабула «батя», в этот-же вечер Панин пришёл со штаба с интригующе — загадочным выражением лица. Не став долго томить разведчиков, он выложил все «карты» на стол. «На месяц мы будем прикомандированы к разведбату 101-й пехотной дивизии Сарбоза, для поддержки проведения призывной кампании» — сказал он. «Утром получаем сухпай и выдвигаемся к месту встречи».

Система призыва в правительственную армию очень интересна и специфична: если пришёл в армию по собственному желанию, то служишь 2 года, по принуждению, привели — 3 года, если скрывался от призыва и был пойман — 4-ре года.

Задача разведчиков заключалась в контроле за порядком призыва и обеспечении прикрытия разведбата во время прочесок кишлаков и проведении облав на уклоняющихся от службы.

Вечером, собирая свою амуницию, Малыш записал новое стихотворение в тетрадь:

** Афганский призыв".
Весной по Афгану как ветра порыв,
объявлен в члены " Сарбоза" призыв.
здоров если телом и молод душой,
дорога в сарбозы лежит прелд тобой.
Но что-то не видно отважных ребят,
планьем служить они не горят.
то в горы ушел, кто в кяризы засел,
ызывные пункт стоят не у дел.
правительство ждет от советских бойцов
ть помощь в ... ...ятках беглецов!
...планы что за мирной страны,
...ки и горы весенымы долины.
...получены ...ветствия
...ку Афганск... ...ны
...ДАРЫ!!!

** 2 ***
Три горных района как гребнем прошли,
Юши двадцать по тайным укрытьям нашли.
На пункт призывной аккуратно свезли,
правительстве четко по списку сдали.
Повоюйте ка ребята за нашей родной землей
Но от армии такой мало толку порой,
где гарантность что завтра не сбегут
они домой.

Утром, загрузив сухпай, выдвинулись на место встречи с разведбатом у аэродрома. Ещё издали Малыш заметил 4 «БМП», «БТР» и тентованный «КрАЗ»: это была вся боевая техника разведбата. Их встречал командир разведбата, старший лейтенант Аликпер Раджапов. Отлично говоря по-русски, он поприветствовал наших бойцов и выразил надежду на плодотворное взаимодействие.

Уже потом выяснилось, что Алик закончил, как и Панин, Рязанское высшее командное училище «ВДВ», но с разницей в три года. Так, что общие темы для разговоров на привалах у них были в избытке. А пока, недолго посовещавшись, сборная колонна двинулась в путь. На броню наших «БМП» были дополнительно подсажены по 5-ть человек из разведбата и теперь свободного

места совсем не было. На тенте «КрАЗа», по обеим бортам, были закреплены агитплакаты с лозунгами, призывающими к добровольному вступлению в армию. Решено было начать призывную кампанию с отдалённых кишлаков для предотвращения бегства молодёжи в горы.

Тактика была оригинальной — ночью окружали кишлак и перекрывали все тропы, утром запускали «БТР» с агитационным «КрАЗом». Иногда до двух десятков потенциальных призывников отлавливали на пути в горы. Так продолжалось почти месяц, за этот срок в ряды Сарбоза и Царандоя было «призвано» около 180-ти человек.

На привалах и ночных стоянках у костра беседовали с афганскими солдатами. Худой был отличным переводчиком, да и занятия по изучению языка тоже не прошли даром. Оказалось, что основную массу афганской армии составляют выходцы из сельской местности, почти все из бедных семей и служба в армии давала им неплохой доход. Правда, не все поддерживали политику правительства. Однажды, вечером у костра, после изрядной порции водки, один из «зелёных» высказал своё мнение: «Мы спокойно жили без вас, мой дядя был местным князьком. Пришли „шурави“, поставили в Кабуле нужного президента, стали устанавливать новые законы и порядки. Дядя сколотил банду и теперь воюет против правительства, все мои родственники в этом отряде. Мне осталось отслужить ещё полгода, и я тоже присоединюсь к ним. Если кто-то из вас попадется на моём пути, то будьте, уверены, я не посмотрю на то, что сидел с вами у одного костра и жалеть вас не буду. За все злодеяния против моего народа вы заплатите своей кровью».

Никто из ребят не стал его трогать и переубеждать, хотя руки у Иссы так и чесались от желания заткнуть эту поганую пасть. Ему дали спокойно уйти от костра разведчиков, но утром его нашли в ущелье со сломанной шеей. Кто приложил к этому свои руки, так и осталось в тайне. Это происшествие списали на несчастный случай, мол, подвыпивший солдат не сориентировался в темноте, и сам упал в пропасть. Лейтенант Алик нисколько не расстроился, а был явно рад такому исходу. В беседе с ним Панин услышал следующее: «Этот гад давно напрашивался, но убрать его своими руками было нельзя. Теперь произошедший несчастный случай очень нам помог. Теперь многие мои солдаты вздохнут свободно, и будут более добросовестно выполнять свой воинский долг».

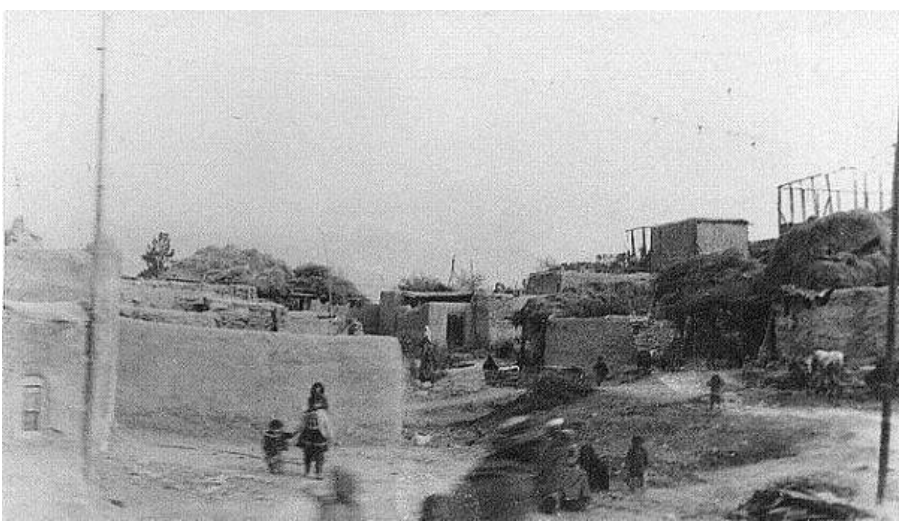
Аликпер был толковым офицером, но его судьба была предрешена. После вывода советских войск в 1989 году и падении правительства Наджибулы, он и вся его семья будут казнены

моджахедами.

Призывная кампания продолжалась и объединенная группа чётко исполняла свою работу.

В одном из кишлаков нарвались на вооруженное сопротивление, банда моджахедов отдыхала после перехода из Пакистана. Хорошо вооруженные, только что из тренировочного лагеря, духи и не думали сдаваться. После трёхчасового боя, прикрываясь мирными жителями, они решили вырваться из окружения. Это была излюбленная тактика моджахедов, но наши разведчики уже давно нашли противоядие таким действиям, и в этот раз духовский замысел не удался.

Мы быстро перегруппировались, сосредоточив основные силы на флангах, и решили пропустить духов как можно дальше для удара в упор. Вот уже «живой щит», состоящий, в основном из женщин и детей, приблизился на бросок гранаты. Пулемётная очередь, поверх голов заставила женщин упасть на землю, стрелки Малыша, ведя выборочный огонь, отсекли, не ожидавших такого поворота событий, духов от мирных жителей. Зажатые с двух сторон в клещи, духи дрогнули и попытались отступить к ближайшим дувалам. Это стало их роковой ошибкой, им нужно было, сделав несколько шагов вперед, смешаться с женщинами и организовать дальнейший прорыв.



Оставшись без прикрытия, отсекаемые от кишлака огнём БМП, и с трёх сторон зажатые бойцами объединённой группы разведчиков, моджахеды стали легкими мишенями на почти ровной и открытой местности. Правда, нужно отдать должное их командиру, даже в этом, казалось бы уже полностью проигранном бою, он всё же сумел собрать остатки банды в единый кулак и, определив верное направление удара, повёл своих бойцов на

прорыв.

Самым слабым местом нашей группы был участок, где разместились бронемашины афганского разведбата. Воспользовавшись единственным подходящим укрытием — руслом высохшей реки, проходящим почти вплотную к позициям афганской брони, духи подкрались к ним и ринулись в решительную атаку. Двумя выстрелами из гранатомётов разворотили одну, а третьим прекратили движение второй БМП. Афганцы дрогнули и попятились. В образовавшуюся брешь и устремилась потрепанная банда.

Видя такой поворот дел, Панин повёл разведвзвод на перехват, оставив бойцов Алика разбираться с ранеными духами и местными жителями. Словно ветер неслись разведчики по террасам полей наперерез уходящей к ближайшим сопкам банде. Счёт в этой гонке пошёл на минуты, кто первым займёт господствующую высоту, тот и победит в этой схватке.

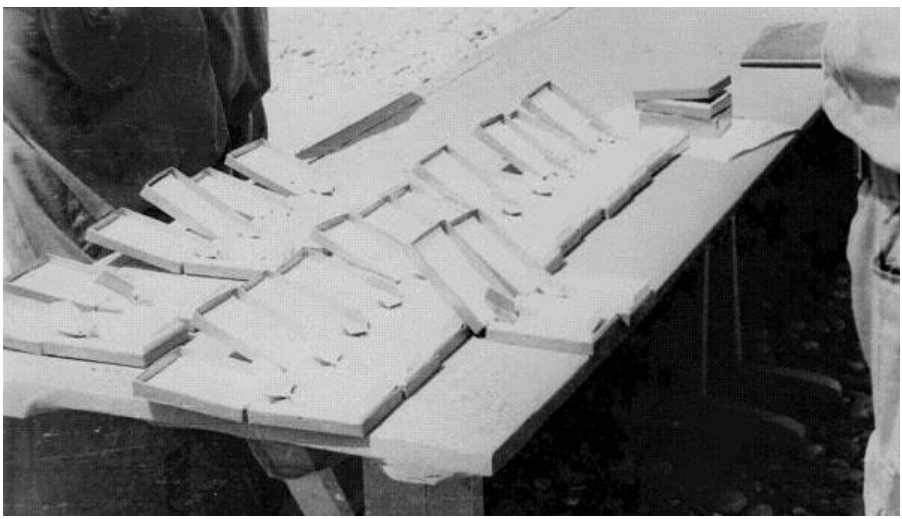
Привыкшие к таким марш-броскам, разведчики добрались к вершине сопки на несколько минут раньше и плотным огнём встретили поднимавшихся по склону духов. В ход пошли подствольники и ручные гранаты. Скорее всего, от взрыва одной из гранат погиб командир отряда и лишившиеся своего командира духи через 15 минут боя стали сдаваться в плен.

Интересно было наблюдать, как цепная реакция паники распространяется в их рядах, стоила одному поднять руки вверх, как — то тут, то там из-за камней стали подниматься к небу руки сдающихся в плен духов. 14 из 25-ти прорвавшихся моджахедов сдались на милость победителя и теперь плелись, понуро опустив головы. Сдав пленников Аликперу, Панин по радио отчитался о проведенной операции.

…Из штаба части сообщили о завершении «Призывной кампании» и дали команду на возвращение в часть. Однако требовалось оказать помощь в ремонте техники афганского разведбата, и, доложив о непредвиденной задержке, группа осталась в кишлаке ещё на сутки. За ночь механики Панина и бойцы Сарбоза сняли с подбитой, не подлежащей ремонту, «БМП» всё, что можно было открутить или отломать. Вторую поврежденную машину быстро вернули в строй, заменив дефектные детали запчастями от первой. К утру, на память о прошедшем бое, остался — голый, обгоревший, с развороченными от взрыва бортами, остов от «БМП» и восемь могил бойцов Сарбоза на берегу реки.

На противоположном берегу возвышалась «братская могила» моджахедов. Получалось так, что даже после боя продолжалась борьба идеологий и убеждений, разделяющая один народ на хороших и плохих ребят. После обеда, справившись со всеми делами, двинулись в обратный путь кратчайшей дорогой, но только лишь к вечеру следующего дня, преодолев 130 км горных дорог, вышли к Джелалабаду. Здесь группа разделилась, и каждое подразделение отправилось к расположению своих частей. Прибыв на базу, разведчики поужинали остатками сухпая, приняв душ, с наслаждением растянулись на своих койках и заснули крепким сном. Как приятно ощутить под собой упругость пружин кровати и холодящую свежесть чистых простыней, вместо жесткости брони или каменистой почвы. Завтра их ожидали: баня и обследование в медсанчасти. За здоровьем разведчиков следили с особой тщательностью. Ведь они «шлялись» по разным местам и запросто могли подцепить различные инфекционные заболевания. Холера, малярия, брюшной тиф и вирусный гепатит были основным букетом в рассаднике афганской заразы. Каждые две недели, по возможности, они сдавали различные анализы. Хотя все военнослужащие регулярно вакцинировались и проходили курсы медикаментозного лечения, риск заболевания всегда оставался. Сезонные вспышки малярии и гепатита были обычным явлением для тех солдат и офицеров, кто безвылазно находился в части. Жара и близость реки, плохое качество питьевой воды и скопление большого количества людей на ограниченной территории всегда давали почву для развития этих болезней. После посещения госпиталя, отдых, чистка оружия, стирка и ремонт обмундирования с амуницией, просто

бездельное лежание на кровати. На следующий день, после завтрака, взвод вызвали на общее построение части. На строевом плацу выстроились все подразделения, перед ними — возле памятника первым воинам- основателям части — стояли три стола, группа афганских офицеров и высший комсостав нашей части. Всё это торжество было посвящено награждению правительственными наградами отличившихся в боях воинов части. Награждение проводилось по подразделениям. Когда очередь дошла до разведвзвода, то процесс резко снизил обороты. Награды сыпались как звёзды в августе.



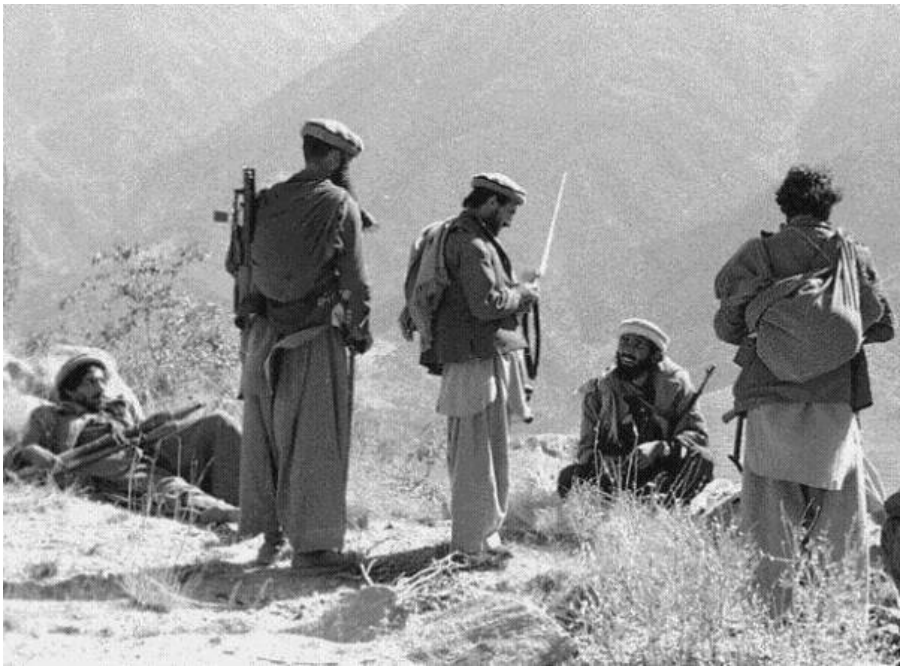
Начштаба, дабы ускорить его, зачитывал наградные листы общим списком. «За мужество и героизм, проявленные в ходе операций „Вертушка“ и „Караван“, весь личный состав ОРВ наградить медалями „За отвагу“ и „За боевые заслуги“. Сержанта Маркевича за „Асадабадскую дивгруппу“ наградить орденом „Красной Звезды“. За успехи, проявленные личным составом взвода в боевых операциях, присвоить очередные воинские звания офицерскому и сержантскому составу. После этого слово взял афганский начштаба 101-го пехотного полка. „За мужество и героизм, проявленные при проведении операции „Призыв“, за спасение мирных жителей и уничтожение крупного бандформирования моджахедов, наградить весь личный состав „ОРВ“ афганским орденом „Боевого Красного Знамени“».

Закончилось торжество прохождением парадным маршем. Все разошлись по своим расположениям. Теперь предстояла одна очень приятная процедура: полученные награды положено обмыть. По традиции, заведённой в незапамятные времена, все награды разделили по видам и сложили в разные котелки, залив их водкой. Котелок шел по кругу, и каждый отпивал свою долю

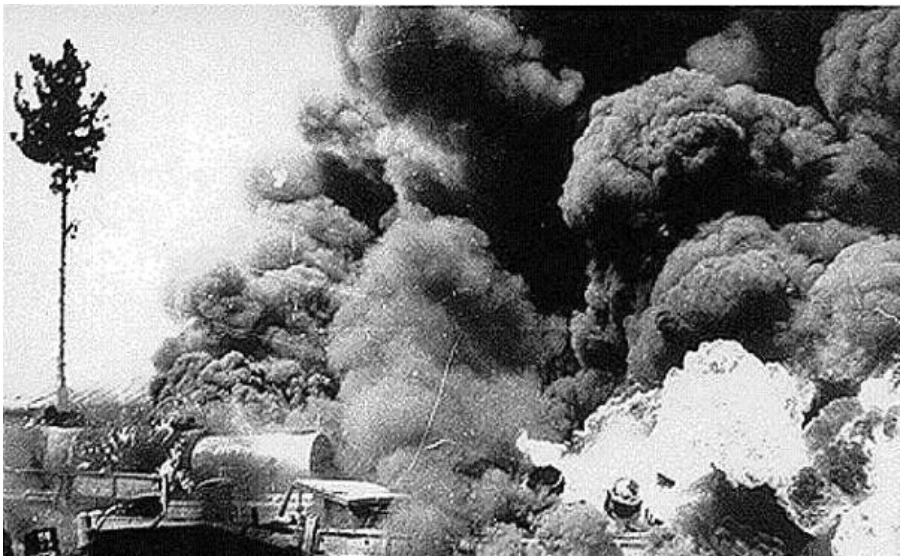
„геройской водки“. Какой — то особенный вкус ощущался у этого напитка, сравнить его было не с чем. Допив всё до последней капли, ещё долго разбирали, где, чья награда, ведь каждая медаль и орден имели на обороте свой номер, поэтому пришлось очень тщательно разбирать мелкие цифры, дабы не присвоить чужую награду. Наконец, все награды нашли своих хозяев. Разведчики достали из каптёрки свои парадные мундиры и занялись закреплением медалей. Когда свою парадку достал Исса, то все замолчали и лишь завистливо таращились на неё. Завидовать было чему: два ордена „Красной Звезды“, орден „Боевого Красного Знамени“, медали „За отвагу“ и „ЗБЗ“, а полученные сегодня медали и афганский орден лишь дополнили общую картину. Ободряя своих товарищей по оружию, Исса сказал — „Ребята, вы лишь недавно попали сюда, а у многих уже есть первые награды, то ли ещё будет“. Свои погоны — старшего сержанта — он торжественно вручил Малышу, а тот свои — Серёге. Теперь Исса был старшиной, Малыш — старшим сержантом, а Серёга стал полноправным сержантом. Исса был доволен, достойным преемникам он оставляет взвод, эти ребята не посрамят высокого звания — разведчика. Не зря Панин предложил новую систему отбора претендентов в состав взвода, уже сейчас были видны все преимущества нового метода. Боеспособность взвода была просто фантастической, этих парней смело можно было выставлять против целого пехотного батальона и не беспокоиться об исходе боя. Если бы не любимая девушка, ожидающая его счастливого возвращения домой, вместе с престарелыми родителями, то он бы с радостью остался с этими ребятами ещё на один срок. Ему оставалось служить ещё две недели, уже были собраны и подписаны все документы на увольнение в запас и с первым самолётом „августовские дембеля“ отбудут в Союз. Но это будет только через две недели, а пока разведвзвод обмывал награды. Сложив свои мундиры в каптёрке, ребята ещё пару часов возле палатки у костра пели песни о доме, родных и любимых, заканчивали, как всегда, песнями о войне. Лишь к полуночи все улеглись. Утром взвод подняли по тревоге, вся часть гудела как осиный рой. Ночью пропал солдат, вышел из палатки в туалет и не вернулся. Срочно организовали поисковый рейд по окрестным горам и кишлакам. Трое суток три с половиной тысячи советских солдат искали одного. Разведчики, как всегда, находились на передней линии поисков. Внеплановая прочёска окрестностей застала духов врасплох, были найдены 6-ть складов с оружием, перехвачены два небольших каравана с наркотиками и отловлены 8-мь бригад сборщиков опия. К концу вторых суток, на стыке двух провинций, разведчики наткнулись

на следы группы из 16-20-ти человек, у сухого ручья. Следы были ещё свежими, люди прошли здесь примерно два часа назад. Прикинув по карте приблизительный пункт назначения в данном направлении, Панин повёл взвод на перехват. После трёхчасового марш-броска, по сопкам и оврагам, взвод, наконец, — то добрался до небольшого кишлака, окружённого редкой зелёнкой. При тщательном осмотре, через оптику, заметили движение вооруженных людей. Расчёт Панина оказался верным, мы догнали группу духов и теперь могли их взять на привале. Как всегда, с трёх сторон решено было атаковать позиции врага, и две ударные группы отправились занимать исходные позиции с флангов. Команды атаковать на этот раз не будет, просто ровно через 20-ть минут нужно одновременно ударить с трёх сторон. Вывод группы Малыша на позицию занял 16-ть минут, за оставшееся время ещё нужно выбрать первоочередные цели для удара и оценить обстановку. 20-ть минут истекли, с трёх сторон разведчики пошли в атаку, но были встречены ожесточенно обороняющимися духами. Сразу стало ясно, что перед нами хорошо обученные и стойкие бойцы. Однако внезапность и удар с разных сторон, сделали своё дело: дежурные посты духов были сметены. С огромным трудом, преодолевая сопротивление засевших за дувалами духов, взвод постепенно оттеснял их к окраине кишлака. Неожиданно из-за крайнего дувала, к берегу реки, омывающей кишлак, устремились четверо. Худой послал им вдогонку длинную очередь из „ПКа“, один из беглецов упал, другой, споткнувшись, был подхвачен своими. Малыш дал команду снайперам и после нескольких выстрелов из „СВД“ все беглецы лежали на прибрежном песке.

Ещё полчаса ушло на окончательную зачистку кишлака от духов. При досмотре поклажи беглецов, разведчики обнаружили: видеокамеру с набором объективов для дальней съёмки, два фотоаппарата и целую сумку с отснятым видеоматериалом. Уничтоженная разведчиками, группа духов сопровождала американских журналистов, снимавших сюжеты о боевых буднях моджахедов. Уже потом, в штабе части, просматривали отснятые материалы. Учебный лагерь духов в одном из ущелий Алихейльского укрепрайона, где под руководством американских инструкторов проходили подготовку группы моджахедов.



Здесь обучали подрывному делу, диверсиям с применением стрелкового и реактивного оружия, методам борьбы с воздушными целями. Также были материалы, отображающие успешные боевые операции духов; нападение на продовольственную колонну,



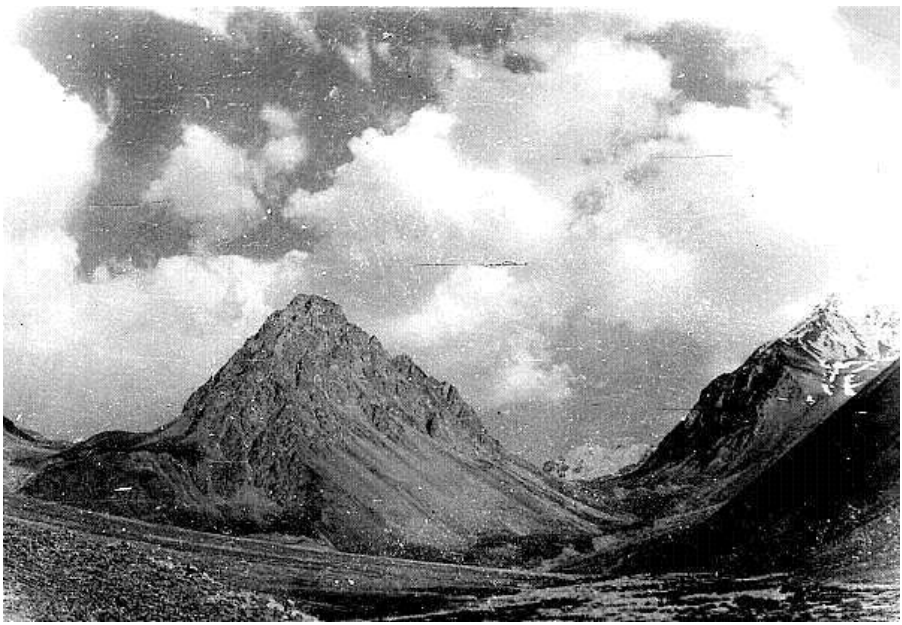
уничтожение, с помощью ракеты „Стингер“, советского вертолёта,

К главе о просмотре видео о душманском лагере." Духи у сбитой вертушки"

захват и добровольная сдача в плен группы советских солдат, а также сюжет о зверском уничтожении советскими солдатами мирных жителей одного из кишлаков. Присутствующие при просмотре офицеры из афганских спецслужб рассказали, что в этом кишлаке духи сами устроили показательную казнь семей местных активистов. Стало ясно, что сюжет заказной, а при

повторном просмотре обнаружились и подтверждения этой версии. Дело в том, что при пристальном рассмотрении было видно; знаки принадлежности советских солдат к определённому роду войск у всех участников сюжета различны, сами солдаты удивительно худы и неопрятны, у многих видны следы побоев на лицах, да и самих кадров, где именно показано, что это наши бойцы убивают людей, не было. Да, вроде бы советский боец с автоматом, врывается в дувал и наводит автомат на стоящих у стены людей, но тут камера смещается и показывает, как люди падают скошенные пулями. А при просмотре сюжета со сдачей в плен советского подразделения обнаружили: бойцы, сдающиеся в плен — те же, что и в сюжете с расстрелом дехкан. Одни только сюжеты с уничтожением колонны, вертолёта и моментов обучения духов не вызывали сомнения. Более того, афганцы точно определили район размещения учебного лагеря, один из них долгое время проживал неподалёку от этого места. Разведотделы двух армий занялись разработкой плана уничтожения вражеского лагеря. Для более детальной разработки не хватало исходных данных, и было решено отправить три разведгруппы, из нескольких офицеров и взводов поддержки. Их задачей было скрытное выдвижение в район лагеря, организация наблюдательных пунктов и сбор разведданных. Около пяти дней ушло на „радиоигры“ с ближайшими к лагерю заставами, ведь снова потребовала прикрытие „продовольственная колонна“. Когда все подготовительные этапы были завершены, три колонны машин начали движение по пыльным, горным дорогам. С момента прибытия на заставу группам давалось двое суток на выдвижение к месту выполнения задачи. За первую ночь привыкшие к марш-броскам разведчики Панина преодолели большую часть отведенного на первые сутки расстояния до цели. Офицеры из разведотдела еле-еле выдерживали темп движения и уже просились на отдых. Однако сама природа дала разведчикам возможность продолжать движение даже днём. Узкое ущелье между двумя отрогами, заросшее негустым леском, позволяло продвинуться как минимум ещё на пару десятков километров к лагерю духов. После короткого совещания решили двигаться по ущелью до тех пор, пока будет возможно укрываться в зарослях. Это дало возможность ещё сократить расстояние в два раза. Уже после обеда расположились на привал по всем правилам, Малыш расставил посты по периметру и, растянувшись за широкой спиной Худого, сразу заснул. Четыре раза сменились часовые на постах, прежде чем наступил вечер. В наступающих сумерках быстро собрались и двинулись в путь. Сокращённое за день расстояние дало возможность к полуночи выйти на заданные

рубежи и до наступления утра организовать скрытые наблюдательные пункты. Малыш с Белым и Иссой расположились всего в 25-ти метрах ниже духовской позиции с „ДШКа“. Укрытые масксетью они почти слились с горным склоном и даже, проходя рядом, обнаружить их было почти невозможно. Остальная часть группы, тоже разбитая на тройки, но усиленная офицерами, занимала позиции по всему хребту. Лагерь был тщательно замаскирован и обнаружить его с воздуха было очень тяжело.



Между деревьями, росшими на территории лагеря, были натянуты масксети, поэтому с воздуха создавалось впечатление, что это ущелье густо заросло кустарником. И лишь наземный наблюдатель мог рассмотреть все подробности лагеря. Только рассеялся утренний туман, как лагерь стал оживать прямо на глазах; менялись караулы, строились учебные отряды, начиналось обучение отдельных групп. Словом, всё шло своим чередом. Однако теперь за лагерем велось тщательное наблюдение, о котором духи даже не подозревали. Все обнаруженные цели и позиции разведчики тщательно наносили на карту. После все эти сведения будут собраны в единое целое и переданы в штаб. Малышу очень хотелось обнаружить пленных солдат, но пока их нигде не было видно. Система обороны лагеря впечатляла; все господствующие вершины были заняты постами „ПВО“ (противовоздушной обороны), состоящими как из расчётов „ДШКа“, так и из стационарных зенитно-ракетных установок. Их позиции так же, как и лагерь, были тщательно замаскированы от обнаружения с воздуха. По предварительным данным в лагере

находилось от 250-ти до 400-от человек. Уверенные в своей безопасности, духи спокойно проводили учебные занятия. Наконец-то, удалось обнаружить группу наших пленных бойцов, их вывели откуда-то из глубины лагеря. Теперь они под присмотром двух духов работали на расчистке от камней площадки на краю лагеря. На них было больно смотреть: словно стадо безвольных животных, они тупо выполняли свою работу. Через два часа конвойные, видимо дали им команду отдыхать, и вся группа собралась около скопления крупных валунов на краю площадки. Охранник бросил им несколько сигарет, пуская полученные сигареты по кругу, ребята сидели, понурив головы. Их можно было понять, положение у них незавидное, виды на жизнь тоже никакие. Конвойные почти не обращали внимания на них, лишь изредка бросали косые взгляды в сторону пленников. Оно и понятно, даже, задумай, кто-нибудь из них сбежать, куда ты побежишь, если вокруг духовские посты. Перекур был прерван окриком охранника и снова пленники приступили к своей работе. Разведчикам быстро надоело это зрелище, и они занялись выискиванием новых целей. Весь день, отдыхая по очереди, они осматривали территорию лагеря. Лишь глубокой ночью им предстояло выйти к месту сбора в пяти километрах от лагеря духов. Здесь все разрозненные сведения были собраны в единое целое, и состоялся военный совет офицеров. Приняли решение: один взвод сопровождает офицеров разведотдела до ближайшей заставы, а остальные остаются для дальнейшего наблюдения и организации диверсий при захвате лагеря. В том, что операция по захвату лагеря будет проведена в ближайшее время, никто не сомневался. Договорились также об условных сигналах, ведь все это время группы сохраняли радиомолчание, сигналом к атаке будет лишь набор цифр, означающих время удара воздушных сил. Если же будет принято решение об отводе, то прозвучит одно слово: „Отбой“. До вечера было дано время для отдыха. Во время своего дежурства, Малышу пришла на ум одна идея и, сменившись с поста, он поспешил обговорить её с Паниным. Смысл затеи был в том, чтобы небольшая группа пробралась ночью в лагерь и заняла скрытую позицию возле скопления валунов, где отдыхали днём пленные. Если контакт состоится, то можно будет, передав оружие, организовать диверсию изнутри лагеря при атаке основных сил. В начале Панин и слушать не хотел о такой афёре, но когда к спору подключились остальные, он сдался. Получив задание и оружие, группа добровольцев, Малыш, Серёга и Исса, уползли в наступающую темноту. Офицеры-наблюдатели, в сопровождении одного разведвзвода, отправились на заставу. Основную задачу разведгруппа

выполнила, два оставшихся разведвзвода займут позиции, с которых можно быстро начать активные действия. Необходимо будет после получения условного сигнала занять все верхние гнёзда с „ДШКа“, обеспечив тем самым безопасный подлёт воздушным силам, организовать и обеспечить огневым прикрытием площадку для приёма сил разведбата, которые будут доставлены к месту вертушками. При атаке авиации, подавлять ракетные комплексы „ПВО“, а занятые позиции обозначить красными дымами, дабы избежать удара от своих же самолётов. Пока решались все эти проблемы, группа Малыша выдвигалась к намеченному месту. Осторожно, метр за метром, как снежные барсы, почти на пузе, предварительно разведав каждый следующий участок пути, двигались наши ребята. Духи находились вокруг, и малейшая оплошность могла погубить всех. Как бы пригодились сейчас приборы ночного видения, но пока о них разведчики только слышали от офицеров разведотдела армии. Пока же ребятам приходилось довольствоваться ночным прицелом. Почти пять часов понадобилось им для достижения, намеченного места. Ещё час ушел на маскировку и только после этого можно было немного отдохнуть. Как и предполагалось, ближе к полудню, духи вывели пленников на работу. Сейчас Малыш мог рассмотреть вблизи всех солдат, при первом же взгляде на этих ребят он уже был готов отказаться от своего плана. Можно ли рассчитывать на этих полуголодных, еле живых доходяг. Давно не видевшие мыла и достаточного количества воды, одетые кое-как, эти солдаты походили больше всего на шайку бродяг. Методично расчищая площадку от камней, уже через час они полностью выдохлись, один из охранников бросил им сигареты и разрешил отдохнуть.

Медленно передвигая ногами, пленники поплелись на край площадки. Рассевшись на валунах, пустили сигареты по кругу. Ближе всех к ним находился Серёга и ему выпала честь налаживать контакт. „Сидите тихо и не крутитесь как мартышки, я сержант Советской армии, со мной разведгруппа“? — обратился он к пленникам. Услышав за своей спиной, идущий как из под земли голос, те чуть не попадали от удивления на землю. Холмик поросшей травой земли чуть шелохнулся и из узкой, открывшейся щели на ребят взглянуло родное лицо.

- „Кто из вас старший“? — спросил Серый.

- „Прапорщик Красиков“, - представился один из пленных, — „попал в плен после контузии, полученной при атаке духов на „БТР“ с почтой“.

- „Сколько вас и где содержитесь“?

- „Одиннадцать относительно здоровых, двое — тяжело

раненных и один почти присмерти, держат нас в крайней от большой скалы штольне по правой стороне ущелья. Ребята, спасите нас, жить так дальше мы не можем. Духи содержат нас хуже собак, раз в день дают баланду и воду, чтоб не сдохли. Постоянно агитируют перейти на их сторону и принять ислам. Скоро оставшихся в живых перегонят в Пакистан“.

- „Пока вызволить вас не можем, любое наше действие сейчас сорвёт тщательно спланированную операцию по уничтожению лагеря. Сегодня мы только хотели установить с вами контакт и более детально уяснить обстановку внутри лагеря’, - сказал Серый, большего сделать в этот раз не удалось. Охранник крикнул на пленных, заставляя работать. Более часа пришлось ожидать нового перекура. На этот раз пленники изменились прямо на глазах, уже не так безумно двигались, чаще переговаривались между собой. Когда же пришли на перекур, в их пустых ранее глазах затеплился огонёк жизни.

- „Дайте нам какое-нибудь оружие, и мы сами попытаемся вырваться отсюда“, - сказал Красиков.

- „За этим камнем вы найдёте; три ножа, два "ПМа" и шесть гранат, но не пытайтесь вырваться раньше, чем начнётся операция по уничтожению лагеря. Потерпите пару дней, мы поможем и прикроем огнём с высот. Как услышите взрывы в лагере, тогда и прорывайтесь, а лучше всего займите оборону в штольне и не вылазьте наружу", — ответил Серёга. Снова окрик охранника и перекур закончен.

- "Пока от вас требуется ничем себя не выдать. Поймите нас правильно и объясните всем, мы бы с большим удовольствием отбили вас прямо сейчас. Но на кону стоит более весомая задача, к выполнению которой мы приложим все силы. Да и в данный момент нам просто не вырваться живыми из лагеря. Потерпите ещё немного, и, даю вам слово разведчика, мы с вами ещё выпьем вместе за счастливое освобождение из плена".

Так, за несколько перекуров, Серёга добился полного взаимопонимания с пленными и получил много ценной информации о расположении скрытых от наружного наблюдателя объектах лагеря.

Теперь разведчики имели свою скрытую до времени ударную силу внутри осиного гнезда.

Ночью вышли к своим, доложили о выполнении задания и о полученной информации от пленников. После доклада Малыш попросил отдыха для своей группы. Получив освобождение от несения караульной службы, ребята мирно спали в одной из оборонок, охраняемые своими товарищами.

К вечеру следующего дня, на протяжении часа, радиостанция

принимала повторяющийся набор фраз "Первому и Второму, пять-сорок". Это означало, что утром в 5-40 будет нанесён ракетно-бомбовый удар по лагерю и разведчикам нужно занять исходные позиции до этого времени.

Оставив одну тройку на выбранной площадке для приёма вертушек с солдатами разведбата, Панин повёл взвод для захвата позиций "ДШКа" на гребнях ущелья.

Если бы какой-нибудь душман решил рассмотреть окрестности в ночной прицел, то заметил бы, как среди камней к ним крадутся разведчики, постепенно занимая позиции возле гнёзд с их "ДШКа". Но уверенные в своей несокрушимости, духи и не помышляли об этом.

По заранее установленному плану все гнёзда в 5-00 должны быть захвачены. Беспечность духов стоила им очень дорого, расчёты состояли всего из двух человек, поэтому справится с ними, для разведчиков не составило большого труда. Ровно в 5-ть, на полусонных пулемётчиков, навалились неизвестно откуда взявшиеся люди в маскхалатах и через несколько секунд все верхние гнёзда с "ДШКа", были в наших руках.

К главе про бой в кишлаке. Огонь из трофейного ДШКа

Лагерь был покрыт утренней дымкой тумана, часовые на постах, по всей видимости, добросовестно спали. Солнышко только поднялось над вершинами окрестных гор, как на местах где располагались позиции захваченных "ДШКа", в небо поднялись столбы красного дыма.

Через несколько секунд после этого, со стороны восходящего солнца, появилась первая ударная волна, штурмовики "СУ" — 27

накрыли бомбовым ударом ущелье. Следом за ними появились два звена "Крокодилов", ныряя вниз, они осыпали духов градом "НУРСов".

Опомнившиеся после первоначального шока, духи попытались, было развернуть, для отражения воздушной атаки, ракетные установки, но были уничтожены огнём собственных "ДШКа", почему-то вдруг начавшими стрелять по своим.

"Крокодилы" пошли на второй заход, за ближайшим хребтом в небо взлетели зелёные ракеты, там "МИ" — 8е высаживали разведбат.

"ДШКа" косили духов, словно коса траву в сенокос. "Крокодилы" выпустив весь запас "НУРСов", прошлись ещё по лагерю пушечными очередями, и ушли пополнять боекомплект, теперь пришла очередь наземным силам продолжить начатую атаку.

Оставив по одному бойцу у "ДШКа", разведчики рванулись вниз по склону. В лагере царил хаос, что могло гореть, уже догорало, клочья масксети, обломки оборудования и досок валялись повсюду, изувеченные взрывами трупы духов буквально укрывали пространство, где ранее находились их палатки.

Подавляя отдельные очаги сопротивления, разведвзвод неуклонно продвигался вперёд. Разведбат был уже на подходе, духи заняли круговую оборону и попытались отбить атаку. Обозначив их позиции зелёными дымами, разведчики залегли, пусть "ДШКа" поработают ещё в нашу пользу. Через полчаса основные силы духов были уничтожены, оставшиеся в живых

забаррикадировались в двух штольнях и вели оттуда редкий огонь. Малыш со своими бойцами пробрался к месту содержания пленных. Их встретили радостные лица наших ребят. Около 30-ти духовских трупов валялись в разных местах штольни. Ребята наперебой рассказывали о произошедшем бое; После первых взрывов снаружи они взорвали двери каземата, перерезали охрану и с боем встречали бегущих в укрытие духов. Потом отражали массированную атаку врага. Имея очень ограниченный запас оружия и боеприпасов, зачастую отбивались камнями, а прорвавшихся внутрь штольни просто душили голыми руками. Трое ребят погибли, ещё четверо получили ранения.

Узнав о том, что духи заняли оборону в двух боковых штольнях, прапорщик Красиков сообщил об имеющихся в каждой штольне отдушниках для вентиляции. "Человек в них пролезть не сможет, а вот пару гранат бросить внутрь можно" — сказал он.

Выбравшись на склон выше штолен, ребята быстро обнаружили узкие щели отдушников. Решили устроить духам сюрприз, на отрезок верёвки привязали по пять кумулятивных гранат и, оборвав чеку у последней опустили их вниз. Толчок взрыва ощущался даже через толщу скал. Из входных тоннелей штолен, взрывная волна вынесла куски баррикад и какое-то рваньё. На этом лагерь моджахедов закончил своё существование.

В склады с оружием и боеприпасами заложили фугасы, дабы не обременять себя переноской трофеев. Когда бойцы грузились в вертушки, ущелье позади них сотрясло несколько мощных взрывов.

Вертушкам пришлось делать два захода на погрузку, ведь к силам разведбата добавились ещё два разведвзвода и бывшие пленники со своими раненными и убитыми товарищами. Они ещё до сих пор не верили, что все ужасы духовского плена остались позади.

После прибытия в часть, бывших пленников загрёб особый отдел, теперь им ещё предстоит терпеть многочисленные допросы. Особисты будут особенно тщательно докапываться, как и при каких обстоятельствах, тот или иной боец попали в духовский плен. Даже раненные, в госпитале, были помещены в отдельную охраняемую палату.

Одна знакомая медсестра как-то проговорилась, что при операциях связанных с введением наркоза всегда присутствует особист. Оказывается под наркозом, человек подсознательно правдиво отвечает на все заданные ему вопросы. Этим и пользуются военные дознаватели, без особого труда добывая интересующие их сведения. Таким способом стало известно, что двое из раненых солдат добровольно сдались в плен; один сбежал в горы из части, не выдержав издевательства "дедов", второй, с оружием в руках, при нападении духов на колонну вместо того, чтобы оборонятся, сбежал и сдался.

После выздоровления их ожидает военный трибунал, а в военное время за измену Родине легко можно получить до 10-ти лет тюрьмы.

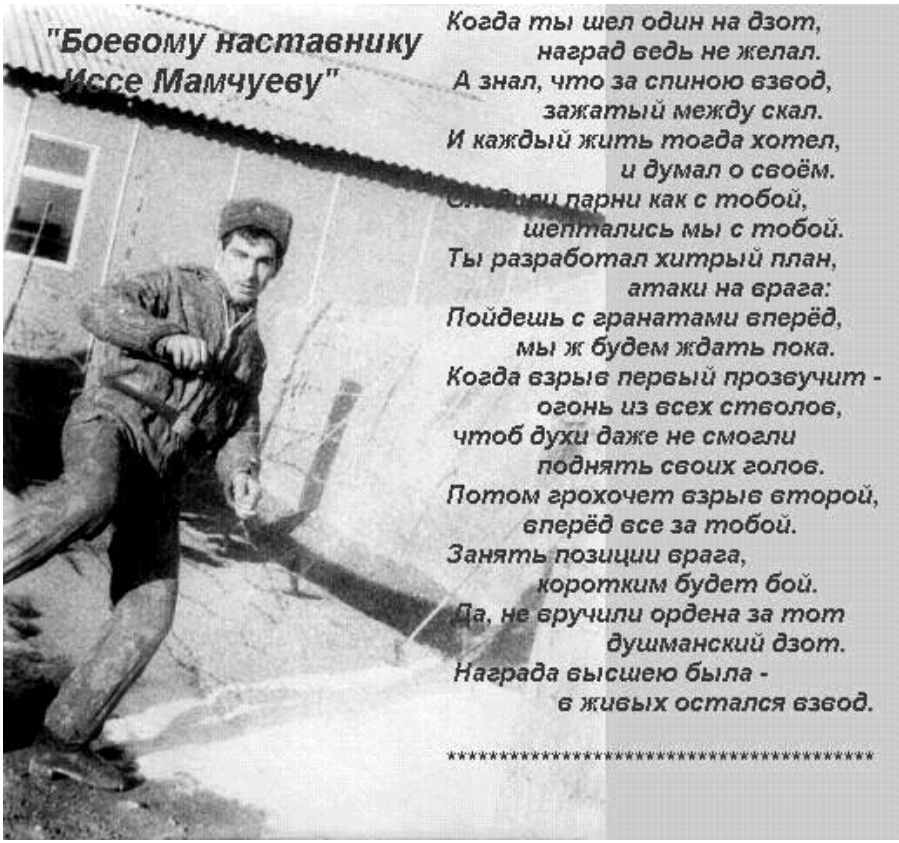
Остальных после установления всех подробностей пленения, по всей видимости, отправят в Союз для реабилитации.

Разведчики после банно-прачечного дня отдыхали, Панин успел даже "залить сливу" и спал теперь в командной комнате. К вечеру из штаба пришел посыльный и сообщил радостную для дембелей весть. Утром, после завтрака с аэродрома уходит дембельский борт на Кабул.

За полчаса был приготовлен прощальный ужин, шашлык, правда, пришлось сделать из мороженой говядины, но в остальном всё было хорошо. Изрядно выпивший Исса даже всплакнул, обнимая своих друзей. В эту ночь мало кто спал, все старались передать с дембелями приветы домой и какие-нибудь подарки, каждый писал пожелания в дембельский альбом и оставлял свой адрес.

Утром, быстренько позавтракав, провожали дембелей, их как белых людей везли штабными "УАЗами". Броня осуществляла торжественный эскорт. На аэродроме дали прощальный салют в честь уезжающих друзей. Небольшой, двухмоторный самолёт — "Ан" — 26, взревев двигателями, начал разбег по взлётке. Шасси оторвались от земли, и самолёт начал набор высоты по кругу.

Ребята долго стояли, задрав головы, провожая взглядом серебристую птицу. Всю обратную дорогу до части ехали молча, каждый думал о своём. Володька вспомнил недавний случай с уничтожением духовского дзота. Тогда Исса показал как должен действовать замкомвзвода в экстремальной ситуации. А дело было так: Разведвзвод прикрывал выход пехотного батальона из района боевых действий. Исса, Малыш и два отделения взвода должны были пройти по ущелью и взять под контроль перевал. Задача на первый взгляд была простой. Но во время движения по ущелью ребята наткнулись на тщательно замаскированный дзот. Он не был замечен воздушной разведкой и не отмечен на карте. Присутствие духов выдал язычок пламени свечи и приглушенная речь. Разведчики двигались как всегда тихо и осторожно, это и дало возможность вовремя заметить опасность. Состоялся мини военный совет. Исса предложил свой план уничтожения пулемётного расчёта. Он поползет вперёд и подкравшись как можно ближе бросит гранату. После взрыва Малыш даёт команду, и ребята стреляют по дзоту, давая возможность Иссе на второй бросок гранаты. Потом все дружно одним броском занимают позиции врага, уничтожая всех выживших. Это было последним экзаменом для Володи перед вступлением в полноправное командование своими ребятами. Всё прошло как по нотам. Дзот был уничтожен. Исса был доволен действиями своего приемника. Когда утром провели детальную разборку происшествия, то комбат от всей души благодарил разведчиков. Вражеский дзот держал под прицелом всё ущелье. И шансов пройти у советских солдат было мало. Потери личного состава были бы ужасными. Исса ещё раз показал чудеса героизма и самопожертвования. Он, прежде всего, думал о молодых бойцах разведвзвода и последствиях неудачной попытки прохода батальона. О сохранности своей жизни он думал меньше всего. Об этом случае Володя будет часто вспоминать перед принятием сложных решений.



Но вернёмся в реальное время. С одной стороны Малыш радовался, никто теперь не будет давить своим авторитетом, мол, я служил дольше и знаю всё. С другой он жалел, нескем будет спорить, и совещаться в выборе правильного решения. Но такова уж судьба замкомвзвода и теперь вся ответственность за жизни своих солдат ложилась на его плечи. Теперь основными советчиками и оппонентами в спорных вопросах будут Панин и Нечипорук, а с ними спорить и доказывать свою правоту — только время зря терять.

Ещё три дня взвод свыкался с отсутствием своих наставников, всё казалось, что откроется дверь, и кто-то из них войдёт в палатку. Малышу такое настроение ребят быстро надоело и он, собрав всех, сказал: "Хватит оглядываться на вчерашний день, пора понять, наших нянек больше нет с нами. Настало время каждому самостоятельно думать и действовать. Мы не перестали быть одним целым взводом, даже если стальную цепь сократить на три звена, она станет только короче, а все свои остальные свойства сохранит. Если будем: держаться вместе, действовать решительно и смело, то тоже в своё время улетим домой не в "Чёрном тюльпане"".

Эта бесхитростная речь возымела ошеломляющее действие. Прямо на глазах разведчики сбрасывали с себя нахлынувшее унылое настроение и преображались. Они были готовы снова выполнять задания любой сложности. Случай это проверить представился незамедлительно.

По агентурным данным, из Пакистана вышел караван со "стингерами"и" ЭРЭСами".

Времени на подготовку операции прикрытия не оставалось, поэтому решили действовать быстро и нагло. По "засовской связи" на одну из дальних застав были переданы инструкции к действию. С заставы должны были открытым текстом передать по радио: "У нас несколько случаев заболевания холерой, нужна санитарная команда и пополнение". Не трудно догадаться, что под видом медкоманды и пополнения, на вертушках вылетал разведвзвод.

До заставы долетели без происшествий.

Под прикрытием темноты взвод как обычно совершал марш-бросок, при подъёме на одну из сопок случилось досадное происшествие: Панин, оступившись на камне, упал и повредил колено, дальше идти самостоятельно он уже не мог. Дабы не сорвать операцию, решили отправить его в сопровождении двух бойцов из пулемётного расчёта, взятого на заставе для усиления огневой мощи, обратно на заставу. Вся ответственность за проведение операции теперь легла на плечи Малыша и остальных сержантов. Получив все необходимые инструкции и пообещав Панину не посрамить высокого звания разведчика, они повели своих бойцов дальше.

Сначала Малыш немного волновался, но потом, собрав всю свою волю в кулак, обрёл уверенность в своих силах. "Я смогу сделать всё с помощью моих друзей, нам по силам любая задача", — сказал он себе. Эта моральная установка подняла его боевой дух и давала поддержку на протяжении всего пути.

К утру вышли на контрольную позицию, отклонившись в сторону всего на 200-ти метров, это была допустимая величина даже для офицера. Как всегда, разбившись на тройки, взвод занял круговую оборону и, позавтракав, бойцы по очереди отдыхали после ночного перехода. Доложив по радио "1 на 15-ть" (заняли 15-тую отметку), Малыш, проверив посты, тоже лёг отдохнуть.

После обеда собрав сержантов, он обратился к ним с короткой речью: "Перед нами стоит сложная задача — вывести взвод на место засады, найти и занять наиболее выгодные позиции, дождаться и уничтожить караван. Очень хотелось, чтобы удар был молниеносным и четким. Как действовать в бою вы все знаете. Отсутствие комвзвода не должно повлиять на ход операции, нам нужно довести до каждого бойца порядок действия, цели и конкретные задачи". Этими словами он стремился подбодрить их и вселить уверенность в их сердца.

После этого обсудили вопрос о выборе места для засады. Зная примерный маршрут движения каравана и предварительно отмеченное Паниным место исходной позиции, решили по прибытии туда уже конкретно, с учётом особенностей местности, занять самую удачную позицию для засады. Ещё раз сориентировались и, проложив по карте маршрут следования, с наступлением сумерек стали выдвигаться дальше.

Ещё один ночной переход прошел без проблем. С наступлением рассвета обследовали местность вокруг и выбрали позицию для засады.

Горная тропа, проходя между двумя сопками, спускалась к небольшой зелёнке. Организовать засаду в зелёнке нет смысла, деревья и редкий кустарник ограничат сектора обстрела и дадут

хорошую возможность духам для укрытия и организации обороны. Брать караван решили именно на отрезке тропы между сопками.

Выставив на вершинах посты наблюдения, разведчики занимали места на склонах сопок. По плану удар будет нанесён с двух сторон. Дальнейшие действия происходили по уже давно закреплённой схеме — "Караван": Была организованна группа по уничтожению передового дозора, выбраны сектора обстрела для каждого бойца и установлена последовательность действий. В состав ударной группы как всегда вошли Серёга и Худой, на усиление добавили Осу (Вадим Оссовский, пятиборец, Тольятти.).

Малыш остался руководить основной группой, он взял под свой контроль левый склон, а противоположный отдал под командование Швеца. Разделение взвода на две группы казалось не целесообразным, но в итоге именно это и спасло всю операцию.

К вечеру все оборонки были готовы, маскировка позиций завершена, оставалось только ждать. Наступила ночь. Духи не спешили появляться, по всей видимости, они рассчитывали лишь к утру выйти к зелёнке для дневного отдыха. Ровно в три часа ночи появилась группа передового дозора, Малыш по радио дал условный сигнал — "5-ть" и подумал: "Серому туго придется, ведь пять духов это не три", но помочь другу он сейчас ничем не мог. Оставалось только ждать и надеяться, что ребята справятся без лишнего шума.

Караван состоял из четырех верблюдов и восьми навьюченных ишаков. Поразительно малая охрана для сопровождения столь ценного груза. Двенадцать человек, этот

факт озадачил и насторожил Малыша.

Несмотря на опасения, нужно было выполнять свою работу, руководить операцией. Как обычно, пропустили головного верблюда до крайней огневой точки и нанесли неожиданный удар. Верблюдов положили сразу, а напуганные взрывами и выстрелами ишаки, с выпученными глазами и диким ревом метались от одного склона к другому, создавая неразбериху и толчею. Когда все животные и охрана были уничтожены, разведчики уже поверили в то, что основная задача выполнена. Но не тут-то было, замешкавшаяся где-то остальная часть охраны и замыкающая группа с ходу пошли в атаку. Видимо не сориентировавшись в обстановке, всю силу своего удара они направили на левый фланг взвода. Едва успевшие перегруппироваться, разведчики ответили ураганным огнем, но духи были полны решимости отомстить шурави за уничтоженный караван. В их действиях чувствовалось грамотное командное руководство. Группа из десятка духов штурмовала позиции Малыша, в это же время несколько других пытались обойти их с правого фланга. Осветительные ракеты к этому времени уже догорели, и темноту ночи разрывали лишь нити трассеров и всполохи взрывов. Малыш никак не мог понять, почему молчат автоматы и пулемет с правой высоты. В это время Швец, просто боясь случайно накрыть группу Малыша, в срочном порядке переводил свои силы на духовский фланг. В паре метров от оборонки, занимаемой пулеметным расчетом и Малышом, внезапно вырос огненный куст взрыва, чуть было не погубивший ребят.

К их счастью, гранатомет духа был заряжен не осколочно-фугасным зарядом, а бронебойным. Ударная волна взрыва накатилась на оборонку и со всей силой обрушилась на ребят. Ощущение было таким, словно тебя на полном ходу сбивает грузовик. В голове Малыша гудел гигантский колокол, перед глазами плыли желто-красные круги, а все тело болело, словно его засунули под пресс. С этой минуты он видел все происходящее вокруг как будто бы в замедленном темпе. Духи пошли в атаку, он стрелял в них, пока были патроны в магазине автомата, потом, схватив наперевес пулемет контуженого пулеметчика, рванулся в контратаку. Вслед за ним поднялись остальные, этот опрометчивый шаг мог очень дорого стоить для разведчиков, если бы к этому броску вовремя не подключилась группа Швеца и подоспевшие Серега со своей маленькой армией. Духи, получив шок от внезапной контратаки и мощного удара с фланга, дрогнули и попятились. Малыш сейчас превратился в безумную валькирию, короткими очередями он разил духов

налево и направо. Когда лента в "ПКа" закончилась, успел ещё двоим духам раскроить черепа, используя его как дубину. Бросив пулемет, схватился в рукопашную еще с одним. Оглушенный взрывом и плохо соображающий, он явно не рассчитал свои силы, дух был огромным и мощным. Сгребя в охапку набросившегося на него солдата и придавив всей своей массой к земле, он пытался просто задушить его. Малыш явно чувствовал все: острые камни, давившие снизу, вес духа, прижимающего его к земле, кольцо пальцев, сомкнувшееся на горле, и смрадное дыхание врага, забивавшее собой все другие запахи. Почти не сопротивляясь, Малыш нащупал рукоять ножа и ловким движением, высвободив руку из-под туши духа, вонзил лезвие по самую рукоятку в горло врага.

Поток горячей, липкой крови, из распоротого горла духа, залил лицо и руку Малыша. Несколько раз, дернувшись в предсмертной агонии, дух затих. Собрав последние силы, Малыш столкнул труп врага на бок и сел, уже ничего не соображая. Бой почти закончился, еще несколько духов прятались за камнями и вели редкий огонь. Им оставалось жить всего несколько минут и, сознавая это, они сопротивлялись особенно яростно. Три-пять залпов подствольников, закончили их мучения, и тишина повисла над ущельем. Серега запустил несколько сигнальных ракет, дабы оценить обстановку, и в их свете увидел друга, сидящего на большом валуне. Несколько раз окликнул Малыша, но поза друга не изменилась. Только подойдя, ближе он понял, что тот ничего не слышит. Обычно Малыш реагировал на малейший шум за спиной, а теперь сидел и не отзывался даже на крик. Осветив друга фонариком, Серега в ужасе отшатнулся. Волосы на голове Малыша слиплись от запекшейся крови, лицо, одежда и руки, все было в крови. Среагировавший на внезапный свет Малыш громко, почти крича, спросил у Серёги, в чём дело. Тот попытался, было, ответить, но, поняв всю бессмысленность своих ответов, просто помог другу подняться и, поддерживая его, повёл к месту сбора. При свете нескольких фонариков ребята попытались определить ранения командира. Выяснив, что он просто залит чужой кровью, обмыли его водой из фляжек. Холодная вода немного освежила и вернула Малыша в реальный мир. "Я ничего не слышу, говорите громче, чего вы шепчетесь", - с этими словами он обратился к окружавшим его солдатам.

"Серёга, принимай командование взводом, я ничего не соображаю, и голова гудит как колокольня на пасху". Серый одобрительно мотнул головой и, похлопав друга по плечу, отошёл к возвращающимся бойцам. Необходимо было ещё установить положение дел и оценить потери. Победа в этом бою

была куплена дорого: тяжело контужен пулемётчик с заставы, его помощнику куском булыжника, подхваченного взрывной волной, переломало два ребра. Малыш получил контузию средней тяжести. Во время контратаки, организованной Малышом, еще два бойца получили лёгкие ранения, одному пуля пробила мягкие ткани ноги, а второму по касательной задела грудь, но, отрикошетив от ребра, вышла сбоку. В группе Швеца Мишке Суровцеву "Сурку", осколками гранаты слегка посекло лицо и разорвало ухо. Всем требовалось оказать необходимую помощь. Пока возились с раненными, наступил рассвет, нужно было собрать трофеи и найти посадочную площадку для вертушек. Серега, взяв с собой на всякий случай одну тройку, ушел искать подходящее место для посадки. Швец с оставшимися бойцами собирал трофеи. Решено было забрать только "стингеры" и "стрелы", а остальные причандалья уничтожить. Вернувшись, Серёга доложил по радио обстановку и вызвал вертушки, осталось перенести трофеи да переправить раненных к месту посадки. Когда все приготовления были закончены, на месте гибели каравана прозвучали несколько мощных взрывов, это заложенные разведчиками фугасы уничтожили остатки смертоносного груза. Ожидание длилось недолго и вот уже, свистя лопастями винтов, поднимая облака пыли, садились вертушки.

Минут пять ушло на загрузку трофеев и раненных, турбины взревели от перегрузки и вертушки поднялись над хребтом, унося ребят, домой на базу. На взлётке части их уже ожидали машины "скорой помощи", пока разгружали трофеи, раненные были доставлены в госпиталь. Дежурная бригада врачей чётко и быстро

выполнила свою работу и уже через час все раненные лежали в своих палатах. Медикаментозного лечения контузии не было, и Малыш задержался в госпитале только до вечера, он попросту сбежал в родную палатку. Ведь недаром кто-то сказал: "Дома и стены лечат". Правда, ещё три дня гудела голова и иногда нарушалась координация движений. Слух постепенно возвращался, но пока всё равно нужно было кричать Малышу в самое ухо. К исходу третьего дня все раненные разведчики были уже в расположении взвода. Закрепленный за разведвзводом фельдшер из разведроты попросил хотя бы регулярно являться на перевязки. Панин и тот не желал находиться в палате, а почти всё время "гулял" у ребят или в медобщаге. На время "болезни" основных сил, взводу не поручали боевых операций, и разведчики томились от вынужденного безделья. Серега где-то достал машинку для татуировки и тушь. На несколько вечеров палатка разведчиков превратилась в тату-салон. Стандартной единой татуировкой для всех разведчиков была эмблема взвода: рысь в голубом берете, тельняшке и эксперементалке, держащая в пасти окровавленный нож. На заднем плане изображение земного шара, над северным полюсом шла надпись — ОРВ (отдельный разведвзвод) и № части, а под южным — год призыва и год планируемого дембеля. Эта эмблема наносилась на левое плечо и, по кем-то заведённому закону, была обязательной для всех. Вторая стандартная тату наносилась на левую сторону груди — группа крови, комбинация из латинских букв и римских цифр. Однако здесь уже допускалось художественное различное оформление этой надписи. После поголовного татуажа стандартными надписями началось время "художественной росписи". Сюжеты брались по желанию заказчика, однако желающих разукрасить своё тело подобным образом оказалось немного, и процесс быстро прекратился. Еще неделю разведчики бездействовали. За это время отдельные их группы можно было встретить в самых разных местах. Особым вниманием пользовались продовольственные и вещевые склады, пекарня и холодильник. Ребята любили, да и уже привыкли, сытно и обильно питаться. Так, что обычная, столовская еда, хоть и офицерского пайка, стала не очень популярной. Вот и приходилось добывать различные продукты самостоятельно, иногда подкупом зав. складов, а чаще простым воровством. Деньги на закупку выпивки и деликатесов в дукане у Али уже закончились. Пришла очередь обмена товара на товар. Вот и приходилось ребятам тащить всё то, что плохо лежит. Пришла колонна с продовольствием и началась разгрузка, разведчики тут как тут. Несколько ящиков сгущёнки, тушенки и рыбных

консервов так и не дошли до склада. Целый пак одеял и две коробки носков испарились с вещевого склада. Из морозилки "ушли" пара задних ляжек мороженой говядины, пекарня потеряла несколько мешков муки. Зато полевая кухня у палатки разведчиков работала без остановки. Худой был шеф-поваром, основное меню состояло из блюд восточной кухни, так полюбившихся ребятам. Скоро "Бате" надоели постоянные жалобы на разведбанду и он своим властным решением отправил разведвзвод под командованием Нечепорука на дальнюю заставу выслеживать караваны с наркотой. Загрузив "БМП" сухпайками, разведчики выехали из расположения части к месту отбывания наказания. Снова пыльная дорога, ветер в лицо, запах выхлопных газов дизеля и радующая глаз панорама вдоль дороги — что ещё нужно вольным странникам. Любые правила, запреты были чужды разведчикам, они рвались в бой или в свободный поиск. Во время боевых выходов перестают работать строгие требования устава, выравниваются любые воинские звания. Всё и вся подчинено одной цели — здесь ты просто отдыхаешь душой. Дорога тоже является неотъемлемой частью жизни разведчика.

Если в России две беды — "Дураки и дороги", то в Афгане их три — "Дураки в погонах со звездами, дороги и духи". Есть у любой дороги своя специфика: Вначале — расставание, в пути-опасности и приключения, а в конце — радость встречи. Расставание с частью уже было, радость встречи с ребятами дальней заставы ждала впереди, а вот приключения и опасности ещё нужно преодолеть.

Иногда дорога преподносит самые невероятные сюрпризы. Так случилось и в этот раз. За одним из поворотов заметили

уходящую на предельной скорости барбухайку. Петрович по радио дал команду "Захват", и события завертелись как в калейдоскопе. У "БМП" словно выросли крылья, ревя дизелями и разбрасывая гусеницами мелкий гравий, они мчались вдогонку за уходящей машиной. Сам факт, что водитель барбухайки пытался уйти в отрыв, настораживал и одновременно разжигал азарт погони. Расстояние между преследователями и беглецами неуклонно сокращалось с каждой минутой. 101 мчалась следом по дороге,102 и 103 обходили с флангов, благо местность позволяла осуществлять такие маневры. Сравнительно ровный участок плоскогорья, перед отрогами гор, простирался на десяток километров в длину и около шести километров в ширину. Барбухайка стремилась уйти к ближайшей зелёнке около ущелья. 102 отрезала её от этого пути. Несколько очередей из башенной пушки заставили водителя уйти в сторону от задуманного маршрута. Выжимая из мотора всю возможную мощность, он повёл барбухайку к скоплению скал возле ущелья. Промчавшись несколько сотен метров до этого места, машина резко развернулась и остановилась. Около двух десятков вооруженных людей выскочили из неё и устремились к скалам. Не теряя времени, наводчики "БМП" открыли по ним ураганный огонь, отсекая от укрытия в скалах. Духи заняли оборонительную позицию и попытались организовать отражение атаки разведвзвода. Несколькими выстрелами из гранатомётов они хотели остановить идущие в атаку "БМП", но гранатомётчики сразу же были уничтожены огнём автоматчиков. Духи приняли единственно верный маневр: оставив небольшую группу прикрытия, они рванулись в ущелье. Эта группа задержала атакующих разведчиков лишь на несколько минут, но за эти минуты основная масса духов успела укрыться в ущелье. Теперь они были недосягаемы для пушек и пулемётов, "БМП" и могли, свободно передвигаясь, занять удобную позицию или вообще уйти по ущелью. В данной ситуации разведчиков выручили подствольные гранатомёты. Одна за другой вылетали гранаты и, описав в воздухе изогнутую траекторию, выбивали духов даже из самых, казалось бы, безопасных укрытий. Тех, кто имел неосторожность подняться или высунуть голову из-за камней, выбивали и пулеметчики. Чуть более получаса продолжалась "охота на кроликов". Несколько оставшихся в живых духов подняли своё оружие на вытянутых руках над камнями и только двое попытались сбежать. Длинная, пулемётная очередь вдогонку убегающим, пресекла эту безумную попытку. Ещё ни одному духу не удавалось сбежать от Худого в радиусе действия его "ПКа". Проведя контрольную зачистку места боя и собрав оружие,

допросили пленных. Оказалось, они сопровождали двоюродного брата известного в этой провинции главаря отряда моджахедов "Инженера Максуда" для встречи полевых командиров в одном из горных кишлаков. Под самым носом у правительственных войск собирался военный совет самых влиятельных духовских главарей. Необходимо было действовать немедленно. Радировать в часть открытым текстом было нельзя, а аппаратура "ЗАС" связи имелась лишь на посту. Поэтому решили: отправить группу под видом духов на барбухайке к кишлаку для организации засад, а броня пойдёт на заставу для доклада и вызова подкрепления. Всего несколько минут понадобилось разведчикам на маскировку, прямо на свои маскхалаты они натянули духовские шмотки, снятые с убитых врагов. И вот уже барбухайка снова пылит по дороге, а броня, обогнав ее, ушла на заставу. Договорились так: Швец передаст по "ЗАС" связи полученные разведданные в часть и ночью подтянется с бронёй поближе к кишлаку. Для усиления разведгруппы возьмет как можно больше свободных солдат на заставе. По мнению Петровича, разведчики сейчас втянулись в очень рискованную авантюру. Во-первых; По пути к кишлаку их могли обстрелять вертушки, находящиеся в свободном поиске. Во-вторых, мог сработать "закон подлости" — другое подразделение советских войск, околачивающихся в этом районе, и как обычно, непредупреждённое о работе нашего взвода в этом квадрате, могло завязать бой, не вдаваясь в подробности кто-есть-кто. В-третьих, может встретиться духовский пост, да и мало ли ещё какие сюрпризы могли произойти. Несмотря на эти обстоятельства, судьба дала счастливый шанс подобраться к самому логову духов и не спугнуть осторожного врага. Барбухайка еле-еле тащилась по раздолбанной дороге, главной задачей разведчиков сейчас было до темноты добраться до места. Не доезжая несколько километров до конечной цели, спрятали машину в придорожной зелёнке и уже в пешем порядке стали выдвигаться к кишлаку для организации постов наблюдения. За ночь расставили посты на всех высотах, окружающих кишлак. Ближе к утру подтянулась броня с группой поддержки из двух пулеметных, минометного и гранатомётного расчётов, так же ещё два отделения пехоты. Швец сообщил: утром в 5-30 "Крокодилы" нанесут ракетный удар по кишлаку и следом за этим высадится разведбат. Наша задача — отсечь пути отступления духов в горы и нанести удар с тыла. Оставалось ждать условного часа и наблюдать. Наблюдать было за чем, фактически, мёртвый кишлак на глазах преображался: сразу в нескольких дувалах разгорались очаги, резался скот и начиналось приготовление еды. Слабый ветерок доносил до разведчиков запах жарившегося мяса и плова.

Давясь сухпаями, ребята злились на духов и желали им подавиться бараньими костями во время еды. За ночь прибыли, в пешем порядке, ещё три группы духов, каждая — более десятка человек. По данным наблюдения за врагом получалось, что в кишлаке находится примерно 100-130 моджахедов. Нужно было готовиться к тяжелому бою, ведь если даже половина духов одновременно задумает пробиться в горы, то разведчикам придется очень туго. Было ясно и то, что перед нами находится сборный отряд из самых лучших бойцов. Ведь любой командир старается взять для своего сопровождения элитный состав воинов. Пусть моджахеды не так искусны в стрельбе и тактике ведения боя, но ведь это закалённые во множестве боёв солдаты, а не рядовые члены банд, которые при первых же залпах "НУРСов" стараются сбежать с поля боя и бросить оружие. Эти будут защищать своих командиров до последнего, поэтому о лёгкой победе нечего и думать. За оставшееся до рассвета время Петрович с Малышом сумели перегруппировать свои силы, выбрать приоритетные направления и цели.

Возглавив одну из диверсионных групп, Серый смог подобраться к самому кишлаку и организовать постановку минных полей в двух распадках, ведущих к ущелью, благо, Швец сообразил захватить на заставе несколько комплектов противопехотных мин. Теперь если духи при отступлении захотят воспользоваться этими естественными укрытиями для безопасного отхода, то их ждёт неприятный сюрприз. Захватив для усиления миномётный расчет, Малыш занял очень удобную в стратегическом плане позицию возле выхода из кишлака. Словно специально для этой цели оказалось созданная самой природой группа огромных валунов около развилки двух троп. Правда, пришлось придушить двух духов, занимавших это идеальное укрытие. Теперь позицию душманского поста занимали Худой со своим "ПКа", миномётчики со своей "шарманкой" и Малыш с Греком (Саня Гречишин — Криворожец, боксёр-любитель.). Дежуря по очереди, ребята даже успели немного вздремнуть.

Ровно в 5-30 два звена "Крокодилов" обрушили на головы безмятежно спящих духов всю мощь своего бортового вооружения.

Одновременно с их атакой, в трёхстах метрах от околицы кишлака, шла высадка разведбата. "Крокодилы" совершив два захода, ушли, пополнять боезапас, оставив уцелевших после воздушного удара духов на растерзание наземным силам. Духи же, быстро опомнившись от первоначального шока, заняли оборону и встретили разведбат шквальным огнем. Пришла очередь, нашим ребятам, поддержать наступающих огнём с высот.

Удара в спину духи не ожидали и понесли большие потери в первые минуты атаки с тыла. Минометчики Малыша, руководствуясь указаниями наводчика-корректировщика с высоты, вели очень эффективный огонь и выбивали духов из занятых ими дувалов. Видя своё близкое поражение, моджахеды,

разделившись на три группы, решили прорываться в горы. Одна из таких групп, численностью около 30-ти человек, поперлась на позицию Малыша. Уверенные, что здесь свои, духи шли плотной группой, отстреливаясь от наступавшего разведбата. В первые секунды этот фактор очень помог нашим бойцам. "ПКа" Худого и четыре автомата залились длинными очередями, сея смерть в рядах отступающего врага. Потеряв около половины своего первоначального состава, духи быстро перестроились и стали методично обстреливать позицию ребят. Четыре раза они пытались атаковать, но все эти атаки захлёбывались на подступах к каменной крепости. Израсходовав большую часть боеприпасов, отражая эти атаки, разведчики экономили оставшиеся патроны. Заметив это, духи решили окружить их позицию и решительным штурмом уничтожить всех советских бойцов. Малыш понял их коварный замысел и организовал круговую оборону. Самым главным сейчас было не допустить духов на расстояние броска гранаты, от пуль каменная крепость защищала отлично, но одна, метко брошенная граната, сразу же решила исход боя. Тем временем разведбат выбил оставшихся для прикрытия отхода духов из крайних дувалов и вёл бой в самом центре кишлака. Духи сопротивлялись отчаянно, и сдаваться даже не собирались. Одна из отходящих групп, напоровшись на минное поле и попав под огонь с высот, была полностью уничтожена, вторая, остановленная на подступах к высотам, откатилась назад. Малышу пришлось очень туго, духи не давали поднять голову и наседали со всех сторон. Отразив ещё две атаки, ребята, во время одной из передышек, подвели подсчет оставшихся боеприпасов. Результат был неутешительным; У Худого меньше 80-ти патронов к "ПКа", Малыш с Греком разделили остатки своих запасов — по 25 патронов и по две гранаты, у миномётчиков осталось всего 45 патронов калибра 5-45 мм и одна граната. Попросив по радио "Прикрыть огнём", Малыш решил прорываться. Два "УТЁСА" обработали духовские позиции и прижали моджахедов к земле. Группа Малыша пошла на прорыв. Враги ожидали, что рано или поздно это случится, но они не рассчитали, что шурави будут прорываться навстречу разведбату. Снеся оставшимися гранатами линию обороны духов и отстреливаясь одиночными выстрелами, разведчики неслись к кишлаку. "УТЁСы" создавали за их спинами огневую завесу, не давая духам организовать преследование. Казалось бы, горстка практически безоружных солдат обречена, ведь впереди находятся силы врага, остановившие целый разведбат, но не тут-то было. На ходу, пополняя боезапас за счет убитых духов, разведчики снова превращались в полноценное боевое соединение. Их неожиданное появление в тылу

моджахедов, ведущих бой с разведбатом, внесло решающий вклад в общую победу. В то время как подошедшая броня нанесла пушечно-пулемётный удар в лоб, группа Малыша громила тылы. Стройная линия обороны духов сломалась и распалась на отдельные очаги сопротивления. С разрозненными группами духов бороться несложно и постепенно кишлак был очищен полностью. Более десятка духов сдались в плен, среди них оказались три главаря бандформирований. При зачистке кишлака были обнаружены два трупа европейцев, как потом сообщили пленные духи, это были американские советники. Именно они и являлись организаторами этой встречи и призывали полевых командиров к объединению своих сил для более успешной борьбы за свободу своей страны. Этот факт смутил офицеров разведотдела, неслучайно за последние полгода они сталкиваются с присутствием американских инструкторов в бандах моджахедов. Интерес американцев к действиям духов настораживал, требовал особого внимания на всех уровнях. Оставив разведбат разгребать трофеи, бойцы разведвзвода загрузились на броню и отправились на заставу. Ведь, несмотря на успешное окончание операции, команды возвращаться в часть ещё не было. Гарнизон заставы встретил разведчиков радушным приёмом и торжественным ужином. Традиционные блюда-шашлыки и шурпа радовали глаз и желудок. Только вот с выпивкой здесь было сложновато, основным бодрящим напитком была брага (полуфабрикат, для производства самогона, из смеси сахара, воды и дрожжей). Хотя внешний вид и запах у этого напитка были не очень привлекательными, но выбирать не приходилось. После сытного угощения и нескольких кружек браги окружающий мир снова приобрёл радужные оттенки, а все проблемы отодвинулись на задний план. Праздничный вечер закончился как всегда уже за полночь, а до этого времени пели песни под аккомпанемент гитары. Эти бесхитростные песни об Афганской войне, доме и солдатской дружбе всегда сближали и роднили такие разные солдатские души, убирали межнациональные барьеры. В такие минуты мы все были просто лишь "шурави", одной большой и дружной семьёй.

Утром на заставу прилетела вертушка: привезли почту, боезапас и медикаменты. Ещё прибыли два солдата, после лечения в госпитале, и замполит заставы. Петрович ушел в штабную палатку узнать новости из части. Вернулся он примерно через часа два, по всему было видно, что он чем-то озабочен.

- "Что новенького, Петрович"? — спросил Малыш.

- "Да вот замполит сказал, что по распределению, из резерва армии, должны поступить четыре новых "БМП-2" для третьего

батальона. Если бы Панин был здоров, то, возможно, выпросил нам одну вместо 101-ой, а то тарахтеть нам на ней до самого дембеля", - ответил Петрович.

- "А если наша 101-я случайно подорвется на фугасе, духи разнесут её из гранатомёта, будет ли у нас шанс получить другую машину"?

- "При таких, форс-мажорных, обстоятельствах шанс, конечно, есть, но повреждения должны быть такими, что ремонт машины станет невозможным", - спокойно рассуждал Петрович. Но вдруг он насторожился и спросил: "Ты, бесова душа, что уже задумал?"

- "Да ничего особенного, если, вдруг на обратном пути, возле ущелья, духи подложат фугас. Мы его не заметим и 101-я взлетит на воздух, а духи из засады добавят ещё из гранатомёта. Буксировать её до части мы, наверное, не станем. Сможем ли мы запросить разрешение из части сбросить машину в ущелье", - сказал в ответ Малыш.

- "Идея, конечно, интересная и нужно основательно над ней подумать, а как решить проблему с экипажем и солдатами на броне?

— Передадим по радио, что пехота преследует группу духов, а броня движется на перехват. Правда, ещё потом придется убедить командование, что механик и наводчик спаслись чудом. Но я думаю, что чем наглее и масштабнее будет наше враньё, тем быстрее в него поверят. Тем более совсем недавно произошел подрыв, "НОНА" (Новейшее Орудие Наземной Артиллерии, на базе "БМД") нарвалась на итальянку. Механик Пешев Олег (почти мой земляк, мелитополец), по счастливой случайности, просто вылетел через открытый люк.

Помните? Стукачей во взводе у нас нет, думаю, всё обойдётся".

Речь Малыша возымела своё действие и Петрович, скрепя сердце, согласился на эту афёру.

- "Ты далеко пойдёшь, Малыш, если только не схлопочешь шальную пулю или особисты не перекроют тебе кислород", - заметил напоследок Петрович.

Подготовка к операции "Подрыв" началась. Первым делом, прибывшую броню убрали с заставы и укрыли в ближайшей зелёнке. Здесь в течение недели со 101-й снимали всё, что может впоследствии пригодиться при ремонте других машин.

Разведвзвод тем временем шатался по окрестным горам и караванным тропам. Улов был не особо удачным, караванчик с гашишем и группа духов, переходившая из Пакистана.

О результатах поиска доложили в штаб, получив добро на возвращение, с утра двинулись в обратный путь. Почти голый остов 101-й тянули на буксире. Внутри корпуса установили два

фугаса из "итальянок". В условленном месте вышли на связь с сообщением о ведении боя. Взрывы противотанковых мин разнесли пустой корпус машины и превратили его в груду бесполезного металлолома. Доложив о подрыве 101-й и невозможности её дальнейшей буксировки, получили приказ на полное уничтожение боевой единицы. 102-я столкнула останки корпуса в ущелье, в честь погибшей машины дали салют из автоматов и башенных пушек.

К вечеру в часть въехал разведвзвод на двух "БМП", Малыша и Петровича сразу вызвали в штаб для дачи объяснений по поводу потери боевой машины. Чётко обрисовав картину гибели 101-й и доложив обо всех подробностях боя, они ожидали решения штабистов. Версия о чудесном спасении экипажа не вызвала подозрений. Все поверили, что в момент взрыва механика и наводчика просто выбросило в открытые люки взрывной волной. Оба отделались несколькими ушибами и легкой контузией. Малышу и Нечепоруку велели дать письменные объяснения и убираться с глаз долой. Таким образом разведвзвод получал новую машину, а экипаж 101-й — награды за мужество и героизм.

Через четыре дня прибыла колонна с новой техникой и боеприпасами. Сияющие свежей краской "БМП" прибыли на тралах и принятые экипажами торжественно въезжали в парк. Оставалось нанести на башни и борта опознавательные знаки и порядковые номера.

Один из механиков оставил на башне банку с белой краской, а вылезающий из люка оператор-наводчик опрокинул её на броню. Новенькая "БМП" была изуродована потёками белой краски. Попытались её смыть, но сделали ещё хуже, и весь бок

машины стал блёкло-зелёным. Возник вопрос — что делать?

Все машины в части были строго зелёного цвета. Взволнованные "мазутчики" прибежали за советом к Панину и Нечепоруку. Оба были явно не в духе и стали в два голоса склонять нерадивых солдат. На шум собрались все разведчики. Малыш, узнав в чём дело, стал успокаивать разошедшихся командиров. Те сразу набросились на него, мол, твоё дело маленькое и не лезь в разборки старших по званию. От такого обращения кровь закипела в венах, и он выдал короткую, но ёмкую по смыслу речь. "Из-за такого пустяка как пролитая краска, вы готовы морально разорвать тех, кто завтра возможно спасёт ваши паскудные жизни. Если у вас с утра поганое настроение, то лучше взять пистолет и застрелиться в сортире, чем портить жизнь другим. Снять бы с вас офицерские погоны и набить морды за такое отношение к своим солдатам".

Не ожидавшие такого поворота дел, командиры стояли с открытыми от удивления ртами. Не давая им опомниться, Малыш заявил:

- "Дайте мне два часа, и всё будет исправлено".

Вытолкав в шею недоумевающих "мазутчиков", он побыстрее покинул палатку.

В рембате у Малыша был земляк Васька Зарубин, поэтому он надеялся с его помощью достать зелёную краску и перекрасить "БМП".

Василий, выслушав земляка, ответил: "Зелёной краски в части нет. Все её запасы израсходовали на покраску техники к армейской проверке. Извини, Вован, помочь ничем не могу".

— Что же делать? Ведь я обещал исправить всё за два часа. Не люблю выглядеть брехуном, — выпалил Малыш. С досады он пнул ногой попавшийся на пути деревянный ящик, тот от удара опрокинулся. Крышка ящика открылась и из него выпал обычный маскхалат. При виде вываливающегося маскхалата Малыша осенила дерзкая мысль: "А давайте мы свои "БМП" закамуфлируем. Василь, тащи желтую и черную краску, с меня хороший магарыч".

- "Ты, Вовчик, сдурел, зампотех (заместитель командира части по техническим вопросам) нас повесит за такие художества", - стали возражать "мазутчики".

- "Давайте быстрее перекрасим наши машины, а потом будем смотреть", сказал Малыш и лаконично добавил. — "Если будут выступать, валите всё на меня".

Все три "БМП" загнали в ангар рембата, и работа закипела. Два краскопульта, заправленные желтой и черной краской, быстро выводили неопределённой формы пятна на броне машин.

Нитрокраска сохла почти моментально под воздействием высокой температуры воздуха.

Через час, сияющие свежеокрашенными бортами, машины въехали на свои стояночные места. Что тут началось! Зампотех, как ошпаренный, вылетел из своей конторки, все находящиеся в парке солдаты и офицеры сбежались на концерт.

Дракон "начал орать". "Какой урод устроил эту самодеятельность и испохабил технику? Да за такие художества вы у меня сгниёте на гауптвахте. Будете языками слизывать краску с брони".

Малыш, выполняя своё обещание, вышел вперёд, прикрывая товарищей.

"Товарищ подполковник, почему вы устраиваете такой скандал? Разве боеспособность "БМП" пострадала оттого, что изменилась окраска корпуса? Ведь при выполнении боевых задач нам легче укрыть такие машины от врага".

Не ожидавший такого дерзкого ответа от сержанта, подполковник опешил и лишь через несколько минут обрёл дар речи. "Да как ты смеешь, наглец, брать на себя такую ответственность да ещё перечить старшему по званию".

"Давайте не будем бросать друг другу оскорбления, а пойдём к комбригу и каждый пусть выскажет своё мнение", — сказал Малыш, и развернувшись, отправился в сторону штаба. Он надеялся получить поддержку и защиту у "Бати", тот хотя и был строг, но всегда шел на защиту справедливости, не взирая на звания и чины. Малыш не видел, как побагровевший от гнева, зампотех грозился кулаком ему и всем окружающим.

Пройдя половину расстояния, Малыш заметил как "Уазик" зампотеха подрулил к штабу.

Сейчас начнёт жаловаться, — подумал Малыш и ускорил шаг.

Постучав в двери и спросив разрешения, вошёл в кабинет комбрига. Тот как всегда, внимательно выслушал обоих оппонентов и предложил выехать на место для осмотра. Малыш попросил разрешения выгнать машины из парка и рассматривать их на фоне окружающей местности. Батя по телефону дал необходимые указания и направился к выходу из штаба. Всех задержал водитель зампотеховского "УАЗа", отлучившийся в туалет, эта небольшая задержка дала возможность механикам разведвзвода вывести машины из парка и разместить их на позиции возле берега реки. Они правильно поняли задумку своего замкомвзвода, за что Малыш потом благодарил их от всего сердца.

Раскраска "БМП", которая в парке казалась дикой и вызывающей на фоне остальных машин, позволила им, на

свободном просторе, слиться с окружающим ландшафтом.

Выведя "УАЗ" на прямую дорогу до парка, Малыш сознательно снизил скорость и стал пристально вглядываться вдаль, его натренированный взгляд уже нашел стоящие в боевом порядке машины. Батя, окинув быстрым взором окрестности парка, негодовал: "Совсем от рук отбились, ещё пять минут назад дал команду на выезд, а никто и пальцем не шевельнул".

"А я вам говорил, они никого не празднуют, пора их поставить на место", — вмешался зампотех.

От этих слов Малыш вскипел, остановив машину, ответил довольно резко: "Зачем понапрасну оскорблять подчинённых, смотрите вперед, машины уже давно на боевых позициях". До позиций, занимаемых тремя "БМП", оставалось ещё около трёхсот метров. Командиры долго рассматривали местность возле парка в направлении, указанном Малышом. Их зрение, притупившееся с годами и не такое острое, как у разведчика, не позволяло сразу обнаружить стоящие неподвижно машины.

Выдал своё место расположения один из нетерпеливых наводчиков, которому надоело сидеть внутри башни и изъявившего желание вылезти наружу.

Комбриг, первым заметивший постороннее движение, восторженно вскрикнул: "Вот шельмецы, как ловко подобрали цвета камуфляжа. Смотри, Семёныч, вон они, где спрятались". И он показал рукой на расположение "БМП".

Зампотех попытался настоять на своём: "Всё-таки так не принято, существует общая норма раскраски боевых единиц и отступать от неё мы не можем". "Почему же выходя на боевые задания, вы надеваете камуфляжную форму, а не парадные мундиры. Ответ прост, хотите выжить и не попасться на прицел снайпера. Может быть для строевых смотров наша раскраска и не подходит, но зато в боевой обстановке она поможет нам более качественно выполнять свои задачи", перебил его Малыш. Интуиция подсказывала ему, что Батя уже на его стороне. "Садитесь в машину, поедем, посмотрим на ваши художества вблизи", дал указание комбриг.

Малыш дал полный газ и, поднимая облака пыли, "Уазик", подпрыгивая на ухабах, помчался дальше по дороге к парку. Совершив довольно резкий поворот, скрежеща шинами по мелкой гальке и песку, "УАЗ" остановился возле самого борта одной из боевых машин. Батя, шутя, заметил: "Руль этому лихачу больше не давать, а то духам придется выписывать ему премию за убийство старших офицеров".

Рассматривая вблизи раскраску машин, он сказал: "Да, если находишься рядом, то на фоне стандартно окрашенных машин,

эти выглядят вызывающе. Но эффективность камуфляжа мы с вами видели на открытой местности. Исходя из этого, следует отметить: раз разведвзвод является самым боевым подразделением и находится на выезде большую часть времени, то им разрешается оставить данную раскраску машин. Разъяснительную беседу с Паниным я, конечно, проведу. На этом и закончим все препирательства".

Закончив свою речь, Батя обратился уже к прибежавшему водителю "УАЗа": "Сынок! Впредь запомни, отлучаться от командирской машины можно лишь с разрешения старшего, а то ведь в один прекрасный день вместо руля возьмёшь в руки автомат и будешь бегать по окрестным горам. Заводи, поехали в штаб, только аккуратно, а то с ветерком мы уже сегодня катались".

"УАЗ" с командирами удалился. Малыш праздновал победу. Как приятно, когда тупость и авторитарное отношение старших офицеров разбивается о стену неопровержимых доказательств твоей правоты.

Малыш гордо разместился на броне 101-й и условным жестом дал команду к движению. Взревели моторы и пятнистые "БМП" резво понеслись в парк. Малыш всегда завидовал виртуозности и мастерству вождения боевых машин, которыми обладали его механики-водители. Перестроившись на ходу, машины въехали в парк и приблизились к месту своей стоянки. Сходу, развернувшись на 180-т градусов, "БМП" остановились на своих местах. Такой маневр был очень сложным и требовал особого мастерства и слаженности действий экипажей. Совершаемый на глазах у зампотеха, этот коронный номер разведвзводовских механиков приводил его в ярость, но поделать с ними он ничего не мог. Эти любимцы комбрига нарочно издевались над ним, доводя до белого каления. Самое большее, что он мог сделать, это назначить экипажи дежурными по парку и командовать над ними по всей строгости "УСТАВА КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ". Благо для ребят такая возможность "Дракону" выпадала редко, ведь основное время разведвзвод находился на выездах.

После обеда Панин, вернувшийся из штаба, немного "потиранил" Малыша за его самоуправство и нарушение субординации по отношению к офицерам. Вся нравоучительная беседа длилась около пяти минут и закончилась похвалой за то, что разведчики в очередной раз утёрли нос "Дракону". Панин тоже недолюбливал зампотеха за его твердолобость и карьеризм.

Закамуфлированные "БМП" разведвзвода были первыми ласточками и уже через месяц почти все машины части были раскрашены также, несмотря на все запреты и репрессии

зампотеха.

За два месяца, прошедших со времени результативного последнего выхода, ничего особенного не произошло. Два раза разведвзвод выходил на сопровождение колонн до Асадабада, где Малыш встречался с Черепом, они обговаривали интересные события своей жизни и делились последними новостями. Гришка искренне радовался успехам друга и завидовал его полной приключений жизни. Его служба вся была расписана по строгому графику и редко происходило, что-нибудь новенькое: караул — отдых — дежурство на позиции "Шилки" — занятия по изучению мат. части — обслуживание техники — караул.

Он заранее знал, чем будет заниматься завтра и, если бы не боевые стрельбы по окрестным хребтам, то можно сказать, служба совсем как в Союзе.

Ещё разведвзвод три раза вылетал на плановые прочёски, не принесшие особого удовольствия и результатов, а также участвовал в общебригадной операции. Смысла и задач этой операции никто из разведчиков так и не понял. Разведвзводу была отведена роль охраны расположения штабных машин. Остальные подразделения бригады якобы отрабатывали приёмы взаимодействия между отдельными родами войск при выполнении общего задания.

За две недели вынужденного безделья, разведчики отличились только тем, что спёрли из запасов офицерской кухни несколько лотков яиц, два мешка картофеля, банку жира, муку, рис и полтуши мороженой говядины. Правда, на все свои банкеты хитрые разведчики всегда приглашали Батю и начштаба. Так, что после обнаружения пропажи досталось только зампотылу (заместитель командира части по вопросам тыла и снабжения) и его подчинённым. Разведчикам, как всегда, Батя пригрозил пальцем и попросил умерить свои аппетиты, а то отправит в "круиз по окрестным горам". Он знал, что его разведбанда только и ждёт такого наказания.

Скоро представился случай размять затёкшие от безделья ноги. Назревал день рождения одного из офицеров штаба. Разведчиков попросили достать несколько баранов и порадовать избранных офицеров своими знаменитыми шашлыками, пловом и другими блюдами восточной кухни.

Здесь, вдали от своих обычных поставщиков, нужно было действовать особенно деликатно.

Выдвинулись в район крупного ближайшего кишлака. Появление "шурави" на боевых машинах внесло панику среди местного населения, находившегося в стороне от обычных маршрутов посещения советских войск. С огромным трудом

удалось отыскать старейшину кишлака и убедить его в благородстве своих намерений. Когда тот, наконец, понял, что разведчики просто хотят купить несколько баранов, необходимые специи и продукты, то согласился помочь. Посланные им, всегда крутящиеся под ногами любопытные ребятишки, привели несколько стариков. Старейшина обратился к ним с краткой речью, те выслушали обращение и одобрительно закивали головами.

Худой, в сопровождении первого отделения и одного из ребятишек, уехал в духан за покупками. Через полчаса шесть откормленных баранов были доставлены к дувалу старейшины, где расположились разведчики. Немного поторговавшись, хозяева баранов получили обещанную плату и ушли. Минут через пять после этого появился Худой с набором всех необходимых продуктов и тремя большими казанами для приготовления плова и шурпы.

Обе стороны остались довольны, разведчики щедро расплатились со всеми. Все равно ведь деньги были собраны во время зачисток у убитых духов и держались в черной кассе именно для таких целей (закупки продуктов в отдалённых кишлаках). Всё необходимое можно было взять и силой, но зачем настраивать против себя ещё одно селение. Вдруг когда-нибудь придётся ещё разок сюда заехать, так лучше встретить нормальных людей, чем получить пулю в спину.

Через час прибыли на место, и работа закипела. Всем нашлось дело: освежевали баранов, подготовили мясо и другие продукты, дрова и воду. Можно было бы приготовить все блюда в полевой кухне, но тогда теряется тот особенный вкус и аромат, присущий этим кушаньям. Вскоре процесс приготовления вошел в решающую фазу; всё кипело, шкварчало и шипело. Запахи разносились на несколько сот метров вокруг. Ближе к вечеру прилетела вертушка, начпрод привёз выпивку, вместе с ним прибыли несколько офицеров штаба.

Торжественный ужин открыл комбриг поздравительной речью, ребятам было всё отчётливо слышно, ведь их расположение было очень близко. Они могли сидеть за одним столом с боевыми офицерами любого ранга, а со штабистами предпочитали не связываться. Как говорил Петрович: "У них своя свадьба, а у нас своя".

Такие праздничные вечера приносили виновнику торжества очередное звание, повышение по службе или награду. В основном таким способом "особые заслуги" зарабатывали: штабные работники, лица, приближенные к штабу, и небоевые офицеры. Ходили слухи, что за определённую сумму можно было купить

любую боевую награду. Поэтому штабисты и офицеры, которые о боевых выходах имели лишь отдалённое представление, никогда не пользовались уважением разведчиков.

Праздничное застолье закончилось поздно ночью. Зная, что утром у всех участников дня рождения будет плохое настроение, разведчики предпочли удалиться с их поля зрения.

Через три дня боевой выход закончился и колонна техники направилась к месту дислокации.

Панину удалось-таки разнюхать истинную причину этой операции. Боевой выход на самом деле был учебным в ходе плановой подготовки к предстоящей армейской операции. Цель, место и время проведения этой операции держались в секрете. Хотя название "Армейская операция" звучало впечатляюще, разведчики своим внутренним чутьём ощущали, что ничего хорошего из всего этого не выйдет. Скопление нескольких, крупных, разрозненных до этого подразделений, всегда создавало неразбериху и различные неудобства в процессе выполнения общей боевой задачи. Для управления этим сводным войском нужен талантливый и тактически грамотный командир. Однако времена таких самородков, как Тухачевский и Жуков давно прошли. Теперь совсем другие критерии отбора комсостава, а случайные исключения от общих стандартов встречаются крайне редко.

Умело подобранный и подобающим образом обученный состав небольшого подразделения всегда выполнит боевую задачу более эффективно, чем крупное формирование. Это правило всегда доказывал отдельный разведвзвод своими действиями.

Через две недели, после учебного выхода, бригада была поднята по тревоге и переброшена в "Чёрные горы". Здесь объединенные силы из ударных частей Кабульского, Баграмского, Джелалабадского и Кандагарского гарнизонов должны были штурмовать один из укрепрайонов духов. Умело организованная и укреплённая линия обороны моджахедов, состоящая из вырубленных в почти отвесных склонах казематов, дополнивших естественную сеть пещер, поставила перед командованием объединенной группы войск трудноразрешимую задачу. Пока "думающий аппарат" в штабах всех уровней бился над решением этой задачи, полки и батальоны безуспешно штурмовали позиции врага. Положение осложнялось тем, что подтянуть на ударную позицию боевую технику и артиллерию не было возможности из-за сложного рельефа местности. Авиация оказалась малоэффективной и особого вреда духовским позициям не причиняла. Штурм укрепрайона превратился в простую осаду, обе стороны "окопались" и обменивались лишь редкими пулемётными

очередями. Постоянно работали лишь пулемётные расчёты "Утёсов" и "ПКа", да ещё снайпера вели свободную охоту за головами.

Остальной набор стрелкового оружия практически стал бесполезным, расстояние между позициями не позволяло вести сколько-нибудь эффективную стрельбу из автоматов. Мы просто заперли духов в их норах и не давали возможности вырваться наружу.

Разведчикам выпала "почетная" обязанность — прикрывать бригаду с правого фланга. Напротив позиции, занимаемой разведчиками, находились три "змеиных норы", вырубленные в почти отвесной стене.

Бездействие как всегда томило, хотелось активных действий. Духи обстреливали оборонки разведвзвода из "ДШКа", их пули жужжали над головами как майские жуки. Через неделю, предприняв несколько неудачных попыток сломать оборону духов, был получен приказ "Занять оборону и ждать".

В начале настроение у Малыша было подавленным, но потом он, собравшись с силами, решительно "выбросил" депрессию и меланхолию из своих мыслей. Теперь он скрупулёзно занялся разработкой планов дальнейших действий. Постепенно к этим разработкам подключились все. Панин с интересом наблюдал за этим процессом, но всякий раз находил слабое место в плане и отвергал его.

Однажды, сидя вечером у небольшого костерка за гребнем,

заворожено глядя в его пламя, Малыш вдруг ясно увидел решение всех проблем. Не желая упустить ниточку правильной мысли, он немедленно побежал к Панину.

Тот сразу заметил блеск азарта схватки в глазах замка: "Вижу, нашел ты таки решение наших проблем, ну, давай выкладывай всё".

"Нам нужно добыть со склада части хотя бы штук шесть трофейных "ЭРЕСов" да парочку "Шмелей". Дальнейший план будет таким: "Мы с Серёгой за ночь выходим на позицию выстрела из "Шмеля", вы залпом "ЭРЕСов" затыкаете духам рот и даёте возможность нам произвести выстрелы. После наших выстрелов в этих тоннелях уже сопротивляться будет некому".

"План, конечно, авантюрный и сырой, но над ним стоит поработать", — ответил Панин. "Дай мне срок на размышление и консультацию с Батей".

Два дня ушло на эти дела, разведчики недовольно ворчали: "Что так долго можно решать — дело ведь стоящее".

На третий день Панин представил утверждённый и скорректированный план. Вместо "ЭРЕСов" решено использовать "ПТУРСы" (Противотанковые Управляемые Реактивные Снаряды), они имели переносные установки для запуска, с помощью которых можно управлять полётом снаряда. В остальном же план не претерпел существенных изменений. Завтра вертушки должны доставить всё необходимое оборудование, их нужно будет встретить на посадочной площадке в пяти километрах от передовой. Доставлять груз к месту ведения боевых действий придется на своих плечах. Два отделения ушли встречать вертушки и без приключений доставили всё вооружение на место. Ещё день ушёл на подготовку к операции и наконец наступило время "Ч". Батя лично прибыл для наблюдения за ходом операции.

С наступлением сумерек Малыш, Серый и всё первое отделение удалились в ущелье, разделяющее позиции противоборствующих сторон. Им предстояло до утра выйти на позицию для выстрела из "Шмеля", а это 400-ста метров, замаскироваться и ждать условного часа. Чтобы ребятам было легче ориентироваться на пути к цели, решено было каждые полчаса запускать парочку сигнальных ракет. Всю ночь бойцы метр за метром преодолевали расстояние до духовских позиций. Приходилось продвигаться особо осторожно, любой, даже незначительный шум мог выдать всю группу, тогда шансов уйти назад живыми почти не было. Малыш сначала не соглашался с составом группы, но Панин привёл убедительный довод: "Уничтожив духов на входе и в тоннелях, вы вдвоём сможете ли

удержать позицию до подхода основных сил? Духи ведь, заподозрив неладное, бросят резервы на помощь пострадавшим от атаки. Имея под рукой отделение, можно организовать оборону и продержаться до нашего подхода". С этим трудно было не согласиться.

Когда небо начало сереть перед восходом солнца, ребята уже были на месте. Словно горные куропатки на лежке, разведчики слились с местностью и укрытые масксетью стали просто невидимы на горном склоне.

Только зная их примерное местоположение, Панин в бинокль смог разглядеть восемь аккуратных холмиков между камнями.

Выждав пока солнце, займёт своё место на небосводе, когда его лучи будут светить прямо в лицо врагу, Панин дал команду на залп "ПТУРСов". Управляемые наводчиками, снаряды почти идеально нашли свои цели, наступило время "Шмелей". Термобарические заряды этих огнемётов влетели в отверстия тоннелей, и адская взрывная волна потрясла гору. Отбросив в сторону пустые пластиковые стволы, ребята сделали ещё по выстрелу в третий тоннель. Сразу поднялись в атаку. Два "ДШКа", расположенные на вершине хребта, попытались их остановить, но в это время появившееся звено "Крокодилов" накрыло их позицию огненным смерчем. Разведчики мигом преодолели расстояние до входа в ближайший тоннель и приготовились к бою.

Малыш впервые видел результаты взрыва заряда "Шмеля" в тоннеле. На учебном полигоне, при сдаче экзаменов, он подрывал лишь пулемётный дзот и бронемашину, зная лишь теоретически о том, что при взрыве заряда в замкнутом пространстве создается "мёртвая зона" на протяжении трёх км. Эти тоннели были поменьше и последствия взрыва поражали: всё, что могло разбиться или сломаться, было разнесено вдребезги. Трупы духов

представляли ужасающее зрелище, по ним словно проехались танком.

Оставив посты на входах, разведчики разошлись для детального осмотра. Быстро осматривали все помещения в тоннелях, везде картина была одинаковой: выбитые двери и искорёженная мебель. В первом тоннеле размещался склад медикаментов и медоборудования, во втором — вещевой склад, а в третьем стояли три генератора и топливные баки. Один генератор был разбит ударной волной, второй, видимо, резервный, был просто отключен, а третий исправно работал, снабжая энергией весь комплекс тоннелей и пещер.

Серёга хотел, было, вырубить его, но Малыш вовремя заметил это и остановил друга: "Если мы его вырубим, духи пошлют группу для проверки, а пока они, видимо, не поняли происходящего и у нас есть небольшая передышка. Может, наши успеют, пока враг будет соображать, подойти. Нам следует организовать оборону в медтоннеле и ожидать духовской атаки".

К этому времени разведчики выяснили, что все казематы соединяются между собой узкими коридорами.

Решили занять позиции в крайнем коридоре и на входе в медтоннель. Коридор уходил вглубь горы и загибался метрах в тридцати. Серёга предложил разбить светильники и поставить несколько растяжек. На входе в тоннель соорудили баррикаду и установили пулемётный пост. Разобравшись с обороной, Малыш продолжил разведку штолен и обнаружил вентиляционный штрек, соединяющий все штольни, и уходящий в толщу горы. Взломав решетку, закрывающую вход, он с радостью обнаружил, что можно свободно пролезть по этому штреку. Как известно, Малыш был самым миниатюрным бойцом разведвзвода и поэтому честь разведать этот путь, без всякого сомнения, досталась ему. Оставив Серёгу командовать обороной, он подготавливался к дерзкой миссии по разведке остальных штолен.

В машинном отделении нашлись: бухта тонкого электрокабеля и несколько подвесных блоков для подъёма грузов. Укрепив один из блоков на кронштейне крепления решетки, Малыш перекинул через ролик кабель, получилась простейшая лебёдка. Обвязав свободный конец троса вокруг пояса, он объяснил своим помощникам, как нужно действовать. При подаче условного сигнала (несколько резких рывков кабеля), они должны изо всех сил тянуть кабель из воздуховода. Из оружия Малыш взял только две гранаты, пистолет с глушителем и нож, всё остальное лишь бы мешало в узком лазе. Вступать в схватку с духами он не собирался, ведь основной целью было разведать обстановку в других штольнях.

Осторожно, не поднимая лишнего шума, метр за метром он продвигался в темноте воздуховода. Страховочный кабель тянулся за ним как змея. Около 150-ти метров отделяло его от ближайшего входа в штольню.

Заглянув сквозь решетку, он увидел, что в этой штольне расположена установка по подъему и очистке воды. В комнате находились три охранника, непринуждённо сидевшие и играющие в нарды. По их поведению Малыш заключил, что духи еще не поняли захвата трёх тоннелей. Как выяснилось впоследствии, эта штольня не имела выхода наружу, и следить за происходящим духи просто не могли. Установка работала исправно, так, что никаких подозрений у охранников не возникло.

Ещё пробравшись на 20-ть метров вперёд, Малыш обнаружил госпитальную штольню. Здесь лечили раненных и больных духов. В коридоре стояли каталки с раненными да деловито суетились несколько людей в белых халатах.

Малыш хотел, было, пролезть дальше, но его попросили вернуться, дважды дёрнув за кабель. Дав задний ход и пройдя штольню с водокачкой, он перевернулся на спину и трижды дёрнул кабель на себя.

Пришел в действие "возвратный механизм" и его поволокло ногами вперёд по воздуховоду. На случай экстренного возвращения таким способом, Малыш предусмотрительно укрепил на спину, кусками кабеля, одеяло с духовского склада, дабы не изорвать свою одежду. Обратный путь занял всего несколько минут.

На выходе Малыша встретил улыбающийся Панин. "Ну, что ты там разведал в этих крысиных норах", — спросил он. Малыш доложил обстановку впереди. "Что будем делать дальше?", — спросил он у командира. "Нужно всё взвесить и обдумать", — ответил Панин. Посовещавшись, решили захватить водокачку и по возможности продвигаться дальше.

Навернув на стволы "ПБСы", Серёга с Малышом осторожно продвигались по коридору. За поворотом путь им преградила металлическая дверь, прогнувшаяся от ударной волны, но не слетевшая с петель. Осторожно открыв, её ребята двинулись дальше. Тусклый свет дежурного освещения позволял хорошо ориентироваться в узком проходе. Наконец, впереди замаячила последняя дверь, закрывающая вход в водокачку. Рывком, распахнув, её они ввалились внутрь помещения и почти в упор расстреляли охрану.

Через пять минут почти весь взвод собрался в этой комнате. Теперь предстояло пробиться в госпитальный тоннель, уже была

объявлена минутная готовность, но по радио поступила команда "закрепиться и ждать". Раз взвод остановили в момент начала атаки, значит, командование приняло новое решение и действия разведчиков могли помешать его выполнению.

Томительных три часа продлилось ожидание, за это время бойцы обшарили все закутки захваченных штолен, заминировали генераторы и баки с горючим, подготовили необходимые трофеи для вывоза. Наконец поступила команда "Готовность три", и через несколько секунд все остальные входы штолен и пещер были атакованы целым роем "ПТУРСов". Сразу после "артподготовки" пехота пошла в атаку. Гребни гор, на которых располагались пулемётные гнёзда, обрабатывались авиацией. В момент атаки Малыш вырубил генератор, по замыслу Панина, внезапно наступившая темнота в тоннелях, должна деморализовать боевой дух моджахедов и внести сумятицу в их ряды. Бросившиеся на проверку генераторов были встречены пулемётным огнём в коридоре водокачки. Сброшенные с гребней гор духи попытались забраться в штольню вещсклада. Пришлось перегруппировывать силы и отражать их атаку. Пока разделывались с ними, разведбат штурмом взял госпиталь и соседние штольни. Обозлённые солдаты устроили там настоящую резню, перебив всех живых духов и персонал госпиталя. Этот факт потом сыграет свою роковую роль в жизни многих людей. Пока же одну за другой захватывали наши войска духовские норы. К концу вторых суток после штурма весь укрепрайон был полностью очищен от врага. Ещё три дня ушли на сортировку и отправку трофеев. Уходя, заминировали всё, что можно. Эхо мощных взрывов ещё долго гуляло по ущелью. Операция завершилась, все подразделения вернулись на свои базы. Разведотделы штабов были завалены трофейной документацией. Вещи и медикаменты были переданы населению и Царандою. Большое количество наградных листов оформили и направили в штаб армии. Три недели бригада отдыхала после боевого выхода. Прибыли с концертами А. Розенбаум, В. Леонтьев и ансамбль "Крымские чайки". Была устроена спартакиада части и смотр художественной самодеятельности. Состоялись два награждения. По итогам боевых операций за последние три месяца разведчики пополнили наборы наград. Панин, Малыш, Серый и Швец получили по две "Красных Звезды", Худой одну "Звезду" и медаль "ЗБЗ", остальные по ордену "К-З". Теперь весь разведвзвод был "Краснозвёздным". После этих событий снова потянулись трудовые будни. Но случай снова отличится, представился очень скоро.

Один из советских советников при Сарбозе был захвачен духами, его начальник предложил командиру банды выкуп за

своего сотрудника. Голову советника оценили очень высоко; 100 автоматов, 50 ящиков патронов, 10 ящиков гранат и пятерых пленных членов этой банды, содержащихся в тюрьме.

Брать банду в момент передачи было нельзя, поэтому решили устроить засаду на горной тропе с другой стороны хребта.

Выдвигались как всегда по ночам, заняли позицию и стали ждать. За день до указанного срока появились передовые группы духов, посланные с целью разведки обстановки. Их пропустили спокойно и дали возможность установить свои посты. В указанный день прибыли машины с оружием и пленными духами. Встреча состоялась в мирном кишлаке, в целях безопасности духи прикрывались мирными жителями.

После проверки оружия и боеприпасов состоялся обмен. Довольные собой, духи вели себя нагло и безбоязненно. Они ведь были уверены в безнаказанности своих действий. Погрузив оружие на верблюдов, двинулись в обратный путь. Вначале они ещё немного опасались погони или воздушного налёта, но, переправившись через хребет, под прикрытие зелёнки, успокоились и потеряли бдительность.

На это и был сделан расчёт разведчиков, дать духам успокоиться и внезапно ударить. Бой был недолгим, но жестоким. Сегодня ребята мстили за своих друзей и пощады врагу не было. Взрывы ручных гранат и гранат от подствольников разметали охрану, длинные очереди пулемётчиков косили мечущихся духов, а автоматчики вели выборочный огонь. Банда уничтожена полностью, раненных и пленных не было. Оружие и боеприпасы

погрузили в прибывшие вертушки и отправили в часть.

По прибытии на базу организовали поминальный ужин в честь погибших товарищей. Разведчики гуляли и никто не предполагал, что конец их безмятежной жизни уже близок.

Вскоре отдых закончился, наступила пора боевых выходов. Разведотделы обработали захваченные документы и определили первоочередные задачи. В результате этой работы был определён "зелёный коридор" для прохода караванов с наркотиками и оружием. Перекрыть эти пути, было поручено: трём разведвзводам и разведроте. Причём, для каждого подразделения был определён свой сектор работы. Эта операция была долгосрочной, так как точных дат провода караванов не было. Район выполнения задачи был труднодоступен для брони, поэтому доставку к месту провели вертушки. В указанном разведчикам районе было три перевала, через которые и шел провод караванов.

Вот на этих точках и предполагалось перехватывать наркотики. Планировалось провести месячную операцию, а потом сменить составы групп перехвата. Но последствия операции в горном укрепрайоне внесли свои коррективы в работу нашей группы. В общей сложности, за две с половиной недели, только разведвзводом было уничтожено пять караванов. Только ребята вошли во вкус, как поступила команда вернуться в часть. Чем была вызвана такая спешка — узнали лишь на месте.

Оказалось, во время захвата укрепрайона несколько штабных офицеров, дабы впоследствии можно было похвастать своими боевыми подвигами, сделали целую серию фотографий у захваченных штольнях. Несколько фотографий Малыш впоследствии видел у особистов. До какой степени идиотизма нужно было дойти, чтобы додуматься до таких сюжетов: Один стоит с автоматом на- изготовку, а вокруг него лежат несколько трупов и среди них двое в белых халатах — получается, он и расстрелял этих людей. Второй гордо держит в руках две отрезанных головы. С подобными снимками двух офицеров, переводящихся служить в Союз, задержали на таможенном пункте в аэропорту Ташкента. Особый отдел провёл расследование. Результатом этого расследования был арест нескольких старших офицеров бригады во главе с Батей. Несколько солдат из разведбата и их комбат тоже были арестованы. Главным обвинением для всех было уничтожение медперсонала и раненных духов. Всех задержанных по этому делу под охраной отправили в Кабул, особый отдел армии взял дело под свой контроль. До части доходили только слухи о ходе процесса. В конце-концов, всех признали виновными и приговорили к разным срокам заключения, в часть не вернулся никто.

Почти полностью была произведена замена высшего комсостава и офицеров штаба. Видимо, подбор кадров был проведён на скорую руку и не совсем компетентно. Как можно было для командования боевой частью направлять офицеров из кадрированных частей и подразделений внутренних войск?! Комбригом был назначен подполковник Серов — ярый уставник и карьерист. С первых дней он взялся наводить уставной порядок в бригаде: ввёл обязательный к исполнению распорядок дня, единую форму одежды для всех подразделений, занятия по строевой подготовке и изучению мат. части вооружения. За малейшее нарушение или отступление от этих распоряжений следовало наказание. В срочном порядке была построена новая гауптвахта на 60-т наромест. Чётко были обозначены границы территории каждого подразделения и усиленно патрулирование внутренней территории части.

Новый начальник особого отдела расплёл огромную паутину из стукачей в каждом подразделении. В общем, боевая часть постепенно превращалась в обычную строевую. Любая инициатива, идущая в разрез с мнением Серова, пресекалась в корне. Для всех настали чёрные времена.

С арестом Бати и чисткой в рядах офицеров штаба была потеряна связь со многими надёжными осведомителями среди афганцев. Работы для разведчиков стало совсем мало и они

томились от безделья. Ребята чувствовали себя словно охотничьи соколы, когда те сидят на жердочке с колпачком на голове и не участвуют в охоте. Бригада всё меньше и меньше выходила на боевые, она заперлась сама в себе. Духи, пользуясь этим, укрепляли свои позиции и наглели с каждым днём. Дошло до того, что средь бела дня, во время построения части на строевом плацу, из-за реки духи выпустили три "ЭРЕСа". Один влетел в землю на самом центре плаца, по счастью, взрыватель не сработал, ракета так и осталась торчать, наполовину уйдя в землю. Второй, пролетев плац, взорвался в обводном канале, подняв тучу водяных брызг и столб грязи. Третий упал в районе столовой, железные корпуса ЦРМок закрыли людей от осколков, но один нашел свою жертву. Повар, мешавший в котле кашу, был убит на месте залетевшим через отдушник осколком.

Разведбат, брошенный на прочёску окрестностей, обнаружил только место запуска. Духи спокойно уехали на мотоцикле. После этого урока все надеялись, что Серов наконец-то найдёт в себе силы поднять бригаду на борьбу с обнаглевшими моджахедами.

От Али поступил сигнал о сборе двух банд на стыке провинций для организации совместных операций. Четыре дня штаб во главе с комбригом перепроверял эти сведения и готовил часть к боевому выходу. На эту комедию смешно было смотреть. Состоялось общее построение части на плацу. Перед каждым бойцом нужно было разложить, для проверки боеготовности бронежилет с каской, оружие с боекомплектом, плащ-палатку с разложенным на ней содержимым вещмешка и сухпайком на трое суток.

Серов лично с начштаба скрупулёзно осматривал вещи

каждого солдата. Такой же примерно осмотр проводил Дракон в парке. Боевая техника выстроилась в колонну на дороге.

Любой посторонний наблюдатель за несколько километров мог фиксировать развитие событий и доложить о готовящемся боевом выходе.

Наконец все проверки были окончены, и колонна двинулась в путь.

Как и следовало ожидать, этот выход был безрезультативным, бригада опоздала ровно на сутки. Духи спокойно решили все вопросы и удалились в неизвестном направлении. Два дня пошарив по окрестностям, бригада вернулась на базу. За месяц было осуществлено ещё два подобных выхода, результат всегда оказывался нулевым. Лишь Серов не понимал происходящего, а только радостно заключал вот, мол, мы какие грозные, да духи нас просто боятся и всегда разбегаются. Уже и штаб армии стал проявлять беспокойство по поводу безрезультативности боевых операций. Прибыла спецгруппа из офицеров штаба армии во главе с самим Громовым для проведения проверки и консультаций. Четыре дня работали они, изучая обстановку в части. Серов получил хороший прочухан, а разведотделам было поручено восстановить и расширить агентурную сеть среди местного населения. Из-за этого расширения у разведчиков началась чёрная полоса неудач в жизни. Если ранее существовавшая агентурная сеть была перепроверена и надёжна, то теперешние, впопыхах завербованные агенты, зачастую работали на два хозяина.

Однажды один из таких агентов выдал информацию о

проходе каравана с наркотой. Разведвзвод выехал на место перехвата. Как всегда организовали засаду и стали ждать. Ночь была лунная и бледный свет заливал окрестности. Видимость была отличная, на расстоянии в 25–30 метров можно было отчётливо видеть движущегося человека.

Малыш возглавлял группу захвата. Получив условный сигнал по радио — "три", приготовились к встрече. Три еле слышных щелчка затворов автоматов, и передовая группа духов перестала существовать. При детальном осмотре трупов в душу Малыша закралось сомнение, только один был вооружен старинным карабином, а двое других, совсем подростки были вообще безоружны. Странное получалось сопровождение для каравана с наркотой. Малыш хотел, было, предупредить по радио Панина о своих опасениях, но не успел. Взрывы и автоматные очереди разорвали ночную тишину. Пока Малыш с товарищами добежал до места боя, всё уже было кончено. Мёртвые животные и люди лежали на земле. Между трупов бродили разведчики. В этот раз разведвзвод уничтожил караван беженцев, двигавшихся к границе с Пакистаном. На верблюдах были навьючены пожитки идущих людей, только четверо из 23-х имели оружие. Основной состав каравана составляли женщины и подростки. Панин матюгался на весь белый свет. Обращаясь к Малышу, он сказал — "Эти ё…ные шакалы из штаба со своими агентами нас подставили и мы теперь в глубокой жопе. Надо рвать отсюда когти". Вот здесь-то разведчики и совершили непозволительную ошибку. Всегда после боя проверялись трупы духов на предмет обнаружения раненных. Сегодня же жертвами оказались гражданские лица и подобной проверки никто не провёл. Одна из женщин была легко ранена, но притворилась мёртвой среди нескольких трупов. Так же выжили два подростка. После ухода разведчиков они добрались до ближайшего поста Царандоя и всё рассказали о ночном происшествии. Те сразу доложили своему командованию и машина разборок между Царандоем и Советским командованием стала неумолимо набирать обороты.

Разведчики находились ещё на 17-той заставе, когда поступила команда срочно вернуться в часть. На КПП части Панин, а также весь сержантский состав были арестованы и доставлены в камеры особого отдела. Чуя неладное, ещё на заставе, Панин предупредил каждого: "Не поддавайтесь ни на какие провокации следователей, особистам говорите только правду о произошедшем".

Две недели провели они в камерах особого отдела. Покоя не было ни днём, ни ночью. Бесконечные допросы в любое время суток и изощрённые попытки следователей выжать из ребят как

можно больше нужной им информации. Итогом этих разборок стало обвинение Панина по нескольким статьям и передача его в военный трибунал. Спасая ребят от тюрьмы, он принял весь груз обвинения на себя: "Бойцы выполняли мой приказ: Согласно Устава приказ сначала исполняется, а потом может быть обжалован в установленном порядке. За невыполнение приказа я самолично расстрелял бы любого на месте и мои подчиненные это хорошо знали. Уничтожение каравана мы проводили по наводке разведотдела, нам была поставлена чёткая задача и условия её выполнения. Духи через двойного агента просто подставили нас. Как офицер, руководящий действиями своего подразделения, всю ответственность за произошедшее беру на себя. Прошу военную прокуратуру принять мой рапорт во внимание и снять обвинения с сержантов и рядовых отдельного разведвзвода". Это строки из рапорта Панина, поданного военному прокурору.

Впоследствии Малыш узнал, что трибунал приговорил Панина к восьми годам лишения свободы: За "Совершение преступлений против гражданских лиц во время проведения военных действий на территории другого государства".

Ребята, благодаря рапорту Панина, отделались выговорами по комсомольской линии, лишением очередных званий и наград, находящихся в стадии наградных листов.

Командиром разведвзвода был назначен лейтенант Зотов, до этого командовавший пехотным взводом 3-го батальона. Этот недальновидный и немного туповатый офицер был просто родственником одного из штабистов при штабе армии. Для него разведвзвод был просто ступенькой на карьерной лестнице. Он даже не стремился вникнуть в специфику работы разведвзвода, зная, что через полгода продвинется на должность комроты с повышением звания до капитана. Нечепорук видел таких "фазанов" немало за свои семь лет службы в Афгане. Приходили лейтенанты, а уже к концу четвёртого года службы уходили в Союз майорами. Зотов как раз был из их числа. Карьера превыше всего, а остальное это ерунда — таков девиз этих офицеров. К разведчикам он испытывал открытую неприязнь, называл их мародёрами, детоубийцами и наглой, не управляемой бандой.

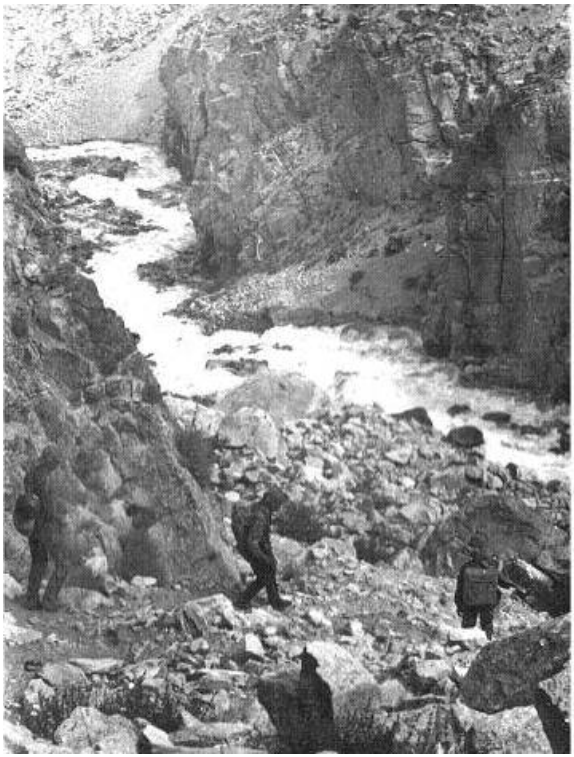
В первый же вечер, после обмывания своего назначения, он явился в палатку разведчиков пьяный как туз и высказал своё мнение о них. Поднятый среди ночи с постели Малыш, сначала никак не мог понять, чего от него хочет новый командир. Но после высказанных обидных слов в свой адрес, просто не сдержался и врезал между глаз пьяному лейтенанту. Тот от неожиданности отлетел в сторону и вырубился. Малыша

оттянули от неподвижно лежащего Зотова и спрятали в парке у мазутчиков. Пришедший в сознание командир грозился отдать Малыша под трибунал, но весь состав взвода стал убеждать его в том, что он случайно споткнулся и упал, ударившись о спинку кровати, а всё остальное — лишь плод его воображения. Утром устроили разборки по поводу ночного происшествия. Все как один, разведчики подтвердили факт отсутствия Малыша в расположении взвода и описали подробности падения пьяного лейтенанта.

Скандал замяли, но Зотов навсегда затаил обиду на Малыша и пообещал отомстить рано или поздно. И отомстил таки самым наглым образом, чуть было не стоявшим Малышу свободы.

Через неделю, после смены комсостава, взвод отправился на плановую зачистку зелёнки. Проведя около недели в бесплодных поисках, переходах и марш-бросках, разведчики уже собирались домой, как вдруг произошел из ряда вон выходящий случай. Во время одного перехода Малыш шел старшим передовой группы, состоящей из Худого и Чижа. Чиж выступал в роли радиста и поддерживал связь с основными силами.

Как обычно расстояние между группами составляло 200-300-та метров. При переходе небольшой речушки, Зотов решил сделать привал. Передовой группе он не соизволил сообщить о задержке, и Малыш спокойно вел своих бойцов дальше. Расстояние между группами неумолимо росло. Небольшое ущелье с тихо журчащей речкой изгибалось в дугу.



К главе о последнем бое Малыша. "Передовой дозор"

Судя по карте, за поворотом должна была находиться неширокая рощица. Выйдя за поворот, ребята нос к носу столкнулись с духовским постом, охранявшим спокойствие отдыхавших в тени деревьев моджахедов. Доли секунды и те, и другие застыли в недоумении, но инстинкты разведчиков сработали быстрее. Худой очередью "ПКа" снёс оторопевших духов. Спохватившиеся враги, отдыхавшие в зелёнке, видя своё численное превосходство, ответили ураганным огнём. Они прижимали разведчиков к стене скал. Первой задачей для ребят было найти подходящее укрытие, организовать оборону и держаться до подхода основных сил взвода. Группка небольших валунов стала временной крепостью. Чиж хотел выйти на связь и сообщить своим о сложившейся ситуации, но пуля снайпера сразила его наповал. Духи, видимо, заметили антенну рации и постарались сразу обезвредить радиста. Лишенных связи разведчиков, они хотели захватить живыми. Двадцать духов против двоих загнанных в угол шурави. Обстрел позиции разведчиков был очень плотным и те еле успевали отстреливаться короткими очередями. "ПКа" Худого пока ещё сдерживал атакующих, пользуясь удобным моментом, Малыш запустил две красные сигналки. Духи поняли, что ребята подали знак о помощи и усилили свои атаки. Нужно было находить позицию

понадёжнее.

"Беги к скалам, я прикрою" — крикнул Худой. Два раза просить Малыша не надо. Бросив в сторону духов гранату, он, пригнувшись, рванулся к ближайшим скалам. Пулемёт Худого заливался длинными очередями. Уже до скал остаётся метров пять. "Сейчас я укроюсь и прикрою тебя, друг", подумал Малыш. В этот момент его словно палкой ударили по ногам и, потеряв равновесие он, уже на пузе, достиг спасительных скал. Ещё не понимая, что ранен в обе ноги, он развернулся и открыл огонь по духам. Его крик: "Худой, вперёд, я прикрываю", — утонул в грохоте взрыва. На месте позиции Худого вырос огненный куст. Малыш всадил всю злость вместе с длинной очередью в гранатометчика, убившего его друга.

— "Я один, где же наши? Прости, Худой, что не сберег. Нужно закрепиться и отомстить за ребят. Духи должны дорого заплатить за их смерть", — эти мысли вихрем пронеслись в голове Малыша.

Только при попытке встать, он понял, что ранен. Ноги стали как деревянные и не слушались, маскхалат быстро темнел от текущей из ран крови. Кое-как, вскарабкавшись выше по склону, он занял удобную позицию между тремя большими камнями и приготовился к бою.

В это время, в полутора километрах от места боя, взвод только поднялся, после сигнальных ракет, и спешил на выручку.

Три атаки духов отразил Малыш, восемь врагов застыли на подступах к его крепости. Духи решили, видимо, взять солдата живым и старались обойти его с тыла. Надежда на счастливое спасение таяла с каждым выстрелянным патроном. От потери крови кружилась голова и временами перед глазами, появлялся туман.

Последний магазин. Стреляя выборочно, Малыш успокоил ещё двоих. Щелчок пустого затвора означал конец сопротивления. Зажав в руке последнюю гранату, Малыш вырвал чеку. "Подойдите и возьмите меня ублюдки" — вслух подумал он и лёг в своём укрытии прямо на землю, положив руку с гранатой под себя. Даже если от потери крови он потеряет сознание, то духи, перевернув его лицом вверх, освободят руку с гранатой и хоть нескольких из них Малыш заберёт с собой.

Говорят, в такие минуты перед твоим взором пролетает вся жизнь. Малыш лишь безразлично ждал конца и думал о том, как бы собрать вокруг себя как можно больше духов, чтобы его смерть была не напрасна.

В голове мутилось, и он проваливался в пустоту.

Взвод с ходу налетел на оставшихся духов и в короткой схватке смёл жалкие остатки недобитых Малышом моджахедов.

Тела погибших Чижа и Худого нашли сразу, а вот Малыша искали около четверти часа. Обшарили всю зелёнку и окрестные скалы. Только Серый, хорошо знавший способ мышления товарища, вернувшись на исходную позицию, попытался проанализировать развитие боя. Прикинув, как развивались события, он с точностью до метра вышел на позицию Малыша. Хорошо, что именно Серый нашел раненного товарища. Ведь любой другой просто перевернул бы Малыша, чтобы проверить, жив ли он. Сергей знал, что его друг просто так никогда не сдался бы врагу и напоследок приготовил какую-либо пакость. Внимательно осмотрев друга, он заметил странное положение руки. Осторожно просунув свою руку под тело друга, нащупал зажатую в кулаке гранату. Крепко сжав своими пальцами кулак друга, только теперь перевернул его на спину. Ещё не понимая, кто его трогает, Малыш инстинктивно попытался разжать пальцы, но Серёга крепко держал его кулак. "Спокойно, Малыш, это я, Серый", — обратился он к товарищу. Володька попытался улыбнуться и окончательно потерял сознание. Аккуратно взяв гранату, Серёга выкинул её за скалы. Прогремевший взрыв привлёк внимание остальных разведчиков. Замка перевязали и напоили тёплым чаем с водкой. Последние слова, что слышал Малыш на месте прошедшего боя, были вызовом вертушек. "Воздух, я Странник, присылайте борт, у меня 2 - 200тых и 1 - 300тый".

Под действием успокоительных и обезболивающих препаратов, вколотых Серым, Малыш полностью отключился от реальности. Сознание вернулось к нему уже в машине "Скорой помощи" при подъезде к госпиталю.

Дежурный хирург быстро осмотрел раненного и дал указание санитарам промыть раны. Более садистской процедуры Малыш ещё не испытывал. Толстая, около 4-х мм в диаметре, игла вводилась прямо в рану и из шприца, похожего скорее на велосипедный насос, под давлением вливался промывающий раствор.

Движение иглы внутри раны вызывало жуткую боль и Малыш крыл матом всех и вся. Прибежавший на крик, старый друг Малыша, военврач Гросс дал санитарам разнос. Ведь сначала нужно было обезболить район ранения, а потом только проводить обработку.

Три дня Малыш беззаботно провёл в госпитале, пока взвод возвратился с боевых. Товарищи сразу притащили ему целую кучу провизии и разных деликатесов.

К вечеру четвёртого дня в палате появился следователь особого отдела и попросил Малыша написать объяснения по

поводу гибели его бойцов. На следующее утро Володю перевели в отдельную палату, где лежал ещё один пациент. Контакты с внешним миром были запрещены, и следователь являлся по два раза в день. Он заставлял Малыша письменно давать ответы на его вопросы и постепенно выстраивал свою версию происшествия. Лежащий вместе с Малышом боец тоже очень интересовался сутью дела, порой был даже очень назойлив.

Серёге удалось наладить контакт с Малышом через медсестёр и постепенно они совместными усилиями поняли, что-же происходит на самом деле. В палате с Володькой лежал "стукач" особиста, Зотов всю вину пытался свалить на Малыша и состряпал соответствующий рапорт. Теперь получалось, что замкомвзвода чуть ли не самостоятельно принял решение, вопреки приказу командира о действиях своей группы. Оторвался от основных сил и попал в засаду. Струсив, бросил товарищей на растерзание духам, а сам попытался сбежать с места боя и прятался за скалами. Ранения тоже были взяты под сомнение, возможно, это свои же ребята стреляли вслед убегавшему трусу. Эту информацию Серёга выкупил у писаря особого отдела за довольно кругленькую сумму.

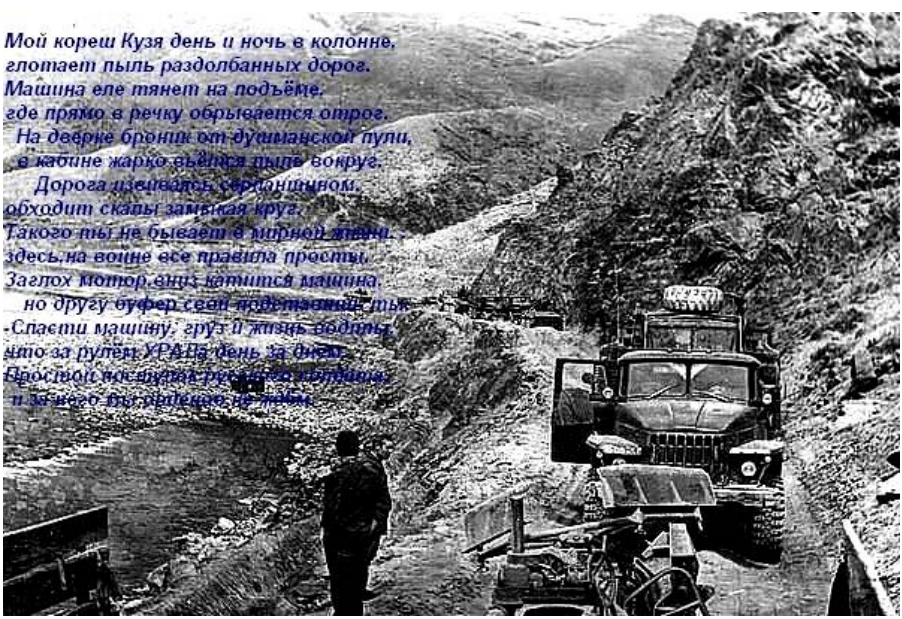
Раны Малыша постепенно затягивались и он был переведён в камеру особого отдела. Ещё неделю он сидел в одиночке, а особисты пытались из него выудить нужную информацию. За этот срок, проведённый в бетонном мешке, Володька, видимо, застудил одну рану и нога воспалилась изнутри. Осмотренный военфельдшером Малыш был снова направлен в госпиталь для проведения срочной операции.

Молва всегда имеет свойство распространяться быстрее ветра. Многие теперь видели в Малыше труса и отношение окружающих было совсем иным, чем прежде.

Оперировать Малыша взялся Гросс. Он предложил написать прошение о том, чтобы во время операции официально присутствовал следователь. Ведь всё равно он, так или иначе, будет рядом и задавая вопросы находящемуся под наркозом Малышу, получит ту информацию, которая ему нужна. Если же присутствие следователя будет разрешено официально, то ответы на вопросы будут считаться либо доказательством вины или оправданием. Эта идея пришлась Малышу по душе и он шел на операцию, твёрдо зная, что его мучения скоро будут окончены и справедливость восстановится.

После операции, уже в палате, Саныч рассказал ему о том, что же происходило в операционной. Как только Малыш отключился под действием наркоза, следователь начал задавать свои вопросы, записывая ответы на магнитофон. Он надеялся с

помощью своих хитрых вопросов запутать Малыша и вывести его ответы в нужное направление. Но полученная в результате ответов информация разбила его линию обвинения в пух и прах. Отлаженный следственный механизм дал сбой, и машина особого отдела не смогла подмять под себя ещё одного невинного человека. Это вызвало цепную реакцию в штабе части. В результате честное имя замкомвзвода разведчиков было восстановлено, Зотов снят с должности и переведён в другую часть. Малыш награждён орденом "БКЗ", а Худой и Чиж такими же орденами посмертно. Комвзвода был назначен лейтенант Поляков из батальона разведки. Ребята хорошо знали его по совместным операциям и радовались такому назначению. За время лечения Малыш провернул ещё одну аферу. Узнав о том, что в ближайшее время Кузя повезёт продукты в Асадабад он решил в последний раз навестить Черепа. По сути это была самоволка. За такие художества можно было крепко получить. Проведя некоторые приготовления он обезопасил свои тылы. Получалось так, что на пару дней Малыш из госпиталя отпрашивается во взвод. Ребята его прикроют. Самым сложным этапом в этой операции являлось время нахождения в машине Кузи. Но друг обещал всё уладить. Наступил долгожданный день отъезда колонны. Малыш спрятался в кабине УРАЛа. Поступила команда начать движение и колонна тронулась. Во время следовании в голове Малыша родилось новое стихотворение.


Мой кореш Кузя день и ночь в колонне,
глотает пыль раздолбанных дорог.
Машина еле тянет на подъёме,
где прямо в речку обрывается отрог.
На дверке бронник от душманской пули,
в кабине жарко вьётся пыль вокруг.
Дорога извивалась серпантином,
обходит скалы замыкая круг.
Такого ты не бывает в мирной жизни,
здесь на войне все правила просты.
Заглох мотор вниз катится машина,
но другу буфер свой подставишь ты.
-Спасти машину, груз и жизнь водилы,
что за рулём УРАЛа день за днём.
Простой не нужен грузу и колонне,
и за него тут орденов не дают.

В Асадабад прибыли без приключений. Радости Черепа не было границ. Они ещё не знали что это их последняя встреча. На

следующий день колонна покинула Асадабад и двинулась домой. Отлучка Малыша была не замечена, и он спокойно вернулся в свою палату.

Через три дня Малыш перенёс ещё одну операцию, и теперь его нога была закована в гипс на целый месяц. Гросс сказал, что по истечении этого срока отправит Малыша на лечение в Союз и война для него уже окончилась. Такой оборот дела пришелся не по вкусу боевому замку, ведь оставалось служить ещё почти полгода. Серега, узнав об этом, стал успокаивать друга: "Ну, сам подумай, это делается для твоего же блага. Ведь Гросс сказал, что ещё три месяца понадобится для полной реабилитации, и в этот период ты просто не сможешь принимать участие в боевых выходах. А я уж знаю твою натуру лучше всех. Как только сможешь ходить, то никто не сможет удержать тебя на месте. Сбежишь с нами в горы, сорвёшь связки и снова — в госпиталь. Можешь доиграться, и ногу отрежут по самые помидоры. Так что лучше сиди и не рыпайся. Ты своё уже отвоевал и тебя никто ничем не сможет упрекнуть".

"Пожалуй, ты прав", — ответил Малыш. — "Но как я буду без вас тянуть солдатскую лямку где-то в Союзе. После нашей разведбанды служба по уставу — это хуже дисбата".

"Мы же здесь служим тоже не вечно и через полгода разъедемся по домам. Может быть, в этой жизни уже больше никогда и не встретимся. Хотя и клянемся, друг другу в том, что никогда не забудем друзей".

Жизнь на гражданке поставит каждого, в свои рамки и порой вырваться за их пределы бывает почти невозможно. И вот ты сегодня получаешь гарантированный на 95 % билет домой, а у нас ещё только 50 на 50, — убеждал друга Серёга. Он ещё не знал, что их "лотерейные билеты жизни" окажутся без выигрыша.

Дела тем временем шли своим чередом. Серёга стал замком, на место выбывших Худого и Чижа подобрали замену. Боевые будни разведчиков были непредсказуемы, в то время как для Малыша каждый день походил на предыдущий, как две капли воды. Процедуры, уколы, приём пищи всё строго по распорядку. Загипсованная по самые трусы нога ограничивала передвижение.

За любое нарушение режима Гросс наказывал хитрым способом, давал распоряжение медсёстрам отобрать костыли и тогда мобильности Малыша наступал конец. Область перемещения сокращалась до размеров палаты, где, держась за спинки кроватей, он мог передвигаться от двери к окну.

Когда взвод находился на базе, то день в компании боевых друзей пролетал незаметно, но такие удачные дни становились всё реже и реже. Духи в последнее время увеличили поставки

наркоты, и караван за караваном шли за пределы Афгана. Влияние натовских инструкторов и наблюдателей ощущалось на всех уровнях. Режим Наджибулы держался уже только при помощи "советских штыков". Всё чаще стали доходить слухи о том, что скоро наши войска будут полностью выведены из Афгана, а все военные объекты и базы будут переданы войскам Сарбоза. Правда, точных сроков этих событий никто ещё не знал и потому, как и раньше, каждое подразделение выполняло свою работу.

О боевых буднях родного разведвзвода Малыш узнавал от друзей. За месяц, что он пролежал в госпитале, разведчики уничтожили шесть караванов с наркотиками, нанеся ощутимый урон наркоторговцам. Он понимал, что духи не оставят такие действия разведвзвода без внимания и постараются каким-нибудь способом помешать "шурави" в дальнейшем столь же успешно выполнять боевые задания. Малыш предупреждал Серёгу и советовал быть как можно осторожнее. Тот успокаивал друга, мол, пока ещё у духов нет умения и сил для сколько-нибудь успешных противодействий разведвзводу. (правильно)

Наступил долгожданный день, когда с Малыша сняли гипс и разрешили свободно передвигаться в пределах территории госпиталя. За месяц вынужденного обездвиживания мышцы ослабли и отказывались работать. Ещё три дня Малыш учился ходить с помощью костылей. Серёга с ребятами помогали, как могли. В подарок командиру они где-то раздобыли элегантную, английской работы тросточку с причудливой ручкой из слоновой кости. Теперь Малыш передвигался уже на трёх. Он старался улизнуть из госпиталя при первой же возможности и почти всё время проводил с ребятами. Близость расставания давила на него тяжёлым грузом. Каким-то шестым чувством он ощущал растущую между ними пропасть и подсознательно чувствовал, что уже никогда не встретит своих друзей в этой жизни. Он уже слишком хорошо знал запах смерти и мог предвидеть, кто следующий попадёт в её лапы. Призрак смерти витал под потолком палатки разведчиков, и Малыш видел дикую ухмылку на его костлявом лице.

Этой последней ночью, которую он провёл в части, Малыш явно видел во сне саму смерть и беседовал с ней. "Зачем тебе забирать моих ребят, ведь они ещё по-настоящему и пожить то не успели? Почему ты не забрала меня? Оставь их в покое, разве тебе мало Худого и Чижа".

Смерть присела на кровати в ногах Малыша и ответила: "Тебя всегда спасает ангел-хранитель, но придет время и через много лет я всё же заберу тебя. Относительно твоих друзей скажу, что

им подходит срок умирать. Время и место уже известно, но ни ты, ни они до самого последнего момента не будете знать об этом. Простившись завтра на взлётке, вы уже никогда не встретитесь. А теперь прощай, мне пора". С этими словами она исчезла, а Малыш проснулся в холодном поту и до утра уже не сомкнул глаз.

Утром, получив в штабе все необходимые документы и денежное довольствие, он приковылял к ребятам. Времени попрощаться было ещё предостаточно, самолёт на Кабул улетал в два часа. Сообразили прощальный обед, собрали вещи и ещё долго сидели, ведя различные разговоры. Незаметно пришло время выезжать на аэродром и, как всегда, все провожали друга. Три "БМП" ждали на дороге. Малыша подняли на руках, посадили на его командирское место. Последний раз он командовал своими машинами. Подождав пока все ребята заняли места на броне, условным жестом дал команду начать движение. Механики добавили обороты и, взревев моторами, машины плавно двинулись к КПП. Прощальным взглядом окинув расположение части, Малыш глубоко вздохнул и про себя сказал: "Прощай на век, земля Джелалабада, с тобой мы не увидимся теперь. Ты кров и пищу щедро нам давала, тебя забыть не сможем мы теперь".

"БМП" плавно катились по дороге к аэродрому. Эту дорогу Малыш знал, как свои пять пальцев и даже с закрытыми глазами мог бы провести машину, ориентируясь лишь по неровностям трассы.

Вот и аэропорт, охрана, стоящая на КПП аэродрома, хорошо знавшая машины разведвзвода, без особых проблем пропустила колонну на территорию аэродрома. На взлётке стоял всего один самолёт — двухмоторный АН-26, обычно такие машины перевозят почту или раненных. "БМП" подъехали к самой кромке взлётной полосы, разведчики помогли Малышу спуститься на землю и выстроились впереди машин для прощания со своим замком. Возле самолёта тоже было заметно оживление, несколько человек внимательно наблюдали за действиями разведчиков.

Серёга, построив взвод, отдал необходимые команды, ребята застыли по стойке "смирно", башенные пушки боевых машин дали тройной залп. Малыш, растроганный такими проводами, со слезами на глазах благодарил своих солдат.

"Я очень рад, что судьба свела меня с такими людьми, как вы. Считаю честью, что пришлось воевать вместе с вами плечо к плечу. Ребята, я никогда не забуду вас, вы делили со мной все тяготы и лишения тяжелых боевых выходов. Берегите друг друга и не посрамите высокого звания разведчика".

Ребята обнимали своего командира и желали всего самого наилучшего.

Заинтересованные пушечным залпом, лётчики вертолётной эскадрильи вышли из своего общежития и, заметив знакомые "БМП" разведки, подошли к ребятам. Лучший друг разведвзвода майор Зиновьев тоже присоединился к общим поздравлениям и пообещал, что его соколы выведут самолёт без проблем.

"Хотя нам и так приказано охранять этот борт, ведь на нём летят два генерала из штаба армии. Генералы, конечно, важные гуси, но друга мы должны проводить по высшему разряду".

В это время к самолёту подъехал "УАЗ", привёзший генералов, пилот запустил моторы, и пришло время завершать прощание.

Генералы были удивлены тем, что одного сержанта провожает такая внушительная компания, но, увидев ряд наград на груди хрупкого, хромающего солдата, сразу же сменили гнев на милость. Малышу предложили лететь вместе с ними в спецсалоне самолёта. Такой чести больше никто из пассажиров самолёта не был удостоен. Хотя несколько штабных офицеров Джелалабадского гарнизона летели этим же бортом и имели звания не ниже майора.

Самолёт, набрав обороты двигателей, развернулся и приготовился к взлёту. В иллюминатор Малыш видел своих ребят и вертолетчиков, машущих ему на прощание руками. Набирая скорость, самолёт помчался по взлётке и оторвался от земли. Как обычно, набирая высоту, он сделал несколько кругов над аэродромом. Малыш с грустью наблюдал за всё уменьшающимися в размерах, по мере набора высоты, фигурками друзей, оставшихся на земле. "Крокодилы" сопровождения вели яростный отстрел тепловыми ракетами, как бы давая прощальный салют. Наконец, набор высоты был закончен, и самолёт лёг на прямой курс. Аэродром растаял в дали, а под крылом самолёта ещё долго мелькали знакомые места, где разведчики не раз проезжали или проходили, выполняя различные боевые задачи.

Дальнейший ход событий можно описать в двух строчках: Кабул, перелёт в Ташкент, поезд до Самарканда, военный госпиталь.

Два месяца Малыш кантовался в госпитале, проходя необходимые реабилитационные процедуры и курсы медикаментозного лечения. Всё это время он поддерживал постоянную переписку с ребятами и был в курсе всех событий в Афгане. Он мысленно был ещё там и продолжал воевать вместе с ними. Серёга писал о том, что духи стали более организованными и наглели с каждым днём. Взвод продолжал успешно громить караваны с оружием и наркотой. Духи усиливали охрану, увеличивали интервалы движения, меняли маршруты, но это

мало помогало.

Однажды пришло письмо, очень расстроившее Малыша. Серёга написал, что духи, через новоиспеченного агента, подсунули информацию про проводку крупного каравана с оружием, причём, точно было указанно место и время прохода. Мы выехали на перехват, на подходе к зелёнке поставили минное поле и заняли позицию у реки. Ночью на это минное поле напоролся взвод спецназа, получивший аналогичную наводку, только с разницей в сутки. Двенадцать из восемнадцати бойцов погибли страшной смертью от осколков прыгающих мин и мин направленного действия. Остальных мы чуть было не перестреляли впопыхах.

Помнишь, ты всегда говорил о вреде разрозненности подразделений и утаивании информации.

Следующее письмо от друга ещё более насторожило Малыша. "Похоже, за нашим взводом духи начали крупномасштабную охоту. Два раза уже нам чудом удавалось раскрыть их планы и избежать засад", — писал Серый.

По окончании курса реабилитации Малыша перевели для дальнейшего прохождения службы в батальон обеспечения учебного процесса при СВАКУ (Самаркандское Высшее Автомобильное Командное Училище). Здесь ему предстояло дослужить оставшиеся три месяца службы. На новый почтовый адрес он получил всего два письма, а потом на целый месяц связь прервалась. Сначала Малыш не очень переживал, ведь иногда взвод мог уходить на боевые выходы ещё на более длительный срок. Прошло ещё две недели и, обеспокоенный молчанием друзей, он написал письмо Зарубе с просьбой прояснить ситуацию. Десять дней прошли в томительном ожидании ответа. Наконец, пришло письмо.

Случилось то, чего Малыш боялся больше всего. Выехав на перехват каравана, взвод попал в тщательно подготовленную засаду. В неравном, жестоком бою все разведчики погибли. Основную группу в упор расстреляли из двух замаскированных "ДШКа". Оставшиеся в живых бойцы яростно сопротивлялись и дорого отдавали свои жизни. Высланный на помощь разведбат, опоздал всего на полчаса. Духи ещё не успели даже собрать оружие и изувечить трупы ребят. Оставшиеся без прикрытия, "БМП" духи разнесли из гранатомётов экипажи, сражались до последнего и тоже погибли. Последние двое, обгоревший наводчик Мишка Курай и раненный в ноги механик Сашка Мельник, погибли на глазах высаживающихся из вертушек солдат разведроты третьего батальона.

У Малыша произошел нервный срыв и его, обколотого

успокоительным, поместили в санчасть. День он провёл в полубессознательном состоянии, уснул лишь после солидной дозы снотворного. То ли под действием этих препаратов, или по другой какой-то причине, он вдруг ясно увидел во сне картину гибели друзей. Словно из поднебесья он чётко видел идущих цепочкой разведчиков. Серёга ведёт передовую группу и ничто не предвещает беды. Вдруг на одной из песчаных отмелей реки головная группа нарывается на кинжальный огонь двух "ДШКа", бьющих в упор из-за скал. Как в замедленном кино Малыш видит летящие пули, рвущие тела его друзей. Раненных почти нет, огонь прицельный и плотный. За первые секунды боя основная часть ребят во главе с комвзвода погибла. Оставшиеся в живых пытаются организовать оборону и вызвать подкрепление. Радист успевает передать лишь короткую просьбу о помощи, рация разлетается на куски от прямого попадания пули "ДШКа". Серёга бежит на помощь со своими бойцами, но его останавливают несколько духов, засевших за камнями. Ребята занимают круговую оборону и, отражая атаки врагов посылают по радио сигналы о помощи. Духи атакуют со всех сторон и неся большие потери, всё же стараются уничтожить остатки разведвзвода. Оказывая яростное сопротивление, оставшиеся в живых разведчики, отступают к реке. Здесь ещё можно, укрывшись за небольшими валунами, организовать хоть какую-то оборону. Малыш чувствует боль каждого своего друга и кажется, что в его тело впиваются все пули, наносящие ранения бойцам. Он видит, как погибают ребята из Серёгиной тройки. При помощи подствольников они все-таки уничтожили гнёзда духовских "ДШКа". Вот Серёга остаётся один, он отстреливается от наседающих духов до последнего патрона. Когда боеприпасы закончились то он, зажав в руке гранату с выдернутой чекой, бросается на ближайших духов с ножом. Его валят на землю, раздаётся взрыв и Малыш видит перед собой лицо друга. "Я ухожу, но забираю с собой всех духов, которых смог достать. Прощай, друг, ты тогда показал мне, как должен погибнуть разведчик. Ни о чём не жалей и помни о нас. Мы всегда будем рядом, пока память о нас живёт в твоём сердце" — с этими словами Сергёй, махнув на прощание рукой, исчез. Малыш продолжал видеть происходящее до тех пор, пока не закрылись глаза последнего из оборонявшихся ребят. Последним погибал Швец. Раненный в голову и грудь, лёжа в воде, он из двух автоматов отстреливался от окружающих его духов. Очередь в спину окончила мучения сержанта и его кровь окрасила речную воду в розовый цвет.

После этого Малыш видел, как погибает броня. За десять

километров от места боя оставшиеся без прикрытия "БМП" были внезапно атакованы подкравшимися духами из гранатомётов. Первой загорелась 101-я, наводчик разворачивает башню и пытается отстреливаться, но второй страшный удар окончательно разносит машину. 102-я с разорванной гусеницей разворачивается на месте и, принимая бой, даёт несколько очередей из пушки, но два прямых попадания бронебойных гранат заставляют и её навеки застыть грудой обугленного металла. Экипаж 103-ей ещё увидел идущие на помощь вертушки.

Механик вытащил наводчика из горящей башни и они даже попытались отбиться от наседающих духов, но силы были слишком неравными. Духи били почти в упор, механик получил ранения обеих ног, он прикрывал своего обгоревшего товарища и, скошенный очередью, замер возле горящей машины.

Полуобгоревший и еле живой наводчик подорвал себя гранатой как Серёга, унося с собой жизни ещё нескольких духов. Боль от ранений и предсмертных мук каждого бойца влились во все клетки души Малыша, его тело горело огнём и каждый нерв трепетал как крылья колибри.

Утром на него было страшно смотреть, ещё два дня назад перед нами был молодой цветущий парень, а теперь на больничной койке лежал пятидесятилетний мужчина. Полностью седой, глубокие морщины прорезали лоб, а дружелюбная улыбка навсегда покинула своё место. Больше всего поражали глаза, они словно выгорели изнутри и ничего, кроме боли и страданий, не отражали. Он почти не реагировал на попытки санитаров наладить с ним контакт. В итоге военврач медчасти вынужден был отправить Малыша в госпиталь для проведения психологической экспертизы и возможного лечения.

Комиссия из трёх высококвалифицированных армейских психиатров провела тщательный осмотр и обследование пациента. Случай в их практике совсем неординарный: солдату остаётся до дембеля считанные дни и вдруг обнаруживаются ненормальные моменты в поведении. Обычно под дурачка косят молодые солдаты. Малыш, понимая всю серьёзность возникшей ситуации, собрался с силами и вёл себя серьёзно как никогда. На все вопросы отвечал точно и чётко, предложенные психотесты выполнил отменно. По результатам обследования комиссия вынесла вердикт: хотя данный пациент и перенёс тяжелую психологическую травму, но в данное время находится в здравом уме и может продолжать военную службу. Афганскую тетрадь пополнил ещё несколько стихотворений.

Экипаж "БМП" принял бой на одной из высот Алихейля.
Нет пехоты, лихой разведвзвод не пробился к нему из ущелья
Духи знали, никто не придет, чтоб спасти "БМП" из капкана.
"ДШКа" прикрывает огнём их отряд у пустого дувала.
Выстрел из гранатомёта разорвал один каток.
И пошла машина боком, развернувшись на восток.
Но наводчик не сдаётся, свой привет душманам шлёт.
Духи справа, у колодца, собирают миномёт.
Пара выстрелов из пушки, нет позиции врага.
Над хребтом идут вертушки, значит помощь уж близка.
Новый залп гранатомёта пробивает бензобак.
Жить ребятам так охота, но не вырваться никак.
Запах гари и соляры заполняет всё вокруг.
Вот уж вылез и механик через свой открытый люк.
У наводчика дымится китель, да и шлемофон.
Есть ведь шанс ещё отбиться, пост свой не бросает он.
Косит духов как косою, отбиваясь от атак.
Сам сейчас он стал бронёю, нервы собраны в кулак.
Пушка смолкла, нет снарядов, пулемёт ещё строчит.
По броне свинцовым градом рой душманских пуль стучит.
Вот уж кончились патроны, захватив свой автомат.
Из пылающей машины спрыгнул на землю солдат.
Духи плотно окружают наших чуть живых ребят.
Почти даже не стреляют, взять видать живьём хотят.
Ранен тяжело механик, кровь сочится из груди.
Он, зажав в руках гранаты, шепчет другу; "отойди".
"Нет, живым я им не дамся, пусть подступятся гурьбой.
Этих наглых моджахедов на тот свет возьму с собой.
Ты ж попробуешь пробиться к тем огромным валунам.
Я прикрою, там отбиться ты от них сумеешь сам.
И не спорь, вдвоем мы точно не задержим их с тобой.
Так получишь шанс хоть малый, что останешься живой."
Вот наводчик приподнялся, сделал несколько шагов.

И упал сраженный пулей наседающих врагов.
А механик сел спокойно, руки в кулаки зажал.
И смотрел, как строй душманов его плотно окружал.
"Подойдите ближе гады, вам сюрприз я приберёг"
две взведённые гранаты тихо положил у ног.
Взрыв потряс чужие горы, духов в клочья разметал.
К облакам как белый голубь, дух героя отлетал.

Разведрота опоздала на каких-то пол часа.
Смерть трофеи уж собрала и с собою унесла.
Трупы духов "рассказали" о трагедии брони.
Как герои воевали и погибли как они.
Не сдались и не сбежали, хоть, конечно же, могли.
48 моджахедов смерть сегодня здесь нашли.
Мы ребята не забудем подвиг этот никогда.
Память вечно хранить будет дорогие имена.
На гранитном монументе выбьем золотом слова;
"Подвиг ваш храним мы в сердце, не сотрут его года".

****

Я в старой книжке записной твой адрес отыскал,
мы познакомились с тобой среди Афганских скал.
Ты пулемётчиком ходил, а я был замкомвзвод,
в Джелалабаде кто служил надеюсь нас поймёт.
Сад апельсиновый вокруг, зелёнка и кишлак.
Духанщик там наш лучший друг, в горах душман нам враг
Дружили просто мы с тобой, родным как брат ты стал.
Делились пищей и водой, шли рядом между скал.

В одном бою был ранен я, бил снайпер наповал.
Подняли на руки друзья, а ты перевязал.
Три километра на себе к вертушке выносил.
Не мог ничем помочь тебе, был просто я без сил.
Ты в лазарете навещал и фрукты приносил.
Я в строй вернуться обещал, а ты не торопил;
"Мы повоюем без тебя, ты знай себе, лечись,
побереги дружок себя и в бой не торопись".
Взвод без меня принял тот бой, но банда велика.
Густа зелёнка за рекой и вроде так близка.
Вы отбивались от врага, патроны берегли.

Была и помощь уж близка, но ждать вы не могли.
И все погибли в том бою, ни выжил не один,
что должен я теперь сказать родителям твоим.
В письме своём я написал, каким ты был бойцом.
Потом в "Союзе" встречен был родным твоим отцом.
Ему я честно рассказал о службе боевой,
Как мы дружили и, что ты был словно брат родной.
Смахнув солёную слезу, он руку мне пожал,
и счастья, мира и любви на всю жизнь пожелал.
Ему я долго вслед смотрел и слёз сдержать не мог.
Себя винил за то, что вас я уберечь не смог.

Правда, ещё на неделю его оставили под наблюдением в психдиспансере. Здесь среди сборища идиотов и душевно больных людей внимание Малыша привлёк один пожилой мужчина. Он отличался от всех тем, что в его взгляде присутствовал здравый смысл. При более близком знакомстве

Малыш узнал, что Иван Петрович Переверзев был запроторен в психушку "заботливыми" родственниками. Вся беда этого человека заключалась в том, что частенько он видел во сне Архангела Гавриила и беседовал с ним. Иногда тот сообщал Ивану Петровичу о событиях ближайшего будущего. Будучи по натуре мягкосердечным и человеколюбящим, Иван Петрович старался поделиться полученной информацией с окружающими, в результате чего и был воспринят как душевнобольной. Здесь в психушке вёл тихую жизнь, смирившись со всеми превратностями судьбы. Малышу он поведал о том, что совсем скоро состоится полномасштабный вывод войск из Афгана. Даже назвал точную дату — 13–16 февраля 1989-го года.

Внимательно, с неподдельным интересом, он выслушал историю Малыша и дал совет.

"После выписки отсюда, в первое же увольнение, сходи в христианскую церковь, найди отца Симеона и поведай о том, что тебя так мучает. Он обязательно поможет".

"Да я ведь даже не крещённый, мои родители партийные, а партия и церковь понятия несовместимые", — ответил Малыш.

"А ты прими святое крещение, отец Симеон с радостью окрестит тебя. Ведь не нами заведено Святое Крещение и не нами должно отвергаться".

После выписки, в воскресенье, Малыш попросил увольнение и получив, пропуск в город, пошел искать храм. Это оказалось нелёгким делом, ведь он забыл спросить у Переверзева, где точно находится эта церковь. Местные узбеки не хотели даже отвечать на такие вопросы. Малыш понимал их, ведь они исповедуют ислам и к неверным относились недоброжелательно. В конце концов, он нашел русского таксиста и тот за 20-ть минут довёз его на место. Небольшая церквушка, построенная ещё офицерами царской армии, была аккуратной и ухоженной. Преклонного возраста священник, отец Симеон, радушно встретил Малыша и внимательно выслушал его историю. Немного подумав, ответил так: "Ты близко к сердцу принимаешь чужую боль, остро чувствуешь границу между правдой и ложью — это очень похвально. Убийство человека является великим грехом, но ведь ты убивал врагов на войне, да и к тому же не был верующим христианином. Очень хорошо, что ты решил принять Святое Крещение. Славянину не должно быть в неверии. А по сути твоего вопроса скажу одно — воздвигни храм памяти своих друзей в своём сердце и молись за спасение их душ. Этим ты дашь возможность им обрести вечную жизнь в Царствии Небесном".

После завершения таинства Крещения Малыш почувствовал, как отступила душевная боль, и жизнь снова обрела прежние

краски.

Через две недели министр обороны издал приказ: "Об увольнении в запас лиц сержантского и рядового состава отслужившего установленный срок срочной службы".

С первой командой дембелей Малыш был отправлен домой. Впереди его ждала встреча с родными краями и любимой девушкой, друзьями и родителями. Правда, он возвращался домой совсем другим человеком, война, потеря боевых друзей, частые встречи со смертью очень сильно изменили его характер. Также переменились для него понятия о справедливости, чести и достоинстве. Наивысшей ценностью этого мира для него стала человеческая жизнь, свободы, и права простых людей он теперь ставил на первое место. Он старался жить за всех своих погибших товарищей. Обострённое чувство справедливости, презрение к подлости и предательству иногда превращали его жизнь в зону боевых действий. Однако на войне все вопросы решаются иначе и проще. Безразличие и порой хамское отношение со стороны чиновников и власть предержащих, непонимание со стороны близких сломали многих из числа бывших афганцев. Решение своих проблем некоторые стали искать в алкогольном или наркотическом дурмане, рушились все планы на счастливую жизнь, распадались семьи. Малыш пошел другим путём, был тот путь гораздо труднее, хотя иногда и случались небольшие отступления от намеченной линии жизни. У него была замечательная жена и дети, они то и поддерживали в самые, казалось бы, критические моменты жизни.

Теперь каждый год в один и тот же день — 15-го февраля, в одном из храмов можно увидеть, как молодой седовласый мужчина с глубокой печалью на лице ставит перед одной из икон более 20-ти свечей. Он заказывает молебен за упокой убиенных на поле брани с длинным списком имён.

В нем, конечно, трудно узнать того бравого замкомвзвода разведчиков, безжалостно громившего со своими бойцами караваны с оружием и наркотой, виртуозно владеющего всеми видами стрелкового оружия и искусством самообороны. Лишь когда он надевает камуфляжную форму на встречу воинов-афганцев, то боевые награды сами говорят о том сложном и героическом пути солдата, не раз смотревшего в лицо смерти.

Только лишь близким друзьям известна полная история жизни Малыша и его отдельного разведвзвода. У него есть одно сокровенное желание: когда-нибудь приехать в Афган и пройти по тем местам, где прошли его боевые годы. В его памяти навечно впечатались районы боёв и засад, он помнит каждый кишлак и зелёнку. И иногда по ночам, во сне, снова и снова поднимает своих бойцов в атаку. Многие советуют забыть всё и тихо плыть по течению жизни. Но как забыть те годы, когда постоянно приходилось находиться на грани жизни и смерти. Как предать память о своих боевых друзьях, деливших с тобой все тяготы и лишения военного времени. И пусть сегодня жизнь разбросала всех по разным сторонам, но те, кто прошел горнило афганской войны, навсегда останутся теми безусыми солдатами, Васьками и Андрюхами, просто "шурави"…